

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Научный журнал

2014

№ 1

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77 – 54966 от 08.08.2013

Журнал издается при поддержке гранта Правительства РФ № 14.B25.31.0009
«Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации
в истории и современности»

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА
«СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»**

Д. Функ (Московский государственный университет, Россия) – главный редактор;
С. Соколовский (Институт этнологии и антропологии, Россия) – зам. главного редактора;
И. Нам (Томский государственный университет, Россия) – зам. главного редактора;
А. Рассказчикова – секретарь; **Е. Карагеоргий** – переводчик.

Л. Дериглазова, Томский государственный университет, Россия – редактор выпуска

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА «СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»**

М.М. Балзер, Джорджтаунский университет, США; **Х. Бич**, университет г. Уппсала, Швеция; **А. Бирталан**, университет им. Лоранда Этвёша, Венгрия; **Л. Дериглазова**, Томский государственный университет, Россия; **В. Дятлов**, Иркутский государственный университет, Россия; **Т. де Грааф**, университет г. Гронинген, Нидерланды; **А. Хазанов**, университет Висконсин-Мэдисон, США; **О. Харусь**, Томский государственный университет, Россия; **Н. Мамонтова**, университет Хельсинки, Финляндия; **Е. Миськова**, Московский государственный университет, Россия; **Е. Трубина**, Уральский федеральный университет, Россия; **П. Швайцер**, университет г. Вена, Австрия; **А. Сорокин**, Томский государственный университет, Россия; **О. Зайцева**, Томский государственный университет, Россия; **В. Зиновьев**, Томский государственный университет, Россия

EDITORIAL BOARD
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

D. Funk, Moscow State University, Russia – Editorial Board Chief editor; **S. Sokolovsky**, Institute of Ethnology and Anthropology, Russia – Associate editors; **I. Nam**, Tomsk State University, Russia – Associate editors; **A. Rasskazchikova** – Secretary; **E. Karageorgiy** – Translator.

L. Deriglazova, Tomsk State University, Russia – Guest editor

EDITORIAL COLLEGIUM
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

M.M. Balzer, Georgetown University, USA; **H. Beach**, Uppsala University, Sweden; **A. Birtalan**, Eotvos Lorand University, Hungary; **L. Deriglazova**, Tomsk State University, Russia; **V. Diatlov**, Irkutsk State University, Russia; **T. de Graaf**, Groningen University, the Netherlands; **A. Hazanov**, University of Wisconsin-Madison, USA; **O. Kharus**, Tomsk State University, Russia; **N. Mamontova**, University of Helsinki, Finland; **E. Miskova**, Moscow State University, Russia; **E. Troubina**, Ural Federal University, Russia; **P. Schweitzer**, University of Vienna, Austria; **A. Sorokin**, Tomsk State University, Russia; **O. Zaitseva**, Tomsk State University, Russia; **V. Zinoviev**, Tomsk State University, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора (Д.А. Функ).....	6
От редактора номера (Л.В. Дериглазова).....	8

ЕВРОПА– РОССИЯ – СИБИРЬ: ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ

Громыко А.А. Чему научилась и не научилась Европа за последние 100 лет	10
Интервью с В.И. Дятловым. «Мне должно быть это интересно, важен азарт, драйв..»	17
Мерлен О. Сибирские хроники (перевод Ю.В. Жучковой)	24
Грошева Г.В. К вопросу о периодизации процесса трансформации национальной идентичности в Германии второй половины XX–XXI в. (По материалам российской историографии).....	33
Хахалкина Е.В. Европейский союз, Великобритания и проблемы общеевропейской идентичности	49
Васютин С.А., Говоров Ю.Л., Юматов К.В. Развитие международных и европейских исследований в Кемеровском государственном университете.....	59
Дериглазова Л.В. «Добавленная стоимость»: деятельность Центра Европейского союза в Сибири (ЦЕСС), 2010–2013 гг.....	69

Рецензии

Kasten, Erich (Hg.) <i>Reisen an den Rand des Russischen Reiches: Die wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert.</i> Fürstenberg/ Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2013. – 320 pp., 9 Farbabbildungen. ISBN: 978-3-942883-16-0 (Д.А. Функ).....	77
Очерки о европейской идентичности и многокультурности: сб. / под ред. М.Ю. Мартыновой. М., ИЭА РАН, 2013.-480 с. ISBN 978-5-4211-0084-3. (Е.В. Хахалкина)	81
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	85
ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО	87

CONTENTS

A note from Editor-in-Chief (D.A. Funk)	6
A note from Guest editor (L.V. Deriglazova)	8

EUROPE – RUSSIA – SIBERIA: PARTICULARITIES OF RESEARCH AND PERCEPTION

Gromyko A.A. What Europe has learned and has not learned in the last hundred years	10
Dyatlov V.I. Interview with Viktor Dyatlov “It should be interesting to me, it is important to be excited, to have drive...”	17
Merlin A. Siberian chronicles (translated by Yu.V. Zhychkova)	24
Grosheva G.V. Periodization of national identity formation in Germany in the second part of the 20 th – 21 st century, Russian historiography	33
Khakhalkina E.V. The European Union, United Kingdom and common European identity	49
Vasyutin S.A., Govorov Yu. L., Yumatov K.V. European studies at Kemerovo State University, 1963–2014	59
Deriglazova L.V. «Added value»: Implementation of European Union Center in Siberia Project, 2010–2014.....	69

BOOK REVIEWS

Kasten, Erich (Hg.) <i>Reisen an den Rand des Russischen Reiches: Die wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert.</i> Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2013. 320 pp., 9 Farbabbildungen. ISBN: 978-3-942883-16-0. (by D.A. Funk)	77
Martynova M. (ed.) <i>Essays on European identity and multiculturalism: Collection.</i> Moscow, IEA RAS, 2013. 480 p. ISBN 978-5-4211-0084-3 (by E.V. Khakhalkina).....	81

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	85
INFORMATION LETTER (in Russian)	87

Уважаемые читатели!

В 2013 г. на базе исторического факультета Томского государственного университета при финансовой поддержке проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.В25.31.0009) были изданы первые два выпуска нового журнала «Сибирские исторические исследования». Начиная с 2014 г. журнал будет выходить в обновленном виде: это касается не только его оформления, но и состава редколлегии, тематики, жанров и принципов отбора публикуемых текстов.

Кардинально изменен состав редакционной коллегии, в которой подавляющее большинство составляют сейчас признанные российские и зарубежные лидеры в социальной и культурной антропологии, археологии, истории, готовые активно участвовать в формировании нового, международного лица журнала. Нам удалось привлечь к сотрудничеству и ряд молодых коллег. Надеемся, что регулярные ротации дадут нам возможность поддерживать оптимальный рабочий тонус новой команды журнала.

Мы рассчитываем на заинтересованный диалог представителей разных отраслей гуманитарного знания. На страницах журнала по-прежнему будут в основной своей массе публиковаться исследования, основанные на анализе именно сибирских (в самом широком понимании этого термина) материалов, однако мы рассчитываем не замыкаться в сибирских рамках и потому будем приветствовать теоретические работы, базирующиеся на широком сравнительном материале. Сибирь, как постколониальная, постимперская и постсоциалистическая территория, является чрезвычайно интересным регионом, позволяющим анализировать проходившие и проходящие здесь процессы в сравнении с аналогичными процессами в арктических и субарктических регионах мира, на африканском континенте, в Восточной Европе, Латинской Америке, в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Мы надеемся стать площадкой для новых ярких работ, построенных на сравнительном анализе максимально широких по географическому охвату материалов.

Журнал меняется и структурно: мы ввели рубрику «Рецензии» и будем стремиться к ее расширению. В условиях сохраняющегося отрыва российских исследователей от обсуждения новых трендов в мировой науке, полагаем, это будет способствовать большей включенности наших коллег в современные научные дискурсы. К печати принимаются также интервью с лидерами в интересующих нас научных областях: в номере, который Вы держите сейчас в руках, публикуется яркое интервью с Виктором Иннокентьевичем Дятловым, безусловно, ставшее украшением этого номера журнала.

Начиная с этого года – и это еще одно важное новшество – вводится принцип двойного слепого рецензирования для обеспечения качества публикуемых текстов.

Пока идет процесс наполнения портфеля, номера журнала «Сибирские исторические исследования» – в 2014 г. четыре номера в год – будут делаться тематическими, с приглашенными редакторами. Первый номер, как мы и планировали, посвящен Европе и современному европейскому обществу. Второй же будет целиком состоять из работ социальных антропологов. В дальнейшем мы надеемся избежать такого жесткого деления номеров, практикуя тем не менее специальные темы внутри отдельных номеров журнала.

Мы рассчитываем на то, что, издавая в том числе и Ваши статьи, обзоры, рецензии, мы сможем уже в ближайшее время стать одной из признанных качественных площадок для публикации и обсуждения академических работ по самому широкому кругу вопросов сибиреведения и гуманитарного знания в целом.

Д.А. Функ

От редактора номера

Первый номер журнала «Сибирские исторические исследования» 2014 г. посвящен Европе и европейскому современному обществу как объекту исследований и научной рефлексии. В большинстве своем материалы, представленные в номере, подготовлены авторами, живущими в Сибири и работающими в сибирских университетах. Для них изучение зарубежных стран, процессов, происходящих в обществах, функционирующих за многие тысячи километров от Сибири, составляет профессиональный академический интерес. Привычно отвечая на вопросы зарубежных коллег, что они из России, но не из Москвы или Санкт-Петербурга, эти ученые движимы максимой, высказанной в интервью Виктором Иннокентьевичем Дятловым, известным и очень уважаемым историком из Иркутска, – ученые свободны в выборе тем своих исследований, «сибирскость» ученого не является решающим фактором, особенно в условиях открытости миру.

Действительно, сегодня в современном мире и в России, открытой миру, место постоянного проживания ученого является обстоятельством, имеющим значение лишь для оценки затрат на проезд из точки «А» в точку «В», но не для определения исследовательских задач. В то же время важно, чтобы жизнь за тысячи километров от столиц не делала ученого «провинциальным» по образу мышления и способам аргументации¹.

Номер открывает статья Алексея Анатольевича Громыко. Это текст выступления Алексея Анатольевича на международной научной конференции «Россия и ЕС: взаимодействие в сфере науки и образования. Россия и ЕС на пространстве Евразии». Конференция прошла в ТГУ 19–21 мая 2014 г. с участием Посла ЕС в России Вигаудаса Ушацкаса, а также многочисленных ученых из европейских и российских университетов. Выступления Ушацкаса и Громыко на пленарном заседании, открывавшем конференцию, представляли разные, если не сказать полярные, взгляды на современное положение в Европе, на существующий кризис в отношениях между ЕС и Россией. Выступление В. Ушацкаса было опубликовано на сайте ТГУ². Выступление А.А. Громыко мы публикуем на страницах нашего журнала с великодушного разрешения автора.

Елена Владимировна Хахалкина и Галина Васильевна Грошева обращаются в своих статьях к проблеме национального самосознания двух ведущих стран Европы: Великобритании и Германии соответственно. Обе страны, несмотря на существенные различия в истории и ментальности своих народов, сталкиваются со схожими проблемами. Европейская интеграция и массовая

¹ В этом отношении примечательной является дискуссия о «провинциальной и туземной науке», представленная на страницах журнала «Антропологический форум» в № 19 за 2013 год.

² Речь главы Представительства ЕС в России, Посла Вигаудаса Ушацкаса на открытии конференции «Россия и ЕС: взаимодействие в сфере науки и образования» в ТГУ. 20.05.2014. Томский государственный университет. Новости. (http://www.tsu.ru/content/tsu/ podrobnosti/ 48346/ ? sphrase_id=115602).

миграция из третьих стран – два важнейших фактора постоянного влияния на умонастроение и самосознание наций. Эти факторы создают новые обстоятельства жизни и функционирования обществ, порождают проблемы и/или усложняют существующие. Эти факторы невозможно отменить или ограничить их влияние. Рецензия Е.В. Хахалкиной на недавний коллективный труд наших коллег о европейской идентичности и многокультурности, вышедший под ред. М.Ю. Мартыновой, продолжает названную тему.

В номере публикуются два обзора, в которых рассматривается развитие европейских исследований в Кемеровском и Томском государственных университетах. Обзор, подготовленный Сергеем Александровичем Васютиным, Юрием Людвиговичем Говоровым и Константином Владимировичем Юматовым, охватывает весь период появления, развития и современного состояния европейских и международных исследований в КемГУ. Обзор, подготовленный Ларисой Валериевной Дериглазовой, анализирует опыт реализации проекта по созданию Центра Европейского союза в Сибири на базе ТГУ, в рамках которого объединены шесть сибирских университетов.

Ряд материалов номера обращен к различным аспектам европейской истории и современности, а также восприятию Сибири и сибиряков европейскими авторами. В.И. Дятлов в своем интервью дал блестящие и бескомпромиссные ответы на вопросы о том, что значит жизнь и работа в Сибири для ученого-историка. Статья профессора из Бельгии Од Мерлен, написанная в жанре «путевых заметок», представляет читателю ряд ярких зарисовок томской жизни, «навешанных прогулками и встречами». Дмитрий Анатольевич Функ в своей рецензии знакомит читателей с новой коллективной монографией наших европейских коллег, посвященной жизни и творчеству немецкоязычных исследователей Сибири XVIII–XIX столетий.

*Лариса Дериглазова
Томск, 22 мая 2014 года*

ЕВРОПА – РОССИЯ – СИБИРЬ: ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ

УДК 327(94.4)

ЧЕМУ НАУЧИЛАСЬ И НЕ НАУЧИЛАСЬ ЕВРОПА ЗА ПОСЛЕДНИЕ 100 ЛЕТ¹

А.А. Громыко

Сравниваются события, происходившие в Европе в начале XX и XXI вв. В 2014 г. во всем мире и в Европе отмечают столетие начала Первой мировой войны. Многие исследователи полагают, что 1914 г. был поворотным в европейской истории. Часто само начало XX в. относят к 1914 г. Конец XX в. часто определяют 1991 г., когда распался СССР, и закончилась холодная война. А.А. Громыко полагает, что «короткий XX век» предлагает важные уроки для сегодняшних европейских историков и политиков.

Ссылаясь на недавние исследования европейских ученых, А.А. Громыко подчеркивает сходство конфликтов в начале XX и XXI вв. Автор полагает, что сегодня безопасность Европы зависит от того, какое место займет Россия в новой Европе. Подобно Германии в XX в., сегодня место России и ее отношения с европейскими странами будут определять вопросы войны и мира в Европе.

Автор анализирует развитие Европы в течение «короткого» XX в. и доказывает, что Европа по-прежнему далека от идеалов безопасности и справедливости, несмотря на оптимистические заявления о роли Европейского союза в предотвращении войн. Напротив, по мнению А.А. Громыко, сегодня Европа разделена, как и столетие назад, а «европоскептицизм» преобладает среди простых европейцев. Текущий кризис в Украине создал новую ситуацию, в которой, по убеждению автора, Европа должна опираться на уроки прошлого и выбрать «долгий мир» в противоположность большой войне.

Ключевые слова: Европа, Россия, мир и война, международные отношения.

Столетие начала Первой мировой войны – одного из самых драматичных и судьбоносных событий в истории XX в. – вспоминают и широко отмечают в Европе и по всему миру. Уже давно в исторических исследованиях за ним закрепилось название «короткого», отводя 1914 г. роль не календарного, а фактического начала столетия. Конечно, с этим можно спорить, указывая на то, что та великая война разразилась не в результате трагичного стечения обстоятельств или цепи случайностей, а долго вызревала в недрах мировой политики, была продиктована объективными причинами конкуренции великих держав. Но бесспорно то, что 1914 г. стал символической точкой отсчета нового периода европейской истории, рождения мира, принципиально не похожего на предыдущий.

¹ Данная статья представляет собой текст выступления А.А. Громыко на Международной научной конференции «Россия и ЕС: взаимодействие в сфере науки и образования. Россия и ЕС на пространстве Евразии», ТГУ, 19–21 мая 2014 г.

Масштаб того события был настолько грандиозным, причины, его вызвавшие, настолько многослойными, что историки до сих пор спорят о его природе, генезисе, значении и последствиях. Как часто бывает со знаковыми датами, воспоминания о них, их переоценка ставят вопрос об уроках истории, их злободневности. Чему может научить Первая мировая война Европу сто лет спустя? Вопрос далеко не праздный. Круглые даты всегда подталкивают к тому, чтобы проводить параллели между прошлым и настоящим. Однако в случае событий начала XX в., действительно, напрашивается немало аналогий при размышлениях о нынешнем состоянии Старого Света.

Мыслям об этом способствуют и новые крупные исследования, приуроченные к скорбной юбилейной дате. В английской литературе среди них хотелось бы выделить монографию профессора Кембриджского университета Кристофера Кларка «Лунатики: как Европа пришла к войне в 1914 году» и книгу профессора Оксфордского университета Маргарет Макмиллан «Война, прервавшая мир: дорога к 1914 году» [1, 2]. Содержащийся в них анализ положения дел в Европе в начале XX столетия демонстрирует, что, во-первых, Европа пала жертвой противостояния нескольких центров силы и отсутствия общеевропейской системы безопасности и, во-вторых, что личностный, субъективный фактор в истории играет огромную роль.

Не напоминает ли Европа 2014 г. все больше Европу 1914 г.? Чем, например, Украина – не Балканы сегодняшнего дня как потенциальный фитиль большой войны? Эскалация событий на Украине произошла по историческим меркам мгновенно, приведя к новой гражданской войне в центре Европы – перспектива, которая после войн в Югославии казалась больше невозможной. Чем сами современные Балканы, как и сто лет назад, не её потенциальный детонатор, расположенный, например, в Боснии и Герцеговине? Чем «замороженные конфликты» в Молдавии и Закавказье не воронка для возможного втягивания в противостояние друг с другом целого ряда соседних стран и не только? Не избежала ли уже история, к счастью, срыва в широкомасштабное столкновение между великими державами, например, в результате броска российских десантников в аэропорт Приштины в июне 1999 г. или в августе 2008 г. в Грузии?

Если следовать логике «короткого века», XX столетие можно назвать вдвойне коротким, отмеряя его продолжительность лишь до 1991 г., как другой знаковой датой. Но так ли это? С рубежным значением 1914 г. трудно спорить, но и трудно согласиться с тем, что последствия распада Советского Союза и уход в прошлое биполярного мира укладываются в короткий временной промежуток рубежа 1980–1990-х гг. Скорее обратное – те события стали лишь началом трансформаций на громадном евразийском пространстве – процесса, который принадлежит XX в. и который, на самом деле, может сделать действительно коротким уже новое столетие.

Представляется, что последнее содержательно, а не календарно начнется по-настоящему только тогда, когда геополитические плиты, пришедшие в движение с исчезновением СССР, вновь обретут относительный покой. Пока же то, что происходит на постсоветском пространстве и в Юго-Восточной Европе, олицетворяет не новый период истории, а попытки Старого Света решить главную проблему второй половины прошлого столетия – объедине-

ния Европы на основе единой системы безопасности и союзнических отношений. И те политики и политические силы, которые до сих пор противятся этому и призывают призраков холодной войны вновь обрести плоть, лишь отдаляют настоящее начало XXI в.

Конечно, никакие крупные процессы в истории не заканчиваются и не начинаются одномоментно, и новое всегда вызревает в глубинах старого. Вероятно, последние два с половиной десятилетия представляют собой одновременно доживание XX столетия и рождение новой эпохи. Пока эти два исторических ряда переплетены настолько тесно, что трудно отличить одно от другого. До сих пор не решенной проблемой, доставшейся от прошлого, является место России в Большой Европе. Последняя сейчас фактически представляет собой «постверсальскую Европу» календарного начала XXI века. Только в отличие от первой трети его предшественника сейчас признание достойного места и роли на ее пространствах требуется уже не для Германии, а для России.

С другой стороны, процессом новой природы является, безусловно, эволюционный, постепенный переход мира к полицентричной системе международных отношений. Такую полицентричность часто сравнивают с «концертами держав» XIX столетия. Одни видят в этом добрый знак, другие бьют тревогу. Первые указывают на то, что тогда баланс сил великих держав, особенно тот, что утвердился после Венского конгресса 1814–1815 гг., способствовал установлению в Европе длительного периода относительного спокойствия; другие, напротив, опасаются, что ставка на эту концепцию может, в конце концов, привести к повторению пройденного, к новому 1914 г.

Можно ли назвать утверждающийся полицентризм начала XXI в. новым изданием давно ушедших в прошлое «концертов держав»? И да, и нет. Многополярность и тогда, и сейчас роднит то, что не существует одного или двух гегемонов, которые могут диктовать свои условия всем остальным, сила и влияние в мире становятся всё более распыленными. Однако есть и принципиальные несовпадения. В отличие от XIX столетия международные отношения окончательно перестают быть европоцентричными, о себе всё громче заявляют внеевропейские центры силы и влияния. На второй план ушли и силовые методы решения тех или иных международных проблем; большинство стран мира, включая европейские, ориентируются в достижении своих целей на использование «мягкой силы». Наконец, после 1945 г. была создана мощная и разветвленная система международного права, опирающаяся на деятельность Организации Объединённых Наций, которая не повторила судьбу Лиги наций, а превратилась в стержень мировой политики, лучше и эффективнее которой с точки зрения мирового управления и регулирования человечество пока ничего не изобрело.

Период истории, начавшийся в 1914 г., можно во многом сравнивать со временем после 1991 г. Война, разразившаяся сто лет назад, по мнению многих историков, включая Уинстона Черчилля, не была Первой, и не закончилась в ноябре 1918 г. То был первый этап новой «тридцатилетней войны», конец которой положил лишь 1945 г. Центральной проблемой того исторического отрезка времени были судьбы Германии. Можно утверждать, что в истории Европы последних 25 лет стоял и продолжает стоять вопрос о судьбах

России. Без его решения век XX не закончится, а век XXI не начнётся. Распад Советского Союза не привёл к таким катастрофическим последствиям с точки зрения человеческих жертв, как начало Первой мировой войны. Хотя надо помнить, что на счету этого распада десятки тысяч погибших и миллионы пострадавших. Вопрос в том, будет ли Европа, в отличие от себя самой сто лет назад, решать проблему нового непризнанного Левиафана не путём скатывания к конфронтации и, возможно, к большой войне, а путем установления большого мира.

Пока же начало XX и XXI вв. больше напоминают друг друга, чем отличаются. В обоих случаях Старый Свет прошёл через эйфорию в отношении своего будущего. Сто лет назад Европа была в зените своего могущества, большая часть мира была поделена между европейскими империями, технологические новшества трансформировали жизнь человека, экономика повсеместно быстро развивалась, и XX в. должен был стать для Европы триумфальным и исключительно благополучным. Как ни парадоксально, пик воодушевления в Европе пришёлся на первые месяцы войны, которая была восторженно встречена публикой. Разочарование наступило быстро. Симптоматичным стал выход в 1918 г. книги О. Шпенглера «Закат Европы» – реквием по западной цивилизации. 1920-е гг., отмеченные хронической безработицей, сменились Великой депрессией. В 1930 г. публикуется «Восстание масс» Х. Ортега-и-Гассета – реквием по западной культуре.

Старт нового тысячелетия сопровождался эйфорией, связанной с ожиданиями превращения Евросоюза в лидера XXI столетия. Как триумф воспринималось мегарасширение 2004 г. за счёт стран Восточной Европы, Кипра и Мальты. ЕС находился в предвкушении принятия Евроконституции и новых волн расширения. Продолжался беспрецедентный по длительности период экономического роста. Казалось, что ЕС вот-вот обретёт настоящую политическую субъектность на фоне разногласий с внешней политикой США и складывания формата «большой тройки» России, Франции и Германии. Для исследований о Евросоюзе были характерны названия «Европейская мечта: как европейское видение будущего затмевает американскую мечту» [3], «Почему Европа будет первенствовать в XXI веке» [4], «Европейская сверхдержава» [5]. Однако, как и сто лет назад, дальнейшие события привели к тому, что эйфория сменилась пессимизмом, унынием, ощущением безысходности, истощенности, потерей ориентиров. В 2008 г. Европа оказалась ввергнута в тяжелейший экономический кризис за всю её послевоенную историю.

Начала столетий сближает и то, что Европа была тогда и остаётся сейчас разделённой, фрагментированной. Современный хрупкий баланс сил, как карточный домик, рушится то в Грузии, то в Боснии и Герцеговине, то на Украине. Тлеют конфликты в Приднестровье и Нагорном Карабахе. Фасад относительной стабильности прикрывает рост социально-экономического неравенства, опросы общественного мнения регистрируют небывалый рост недовольства. По данным Евробарометра, в ноябре 2013 г. ЕС не доверяли 58% граждан его стран-членов (включая 59% немцев, 62% итальянцев, 63% французов, 67% британцев, 71% испанцев). Как никогда за историю западноевропейской интеграции сильны евроскептические настроения, поднимают голову ксенофобия и национализм. Особенно сильны антироссийские настроения.

Перед лицом не игрушечного, а реального сепаратизма стоят Испания, Бельгия, Британия.

Параллели напрашиваются и в том, что мировая политика вновь бросает вызов европоцентризму. Практически во всех регионах мира новые «поднимающиеся державы» держат курс на самостоятельную роль в международных отношениях. Тогда это были в первую очередь Япония и США, теперь – Китай, Индия, Бразилия, Турция, Иран и др. Первая мировая война, несмотря на триумф Франции и Британии, стала началом конца европейского экспансионизма. Теперь широкое хождение получил термин «усталость от расширения».

Обеспокоенность вызывают и аналогии, связанные с готовностью ряда европейских стран к использованию силовых методов решения региональных проблем. В 1911 г. Италия начала военные действия против Османской империи в Ливии (тогда – Триполитания и Киренаика). За ними последовали две Балканские войны, которые стали уже непосредственной предтечей Первой мировой. Сто лет спустя, в 2011 г., Италия, Франция, Британия и ряд других стран предпринимают военное вмешательство в гражданскую войну в Ливии на стороне антиправительственных сил. В сентябре 2013 г. в одном шаге от повторения такого же сценария история остановилась в Сирии.

Конечно, исторические эпохи, разделённые целым столетием, имеют неповторимые черты, разнятся, по крайней мере, не меньше, чем напоминают друг друга. В отличие от начала XX в. фундаментальная «новация» Новейшего времени – фактор ядерного оружия, мощное сдерживающее средство в отношениях между великими державами. Судя по всему, и в новом столетии оно будет играть не меньшую роль. Уникальность нашего времени заключается и в интеграционных региональных проектах, в первую очередь в лице Европейского союза, природа которого исключила войну как средство решения разногласий между его участниками.

Но отличия двух эпох не обязательно «работают» на стабильность. Так, в разрез с сегодняшним днём тогда на динамику внутриевропейских дел значительного влияния не оказывали внешние факторы. Теперь же геополитические и геоэкономические интересы США в Европе могут вести к усугублению конфликтов, а не к их разрешению, яркими примерами чего служат события в Закавказье в 2008 г. и на Украине в 2014 г.

Новая тенденция, вызывающая большое беспокойство, – увлечённость политических классов Запада поддержкой революционных процессов, а чаще – насильственной сменой политических режимов. Большую часть XX в. Советский Союз был глашатаем революций как мотора исторического прогресса. Теперь же стороны словно поменялись местами, и ведущие западные столицы воодушевлённо приветствуют свержение того или иного правителя, причём вне зависимости от степени его легитимности. Так, 21 февраля 2014 г. официальные представители Парижа, Берлина и Варшавы участвуют в подписании соглашения между В.Ф. Януковичем и лидерами оппозиционных партий, тем самым признавая легитимность украинского президента, но уже через несколько дней приветствуют вооружённый переворот в Киеве. Такие подходы и методы ничему, кроме правового нигилизма, потворствовать не могут.

При сравнении начальных периодов двух столетий расходятся и положения дел в сфере демократизации европейского общества. Сто лет назад происходило «восстание масс», не имеющее аналогов по своему масштабу вхождение людей в политику, создавались массовые политические партии, профсоюзные движения, на авансцену общественной жизни впервые выходили миллионы избирателей. Теперь же в Европе один из основных рефренов политического дискурса – проблема политической апатии, демократического дефицита, потери доверия между политической надстройкой и низами, схлопывание массовых партий в кадровые. Широкие слои населения разочарованы политикой и уходят из неё. А многие из тех, кто остаётся, используют механизмы представительной демократии для выражения своего протеста, а не поддержки правительств, парламентов и президентов.

Поверхностны ли параллели между началом XX и XXI вв. или за ними стоят реальные и глубинные процессы? В чём злободневность опыта Первой мировой и всей эпохи «тридцатилетней войны» для нашего времени? Насколько мышление политиков за последние сто лет совершенствовалось так же быстро, как технологии? События последних лет – кризисы и войны как в самой Европе, так и вокруг неё – не вызывают исторического оптимизма. Фактически рухнуло одно из самых больших государств Старого Света – Украина. Отношения России и ЕС, России и НАТО переживают наихудшие времена после распада Советского Союза.

Однако думается, что слишком велики были жертвы, понесённые Европой в двух мировых войнах, слишком ценит она своё благосостояние, обрётённое с таким трудом за последние 70 лет, слишком далеко зашли процессы европейской интеграции и слишком неприемлема для европейского обывателя и налогоплательщика война как статья расходов его средств, чтобы в этом история в её наихудшем проявлении повторилась. Здравый смысл рано или поздно возьмёт верх, и в Старом Свете установится большой мир, каким бы далёким он ни казался на фоне дымящегося Славянска.

Литература

1. *Clark Christopher*. The Sleepwalkers: How Europe went to war in 1914. – New York: HarperCollins Publishers, 2013. – 736 p.
2. *MacMillan Margaret*. The war that ended peace: the road to 1914. – New York: Random House, 2013. – 784 p.
3. *Rifkin Jeremy*. The European Dream: How Europe's Vision of the Future Is Quietly Eclipsing the American Dream. – Cambridge, UK: Polity, 2004. – 448 p.
4. *Leonard Mark*. Why Europe will run the 21st century. – London, New York: Public Affairs, 2005. – 278 p.
5. *McCormick John*. The European Superpower. – New York: Palgrave Macmillan, 2007. – 256 p.

Поступила 3 июня 2014 г.

Gromyko Alexey Anatolievich, Institute of Europe, Russian Academy of Science (Moscow, Russia).

WHAT EUROPE HAS LEARNED AND HAS NOT LEARNED IN THE LAST HUNDRED YEARS.

Key words: Europe, Russia, peace and war, international relations.

This article compares events that occurred in Europe at the beginning of both the 20th and 21st centuries. Many researchers consider 1914 to be an important point in European history. Indeed, often

the beginning of the 20th century is considered to be that year, and in 2014, the 100th anniversary of the First World War was widely commemorated in Europe and across the world. Similarly, the end of the century is often referred to as 1991, when the USSR collapsed and Cold War ended. Gromyko therefore argues that the "short XX century" offers important lessons for today's European historians and politicians.

Referring to recent European books, he reveals great similarities between conflicts at the beginning of the 20th Century and the beginning of the 21st. He believes that today European security depends on how successfully Russia is integrated in contemporary Europe. Just as was the case with Germany in the 20th century, Russia's relations with European countries will determine the difference between peace and war in Europe.

Furthermore, Gromyko evaluates the development of Europe in the "short" twentieth century and argues that Europe is far from secure and just despite an enthusiastic belief among member states that the European Union project can prevent war. In contrast, he argues that Europe is as divided now as it was a hundred years ago and that Euroscepticism is the predominant position for the majority of Europeans. The current crisis over Ukraine has created a new and dangerous situation, but the author maintains that Europe should learn from its past and choose "lasting peace" rather than war.

References

1. Clark Ch. *The Sleepwalkers: How Europe went to war in 1914*. New York: HarperCollins Publishers, 2013. 736 p.
2. MacMillan M. *The war that ended peace: the road to 1914*. New York: Random House, 2013. 784 p.
3. Rifkin J. *The European Dream: How Europe's Vision of the Future Is Quietly Eclipsing the American Dream*. Cambridge, UK: Polity, 2004. 448 p.
4. Leonard M. *Why Europe will run the 21st century*. London, New York: Public Affairs, 2005. 278 p.
5. McCormick J. *The European Superpower*. New York: Palgrave Macmillan, 2007. 256 p.

УДК 930.1

«МНЕ ЭТО ДОЛЖНО БЫТЬ ИНТЕРЕСНО. ВАЖЕН АЗАРТ, ДРАЙВ...» ИНТЕРВЬЮ С В.И. ДЯТЛОВЫМ

Виктор Иннокентьевич Дятлов, признанный и уважаемый историк из Иркутска, отвечает на вопросы. Как историк, ученый должны выбирать тему для своих исследований? Что значит быть исследователем сегодня? Как стать успешным ученым? Что такое Сибирь для него? Существует ли российская или сибирская школа международных исследований?

Профессор В.И. Дятлов дает прямые блестящие ответы на эти вопросы и рассказывает о своем опыте исследователя, который почти всю свою жизнь провел в Иркутске и при этом активно участвовал в реализации многих международных проектов в открытом мире. В.И. Дятлов полагает, что ученые свободны в выборе темы своих исследований. Он рассказывает о том, как трансформировала его исследовательский интерес от национализма к изучению «торговых» этнических меньшинств в арабских странах. Ученый рассуждает о том, как было возможно проводить настоящее исследование в условиях идеологических ограничений советского периода, и о том, как тема его исследований трансформировалась в новой России. В.И. Дятлов полагает, что в науке важно быть «коллективистом», потому что современные исследования требуют усилий многих людей. Он скептически отзываясь о современных тенденциях в российской науке (наукометрические индикаторы и индексы, проект Сколково); так как, по его мнению, наиболее выгодные вложения могут быть только в настоящих ученых.

Ключевые слова: изучение международных отношений, Сибирь, исследования.

ДЯТЛОВ ВИКТОР ИННОКЕНТЬЕВИЧ, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета.

Родился 20 января 1949 г. в с. Голуметь Черемховского района Иркутской области. 1967–1972 гг. – студент исторического факультета Иркутского государственного университета, 1972–1973 гг. – стажер восточного факультета Ленинградского государственного университета, 1973–1976 гг. – аспирант кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки при МГУ. В 1977 г. защитил в совете Института стран Азии и Африки при МГУ кандидатскую диссертацию на тему: «Национальная, иностранная и инонациональная буржуазия в Египте накануне революции 1952 года», в 1995 г. там же – докторскую диссертацию по теме «"Торговые меньшинства" стран Арабского Востока и Тропической Африки».

С 1976 г. по настоящее время – преподаватель, старший преподаватель, доцент, профессор кафедры всеобщей истории (в дальнейшем – мировой истории и международных отношений) Иркутского государственного университета. Читает общие курсы «История стран Азии и Африки в XX веке» и «Этнополитология» для студентов очного и заочного отделений исторического факультета Иркутского государственного университета, ряд спецкурсов по современной истории Востока и проблемам трансграничных миграций и торговых меньшинств.

Сфера научных интересов – сравнительное изучение диаспор, «торговых меньшинств». В настоящее время основной объект исследования – формирование китайской диаспоры в России, а также положение выходцев с Кавказа и из Средней Азии в российской провинции. Участвовал в коллективных и индивидуальных исследовательских проектах, поддержанных РГНФ, Московским Центром

Карнеги, Фондом ИНТАС, Фондом Макаруров, Фондом Форда, Фондом Розы Люксембург.

Автор более 200 научных публикаций на русском, английском, японском и арабском языках.

Директор Исследовательского центра «Внутренняя Азия».

Заместитель главного редактора независимого научного журнала «Диаспоры» (Москва).

Член Редакционного совета журнала «Международные процессы» (Москва).

Член Редакционной коллегии журнала «Сибирские исторические исследования» (Томск, Москва).

Л.Д. Виктор Иннокентьевич, для многих международников в России и, конечно же, в Сибири Вы являетесь примером оригинального, успешного и востребованного ученого. Вы активно работающий исследователь, который сочетает полевые и теоретические изыскания достаточно широкого спектра. Вы – признанный специалист в России, при этом Вы живете и работаете за многие тысячи километров от столиц. Несколько вопросов в этой связи.

Я хорошо помню, как в мою бытность аспиранткой мне часто говорили: «В Сибири не нужно изучать американскую молодёжь и американскую молодежную политику». А, на Ваш взгляд, какие темы должны выбирать ученые, работающие в Сибири?

В.Д. В самом общем виде – те темы, которые интересны самому ученому, которые «зацепят» его и долго отпустить не будут. Никому ученые ничего не должны вообще, а уж тем более при выборе своих научных интересов. В качестве сотрудников тех институций, где мы работаем, – другое дело. Там могут возникнуть какие-то обязательства. Конечно, на выбор темы влияют и факторы, вполне рациональные и прагматичные – сфера научных интересов учителей, их основанные на большом опыте рекомендации, доступность источников, научная мода, «товарность» темы, спрос, в том числе и платежеспособный, на результаты исследований. Но это собственный выбор, стремление к собственной творческой самореализации. «Сибирскость» ученого (в смысле жизни и работы на «далекой окраине») не является решающим фактором. Особенно в условиях открытости миру, развитой системы научных коммуникаций, интернета.

Л.Д. Что является главным для Вас как ученого при выборе тематики исследований?

В.Д. Мне это должно быть интересно. Важен азарт, драйв. Возможность творческой самореализации. А вообще – сама жизнь, логика исследований определяла тематику. И коль скоро задан вопрос о личном отношении – сошлюсь на собственный опыт, рискуя, конечно, быть обвиненным в нарциссизме. На первом курсе университета мой первый Учитель, Мирон Акимович Бендер, спросил, чем бы я хотел заниматься, о чем намерен писать курсовые, а в перспективе и дипломную. Я нагло ответил – национализмом. Он деликатно сказал, что это тема очень сложная, безграничная и требует массы знаний. Посоветовал заняться чем-то конкретным – поработать, скажем, над биографией и идеологией модного тогда Г.А. Насера. Это вылилось в дипломную работу. Через Насера – интерес к Египту. Когда пришло время вы-

бирать тему кандидатской диссертации в Институте стран Азии и Африки при МГУ, моя «научная мама», Фериде Мустафовна Ацамба, соглашаясь с Египтом, решительно отвергла эту тему как слишком идеологизированную, к тому же требовавшую хорошего знания арабского языка. «Зачем нам, Виктор, все эти революции?» – сказала она. Предложила спокойную, вполне академическую, далекую от начетнических дискуссий о «социалистической ориентации» и от идеологического контроля (насколько это было возможно тогда) тему египетского предпринимательства, «египетской буржуазии», как это тогда формулировалось. Оказалось очень интересно. Особенно – совершенно не вписывавшийся в отечественные концептуальные конструкции того времени сюжет о многочисленных и влиятельных в дореволюционном Египте еврейских, армянских, греческих, ливанских и прочих левантинских предпринимателях. «Инонациональной буржуазии», как это иногда называли в отечественной историографии. Никак они не укладывались в жесткую дихотомию «национальной – иностранной буржуазии». Я написал о них параграф в диссертации, несколько статей, но это мало приблизило меня к пониманию проблемы.

Сложность и загадочность проблемы дали заряд азарта на долгое время. Поэтому я не особенно колебался, когда пришлось выбирать тему докторской диссертации. Конечно, потребовалось расширить «географическое поле» – до всего арабского мира. Однако уж слишком выпирали там еврейские темы и сюжеты, а я ясно понимал, что свободно писать о евреях мне никто не даст. Возникла идея замаскировать, прикрыть их безобидными в идеологическом отношении группами – индийцами, китайцами, ливанцами Тропической Африки. Необходимость освоения огромных и новых для меня массивов источников и исследовательской литературы окупалась резко расширившимися возможностями компаративистики. Но основная проблема лежала в иной плоскости. Профессионально я сформировался как очень нарративный историк. Меня учили – и учили очень неплохо – собирать, группировать, систематизировать материал. Но не делать из этого глубоких теоретических выводов. Очень быстро я убедился, что моя исследовательская проблема, загадка «инонациональной буржуазии», исключительно в этой плоскости принципиально неразрешима. Пришлось вторгаться в сферу социологии, социальной антропологии, этнологии, даже этнопсихологии. Это было очень трудно – и очень страшно. Но позволило вывести понимание проблемы в концептуальную плоскость «торговых меньшинств».

Дописывал и защищал докторскую диссертацию я уже в новой России. Это позволило снять проблему цензуры и самоцензуры. Одновременно я с захватывающим интересом наблюдал, как в России буквально на глазах формируется собственный объект моих исследований. Массовые трансграничные миграции и формирование рыночной экономики породили феномен, который чаще всего называют «этнической экономикой». Феномен этот возник и стремительно трансформировался буквально на глазах, в режиме реального времени – и он не только не исследовался, но даже и просто не описывался. Не проходило острое ощущение «уходящей натуры». Был и соблазн использовать некоторые идеи и исследовательские подходы на материале «родных осин». Почти случайно я обнаружил, что эта тематика стала пользо-

ваться большим спросом, в том числе и платежеспособным. Появилась возможность получать гранты, организовывать масштабные исследовательские проекты, публиковать индивидуальные и коллективные монографии. Изначальная междисциплинарность изучаемой темы подтолкнула к знакомству и тесному сотрудничеству с социологами, демографами, экономистами, социальными антропологами, лингвистами. Не говоря уже об историках. Устанавливались международные контакты. Постепенно размывается очень острое в советские времена ощущение профессиональной изолированности, отъединенности, в общем – «гетто».

В процессе выполнения коллективных проектов, организации серии научно-образовательных школ сформировался большой междисциплинарный и межрегиональный неформальный исследовательский коллектив, который может решать сложнейшие задачи. И вместе с этим коллективом я, в каком-то смысле, вернулся в Сибирь – мы реализовали несколько масштабных проектов, посвященных специфике миграционных процессов в переселенческом обществе востока России. Лично меня здесь больше интересуют сюжеты, связанные с механизмом формирования ксенофобских комплексов («желтая опасность», «китайская угроза», «кавказофобия»), этнических стереотипов. Теперь для меня Египет в качестве исследовательской площадки – далекое прошлое, зато проблемы национализма, на которые я так нагло замахнулся первокурсником, стали объектом непосредственных исследовательских интересов.

Л.Д. Какие темы исследований в международных отношениях не получили должного внимания российских или сибирских исследователей? Или, наоборот, были излишне перегружены вниманием?

В.Д. Дело не в темах, дело в подходах. В советскую эпоху наука как институция и система отношений обслуживала имперские интересы и потребности. Отсюда широта интересов, ограниченная только идеологическим контролем и цензурой. Империя могла себе позволить хотя и нищенское, но финансирование изучения древних языков, сравнительного литературоведения и прочих бесполезных для непосредственного использования наук и тем. Это было предметом статуса, непонятно для чего, но важная *фенечка* на фасаде. Сейчас цензуры нет (почти нет – и пока), но и подкрепленного ресурсами интереса государства тоже почти нет. Да и имперского интереса к тому, что во всем мире происходит, тоже нет. Государству интересны прикладные результаты, имеющие непосредственное практическое значение. Да и то – не всякие и не всегда. Иностранные исследовательские гранты – очень важный ресурс для выживания отечественной науки – ушли в прошлое. Все это создает мощный стимул для вырождения, деградации и победы местечкового стиля в нашей науке.

Л.Д. Каков должен быть результат исследования? Кому и в каком виде нужны результаты академических исследователей?

В.Д. Современная наука – дело коллективное. Писать в стол, для потомков – это удел не наш. Поэтому результаты должны максимально быстро и широко доводиться до профессионального сообщества. Мы работаем для себя и для коллег. Это предполагает, к слову, необходимость соблюдения норм и правил написания научного текста. С этим в нашем профессиональном со-

обществе большие проблемы. Если результаты востребованы более широкими аудиториями – замечательно. Нет – не катастрофа. Очень скептически отношусь к жанру текстов для начальства. Даром потраченные усилия. Чрезвычайно важны (и крайне дефицитны) по-настоящему научные тексты, интересные широкой аудитории. Пока же – очень тоскиливо смотреть на полки книжных магазинов, с тематической рубрикой – «история». Сплошные фоменки с гумилевыми.

Л.Д. Виктор Иннокентьевич, история/наука о международных отношениях чему-то учит?

В.Д. А должна? Конечно, еще на первом курсе истфаков мы все усвоили, что «*Historia est magistra vitae*». Чем больше живу, тем больше сомневаюсь в этой максиме — и как в констатации, и как в пожелании, и как в императиве. Как говорится, миссия невыполнима.

Л.Д. Что значит быть международником сегодня – в Сибири, в России, в мире?

В.Д. Не знаю, не очень хорошо понимаю содержание этого понятия. Если речь идет о той отрасли гуманитарных исследований, которая так или иначе связана с межгосударственными отношениями («внешняя политика», «международные отношения», «мировая политика», «внешнеэкономические и внешнеполитические связи», «международные конфликты» и т.д.), то я не международник и никогда им не был. При всем искреннем уважении и понимании научной и практической важности... Но если речь идет об отечественных ученых, занимающихся изучением всего, что находится за пределами наших государственных границ, то такое понимание умерло вместе с СССР. Оно ведь явно или неявно исходило из констатации принципиальной несовместимости миров и необходимости различных методологий анализа. Соответственно, различных профессиональных исследовательских корпораций. Сейчас мы часть мира и его проблем, пусть даже не очень удачная и удачливая. Это обесмыслило прежнее деление.

Л.Д. По Вашему мнению, существуют российская, сибирская или даже иркутская школа международных отношений? В чем это выражается?

В.Д. Сложный вопрос – учитывая многозначность и неопределенность самого понятия «школа». Что это – совокупность ученых, занимающихся сходной проблематикой? Тусовка, клан, клика? Общность, разделяющая некие моральные и исследовательские принципы? Группы ученых, говорящих на одном научном языке? Группы ученых, которые работают над изучением общей проблемы и разделяют некие принципы того, как это надо делать? Наследники и последователи некоего научного мэтра? Повторяю, что не считаю себя международником в том понимании, что это сфера изучения межгосударственных отношений. Поэтому не могу профессионально оценить существование школ – в любом из этих пониманий. А также и в возможных иных. Но я убежден в невозможности существования научных школ, основанных на городском, региональном или страновом принципе. Еще откровеннее – нет и не может быть российской, сибирской или иркутской школ международных отношений.

Л.Д. Для Вас как для сибиряка и исследователя что такое «Сибирь»?

В.Д. Как для исследователя – интереснейшее, уникальное поле. Как для человека – Родина. «Отеческие гробы...». Не просто место, в котором волей судьбы и обстоятельств живу. Не только и не столько территория, сколько тип человеческих отношений и связей.

Л.Д. Каков «секрет» или «рецепт» успешного ученого сегодня? Или что значит быть успешным ученым?

В.Д. Люди разные. Ученые – не исключение. Представление об успехе, критерии этого – тоже разные. Лично для меня – это признание коллег. Репутация в профессиональном сообществе. Тексты, которые читают. Надежда, что будут читать хотя бы какое-то время.

Л.Д. Если бы Вам дали возможность определять направления и объемы финансирования исследований в мире, в России, предложили бы создать «Новое Сколково», как бы Вы расставили приоритеты?

В.Д. Мое глубокое убеждение, что самое выгодное вложение средств – в человека, в человеческий капитал. Наука – в этой сфере. И наша историческая – тоже. Вложенный сюда рубль окупится сторицей. Если его рационально использовать, конечно. В модель Сколково я не верю. Не верю, что «шарашки», пусть даже золотые, могут быть эффективными. Сети, свободно организующиеся для решения конкретных задач коллективы ученых – вот наиболее эффективный путь. Но он требует мощной околонаучной и научной инфраструктуры – государственные и частные фонды, журналы, разнообразные сервисы и т.д. И как можно меньше бюрократии и бюрократизма – со стороны государства и самого научного сообщества. Всех этих идиотских индексов хиршей, импакт-факторов и прочего околонаучного бреда. Конечно, если есть желание и желающие поиграть в эти игрушки – флаг им в руки. Но только не за счет моего времени. Есть профессиональная корпорация – есть и гамбургский счет. А если нету – то никакие хирши не помогут.

Л.Д. Есть ли у Вас как у ученого мечта?

В.Д. Мечта – вещь личная, интимная. А я по происхождению из сибирской деревни, нормы которой не поощряли излишней откровенности и открытости личной жизни. Поэтому пусть этот вопрос останется открытым. Да и как ученому мне очень нравятся тексты, которые завершаются вопросительным знаком. Или многоточием...

Иркутск, март – апрель 2014 г.

Вопросы задавали Л.В. Дериглазова и Е.А. Матвеева.

Поступила 2 апреля 2014 г.

Dyatlov Viktor Innokentievich, Irkutsk State University (Irkutsk, Russia).

INTERVIEW WITH VIKTOR DYATLOV "IT SHOULD BE INTERESTING TO ME, IT IS IMPORTANT TO BE EXCITED, TO HAVE DRIVE..."

Key words: International relations studies, Siberia, research.

Viktor Dyatlov, the distinguished and authoritative historian from Irkutsk, answers questions. How should a historian or a researcher choose the topic of their study? What does it mean to be a researcher today? How can one be a successful researcher? What is Siberia? Does a Siberian or Russian school of international studies exist? Professor Dyatlov gives direct and bright responses to these questions and talks about his experience as a researcher living and working all his life in Irkutsk, while being deeply involved in numerous international projects and enjoying a newly open world.

Viktor Dyatlov believes that researchers are free to choose the topic of their studies. He talks about the development of his research interests from nationalism towards 'trading' ethnic minorities in Arab countries. He discusses how it was possible to develop true research under ideological restriction of the Soviet time, and how this topic was transformed in independent Russia.

Today Russia is open to the world and Russian scientists are free to participate in international scientific cooperation. Dyatlov observes that in this context it is important for researchers to be a 'team players', because the research process more often demands cooperation between many people. However, Dyatkov is skeptical of current trends in Russian science, such as scientometrics and the Skolkovo project, and concludes that the majority of investment should go into true research.

УДК 94

СИБИРСКИЕ ХРОНИКИ¹

О. Мерлен

Од Мерлен, профессор факультета социальных и политических наук Свободного университета Брюсселя, делится своими впечатлениями от встреч с разными людьми в Томске в октябре 2011 г. Её короткие истории соединяют прошлое и настоящее людей и города, она размышляет о том, каким может быть будущее этих людей. Од слушает мнения людей по поводу предстоящих выборов в Государственную думу РФ, их оценки прошлой советской жизни и сегодняшней, их надежды и сомнения. Од Мерлен наблюдает людей в их повседневной жизни: в кафе, университетах, сауне, на улицах. Она пишет об интересе людей к Европе и европейской политике, их поиске понимания собственного прошлого и возможного будущего. Автор рассуждает о том, каким может быть будущее молодых и не очень молодых томичей.

О. Мерлен посещает музей политических репрессий в Томске и разговаривает с его директором Василием Ханевичем. Она осознает, как много семей в Сибири прошли через ссылки и репрессии в советский период. О. Мерлен посещает показ документальных фильмов в университете, который посвящен погибшим правозащитникам Анне Политковской и Натальи Эстемировой. Эссе заканчивается утверждением, что сегодня Томск стал открытым городом.

Ключевые слова: Россия, Сибирь, сибиряки, Томск.

1970-е. Осень. Самолет Москва – Новосибирск вынужден совершить посадку в Томске из-за плохих погодных условий. На борту самолета посол Великобритании, который оказался в разгар «холодной войны» посреди Советского Союза, охваченного стагнацией брежневской эпохи. Но, оказывается, Томск – закрытый город, так как расположенные здесь военно-промышленные предприятия ведут разработку новых ядерных технологий. А это значит, что иностранцам въезд в город воспрещен. Паника [охватила небо... и землю]. Что делать с послом? Оставить его дрожать от холода на борту самолета, положившись на прославленное английское хладнокровие? Или же дать ему возможность сойти на землю? Все, начиная с областного комитета КПСС и заканчивая Управлением КГБ по Томской области, ломают голову над этим вопросом. В конце концов, решили отогреть посла за чашечкой чая. Один из работников университета, свободно владеющий английским, спешит на аэродром, чтобы встретить волею случая оказавшегося здесь посла. Он будет подле него до тех пор, пока последний не сможет продолжить свой путь.

¹ Написаны после визита, совершенного в рамках межуниверситетского соглашения в Томск. Мысли, навеянные прогулками и встречами, в которых нашли свое отражение предыдущие поездки в Россию. Реальная Россия, где прошлое неразрывно связано с настоящим города, который был «закрытым» в советское время.

Перевод статьи, опубликованной ранее в бельгийском академическом журнале «Revue nouvelle» в 2012 г. Aude Merlin. Chroniques sibériennes d'automne // La Revue Nouvelle, Avril 2012, n. 4. (<http://www.revuenouvelle.be/numero161.html>) Перевод Ю.В. Жучковой.

Эту историю Алексей Тимошенко, заведующий кафедрой мировой политики, поведал нам на открытии конференции «Европейский союз и Россия: пути модернизации», которая проходила в Томском государственном университете¹ в октябре 2011 года. Томск, расположенный в 4 000 км от Москвы, получил свое название от реки Томь, на которой он стоит. Один из древнейших сибирских городов был основан по приказу царя Бориса Годунова в 1604 г. Сейчас же Томск – сильнейший университетский центр Западной Сибири: из 500 000 жителей города 100 000 – студенты. Однако на нем все еще лежит отпечаток прошлого: попасть в Северск² можно только по пропуску.

Улыбнись прохожему!

23 октября 2011 г. Воскресенье, 6 часов утра. Самолет приземлился в Томске. Из-за 5-часовой разницы во времени ночи будто бы и не было. Вымотанные бессонной ночью пассажиры стоят в ожидании багажа. Вся укутанная в розовое, маленькая девочка с заспанными глазами терпеливо ждет свой, в окружении своих родителей. Каких-то полчаса – и мы въезжаем в город, еще объятый ночью. Понемногу я начинаю различать потрясающие деревянные дома с искусным резным декором на окнах. Это постройки конца XIX – начала XX в. Уже в который раз я поймала себя за разсуждениями об истинно «русском» [«русскости»], столь же родном, сколько и чужом. Из XIX в. переносимся прямиком в настоящее время. 4 декабря 2011 г. состоятся региональные выборы, которые совмещены по времени с выборами в Государственную думу. Об этом событии напоминают большие рекламные щиты, с которых проходим улыбаются милые лица.

В самом деле, через несколько недель состоятся федеральные парламентские выборы, которые не просто породят различного рода дискуссии, но послужат началом к массовым протестам против фальсификаций, сопровождающих выборы. Мало кто обращает внимание на предвыборную рекламу, так как слоганы имеют не совсем политический характер. «Единая Россия», партия Власти, со всех уголков улицы, с автобусов и в магазинах призывает улыбнуться: «Улыбнись прохожему, и Россия станет тебе другом!». Однако что-то пошло не так и над «улыбкой» уже подшучивают на ужине в администрации Томской области, которую возглавляет В. Кресс. Снимая пальто, мой коллега наткнулся в гардеробе на рекламу с улыбкой и не смог сдержаться: «Куда не взгляни — всюду улыбки! Это единственное, на что способны единороссы!»

Сибирская история

Я встретила с Сергеем, молодым человеком азиатской внешности, с мягким голосом и добрыми глазами. Мы с ним знакомы с 2007 г., сначала наше общение было довольно сдержанным. Он сопровождает меня. Наконец, мы пришли в одно замечательное местечко, которое я очень люблю, – «Биб-

¹ Уже более 10 лет СБУ и ТГУ сотрудничают в рамках программ по академической мобильности. С 2008 г. действует двустороннее соглашение о сотрудничестве между университетами, которое осуществляется при поддержке французского (валлонского) сообщества Брюсселя.

² Северск – закрытое административно-территориальное образование, созданное на рубеже 1940–1950-х гг. Город входил в военно-промышленный комплекс СССР и был связан с ядерным производством. Северск находится в 12 км от Томска и до сих пор сохраняет статус закрытого города.

лиотеку»¹. Там, в окружении старых книг, мы едим борщ (вкусный украинский суп со свеклой и мясом, который подается обязательно с укропом и сметаной) с черным хлебом и сибирскими грибами. Звучит музыка из фильма «Аmeli». Оригинальное название фильма – «Невероятная история Амели Пулен».

Неожиданно в разговоре о скором приезде Сергея в Брюссель и сетованиях на административные проволочки, приглашения и визы, Сергей говорит, что он является «европейским гражданином». От удивления у меня глаза округляются, и я даже расплескиваю борщ. Мгновением позже Сергей объяснил, что у него есть литовский паспорт. Я знала, что он родился в Магадане, куда его родители, будучи еще студентами, попали по распределению. В советское время они работали в одной чукотской деревушке, что находится вблизи печально известной Колымы. Там Сергей и вырос. Я знала, что у него в роду были корейцы. Они были одними из тех, кто переселился в Россию на волне массовой миграции. Первая волна прошла во второй половине XIX в., когда гонимым голодом корейцам было разрешено обосноваться на территории Российской империи. Вторая волна массовой миграции произошла после японской оккупации Кореи в 1910 г. Тогда же на российский Дальний Восток переселились прадед и прабабка Сергея. В 1937 г. Сталин подписал указ о переселении корейцев в Центральную Азию. Так, отец Сергея, МIRON, попал в Узбекистан. В отличие от самого Сергея, его отец говорит на корейском языке, но не пишет.

Вот откуда азиатские черты лица. Но литовский паспорт? «Все очень просто», – говорит Сергей. Бронислава, его прабабушка по материнской линии, родилась в 1927 г. в Литве. Там она работала вместе со своими родителями на ферме. В 1946 г., в возрасте 19 лет, она отправилась вместе с отцом в лес на поиски пропавшей коровы, где была задержана советскими солдатами, преследовавшими партизан. Через три дня обоих освободили, так как нашлись свидетели, которые подтвердили, что они лишь искали сбегавшую корову. Но уже в июне 1947 г. в доме, где жила Бронислава со своей сестрой и ее мужем, прошел обыск на наличие «антисоветской литературы». После обыска Бронислава провела год в тюрьме, где испытала побои и унижения. Она отказалась признать свою вину и была приговорена к восьми годам лагерей за «контрреволюционный саботаж». В октябре 1948 г. ее сослали сначала в Мордовию, а в мае 1950-го – в Магадан.

На мой вопрос, какую работу выполняла Бронислава в лагере, Сергей ответил, что зимой, когда снега было по пояс, она валила лес, летом и осенью работала на сенокосе или ухаживала за лошадьми. После смерти Сталина, когда репрессии несколько ослабили, ее освободили. Это случилось 14 августа 1954 г.

Она встретила своего мужа, Пронаса, в Магадане, который также попал в исправительный лагерь. Однако после освобождения им было предписано не покидать регион. Недавно, по решению правительства Литвы, объясняет Сер-

¹ Кафе «Библиотека» находится в историческом здании в центре города. Здесь до революции 1917 г. находилась резиденция Томского губернатора, с 1927 г. и по настоящее время Дом ученых.

гей, люди схожей судьбы, их дети и внуки получили литовское гражданство. Вот откуда у меня литовский паспорт, продолжает он.

За 6 недель до выборов

На город опускается ночь. Мы пересекаем мост через реку и въезжаем в лес. Мою соседку зовут Анна. И по мере того, как смеркается, и мы углубляемся в лес, ее рассказ становится все более эмоциональным. Для нее 24 сентября, если так можно выразиться, переполнило чашу терпения. Было объявлено о рокировке – Путин и Медведев поменяются своими позициями, как ладья и король на шахматной доске. Анна кипит от возмущения. Несмотря ни на что, как и большинство россиян, она возлагала надежды на Медведева, который мог бы превратить Россию в «нормальную страну». Услышав слово «нормальный», я задалась вопросом «Можно ли считать страны Западной Европы таковыми?» А затем я начала размышлять о начале 1990-х гг., когда превращение России в «нормальную страну» превратилось в какой-то идефикс, который охватил умы политических элит и простого населения. И в то же время я задумалась о том, что скрывается за этой «нормальностью», ведь русские люди обычно отвечают «нормально» на вопрос «Как дела?» В то же время я испытываю чувство невероятной тоски и ощущение, что что-то идет не так.

Спустя 20 лет я услышала в словах Анны все то же стремление к «нормальности», которое можно сравнить разве что с обострением, характеризующимся усилением симптомов хронической болезни. Надежды на «нормализацию» России слышны на митингах против фальсификаций выборов и на демонстрациях, организованных им в поддержку в западноевропейских столицах. В них активное участие принимают русские студенты, приехавшие туда по обмену в рамках программы Эразмус Мундус. Когда я затронула тему выборов, другая моя соседка, Галина, заявила, что она будет голосовать за коммунистов. «Я всегда за них голосовала в 1990-е гг., потому что они были единственной реальной оппозицией. Хотя я думаю, что КПРФ должна была опубликовать некую разновидность манифеста и указать, что коммунистическое советское прошлое они осуждают и что Зюганов уже давным-давно должен был дать дорогу молодежи! При этом значительная часть молодежи, на которую следует ориентироваться и чьи чаяния – оправдывать, мечтает уехать за границу». «Так много, – удивляюсь я, – этого не может быть!» Несмотря на небольшой спад, показатель остается достаточно высоким. Причины подобного явления кроются не в экономике, а в возможности ощутить вкус жизни; после застоя вдохнуть жизнь в Австралии или США.

Застой. Слово брежневской эпохи, которое в мгновение ока стало актуальным. Застой пришел на смену «священной мантре» о стабильности путинских времен... И тут же в Интернете начали появляться карикатуры на Путина с увешанной медалями грудью, как у Брежнева. Казалось, будто достигнутая в первое десятилетие всеобщая договоренность дала трещину. Люди готовы отказаться от некоторых прав и свобод в обмен на материальное благосостояние, достигаемое за счет перераспределения средств от продажи нефти. Сдаст ли свои позиции окрепший материализм?

У каждого сибиряка...

На главной улице города, проспекте Ленина, находится Мемориальный музей политических репрессий. Он находится в двух шагах от университетов и акушерских клиник, скульптуры перед которыми заслуживают отдельного внимания. Первая скульптура, выполнена из красного мрамора и представляет кочан капусты, внутри которого лежит, потирая левый глазик своей малюсенькой ручкой, младенец. Вторая скульптура выполнена из железных полос и представляет беременную женщину, у которой в ее округлившемся животе виден младенец.

Мемориальный музей расположился в подвальном помещении здания, в котором с 1923 по 1944 г. находилась следственная тюрьма НКВД. «Наиболее показательным явился период «Большого террора» (1937–1938 гг.), тогда через эти стены прошло огромное количество мужчин и женщин, обвиняемых в контрреволюционной деятельности», – поясняет Борис Тренин, бывший декан исторического факультета ТГУ и создатель Томского мемориального музея. «Нужно было выполнять норму», – продолжает он, показывая один из указов, подписанных Сталиным, об аресте 6 600 человек на территории Красноярской области. Фотографии на стене потрясают. Не меньшее впечатление оставляют и биографии: математики, священники, ученые, библиотекари, писатели и философы. Фотографируясь на фоне портретов репрессированных, молодые люди переходят из одной камеры в другую. «Я никогда не спрашиваю посетителей нашего музея, кто и откуда они. Но иногда в ходе экскурсии становится ясно, кто из семьи репрессированных, а у кого в семье были нквдешники», – говорит заведующий музеем Василий Ханевич.

Галина поделилась со мной своей историей. Украинка по происхождению, она выросла в хакасском селе – Аскиз, что в переводе с хакаского языка означает «водяная девушка». Ее предки переселились в Сибирь во время Столыпинских реформ в начале XX в. В 1932 г. бабушка Галины стала жертвой коллективизации и раскулачивания. Ее муж и пять других жителей деревни артелью построили общую мельницу, но на них написали донос как на преступников. Узнавшие об этом соседи предупредили деда Галины. Стремясь избежать расправы и будучи уверенным, что репрессии не коснутся его жены, он бежал. Он ошибся. Молодую женщину с пятью детьми сослали в Томскую область. Перед ссылкой она с трудом договорилась, чтобы ее полторагодовалую дочь передали старшей дочери 18 лет, которая только что вышла замуж, а другую восьмилетнюю дочурку (маму Галины) послали к крестной в отдаленное село. Девочку отправили с почтовыми отправлениями и с посылочной биркой на руке. В 14 лет мама Галины вступила в колхоз, и позже она и ее подруга смогли получить свои паспорта, напоив «главного» в деревне¹.

Говорят, что у каждого сибиряка есть в роду репрессированные...

Треугольник из бумаги

Вечер. Кафе «Клаус» недалеко от улицы Тверской. За окном ливень. Расставленные по залу тыквы напоминают о приближении Хэллоуина. За столи-

¹ Рассказ записан Од Мерлен со слов Галины с сохранением авторских комментариев. Речь идет в том числе о том, что жители сельской местности в СССР не имели на руках паспортов, их выдавали в особых случаях, например, при отправке на фронт и призыве в армию.

ком сидит Ольга, женщина лет 60, в очках и берете, с острым взглядом и красной помадой на губах. На столе стоит вазочка с веером из красных и белых салфеток. Достав оттуда одну, Ольга сворачивает ее по диагонали, так, чтобы получился треугольник, потом еще раз. «Вот так выглядят письма, которые дедушка писал моей бабушке. Они были отправлены с Ленинградского фронта в 1942–1943 гг. На конверте были пометки: «Просмотрено военной цензурой».

«Он писал о том, как убивал немцев, как прошел его первый бой, и о том, как ему тяжело и страшно», – рассказывает Ольга. «Но в 1944 г. пришла похоронка. Но мы до сих пор не знаем, где он покойся. Эти письма мы храним и передаем из поколения в поколение. Мы хорошо знаем содержание каждого письма. Их трудно читать, потому что они написаны карандашом».

Мы начали разговор о политической ситуации в России. Ольга, историк по образованию, на вопрос о том, что же произошло в 1917 г. – государственный переворот или революция, отвечает просто: «Конечно же, переворот». «Анализируя этот период, мне становится очевидным, что в короткий срок можно создать государственный аппарат насилия», – продолжает она.

Меня всегда удивляла эта склонность русских, их талант к анализу событий 1917 г. Так с чего же начался разговор о письмах? Мы говорили об учениках Ольги, их отношении к жизни и истории. В двух шагах от университета возвышается Памятник героям Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Перед входом в университет – плакат ко Дню Победы, 9 Мая, хотя на дворе октябрь. По телевизору, особенно по телеканалу «Звезда», посвященному Красной армии, показывают документальные фильмы об этом историческом периоде. Кажется, что этот период занимает центральное место в советской истории, тем более, учитывая тот факт, что оставшихся в живых истинных свидетелей того времени осталось не так много. «У каждого моего ученика кто-то из родственников погиб на войне. У меня – дедушка... Вся ирония заключается в том, что моя дочь замужем за немцем и живет в Германии, против которой воевал ее прадед», – говорит Ольга.

Другой дедушка Ольги был расстрелян в 1937 г. по статье 58 Уголовного кодекса СССР как враг народа. В чем его вина? В том, что он был небеден и вел торговлю с Китаем.

Каждую пятницу – в баню!

Каждую пятницу в 19.45 Лариса ходит в спортивный комплекс, который находится на территории университета. Она стоит с модным рюкзаком цвета хаки «North Face», надетом через плечо, и в шапочке, натянутой на уши, из-под которой на плечи спадают невероятно гладкие русые волосы. Указывая направление своим маленьким, но хорошо очерченным носом, она мне говорит: «Одна ты туда не дойдешь». И она права. Последний раз я была здесь в 2008 г., поэтому этот лабиринт уже успела забыть. Подъем в несколько лестничных пролетов, потом коридор с несколькими уровнями, затем спуск по лестнице... при этом спускаться дольше, чем подниматься. Наконец, в конце коридора – заветная дверь. Открыв ее, мы сразу наталкиваемся на женщину, обернутую в простыню, которая, обнимая Ларису, твердит, как она рада. Ла-

риса достает заварку, потом мы отправляемся в раздевалку и выходим оттуда в полной экипировке: простынях и банных шапочках.

Баня – это неотъемлемая часть русской деревенской жизни, которая неукоснительно соблюдалась на протяжении веков. В бане всегда была парная и моечная, для которой воду нагревают на печи. В печь подбрасывают дрова, чаще березовые. В парной на «каменку» поливают воду для того, чтобы парная наполнялась паром.

Наша баня, точнее сауна, – женская. Здесь собрались уставшие от тяжелой сибирской жизни женщины за пятьдесят и их 11–12-летние внучки. Луиза ходит сюда каждую пятницу со своей внучкой. Мы обмазались смесью из морской соли и оливкового масла. Затем Лариса парит меня эвкалиптовым веником, который кто-то привез из Сочи. Немного щиплет, но я терплю. Хотя чувствительные части тела лучше прикрыть рукой. Но мне все равно, я как будто бы на другой планете... И тут я слышу, как кто-то говорит: «Ты ведь француженка? О-ля-ля, страна, президент которой в преклонном возрасте решился завести ребенка, заслуживает уважения». Тут я все поняла. Они говорили о Саркози. Даже в парной все крутилось вокруг политики: путинизация Франции, саркозизация, берлусконизация, Россия, Франция, Италия. Ну и куда же без эмансипации? Или освобождения? Или креативности? После парилки все пошли в душ, потом в бассейн. И опять все заново. Но для начала отдохнем за чашечкой чая, рюмочкой настойки или водки. И по-новой... Поблагодарим человека, придумавшего стиральную машину, которая изменила всю нашу жизнь. Отметим день рождения Веры. Вручим подарки: красивые махровые полотенца цвета цыпленка. Отведем сибирских ягод, засахаренных ранеток, бобов и черемши, которую китайцы высоко ценят. Ах да, еще драники – сибирское блюдо из картофеля, грибов и сметаны. Кто-то говорит о китайском Макао, а две «девочки», которым, на самом деле, за 50, проводят время за разговором о том, как они любят маринованную черемшу.

После чая все повторилось: парилка, душ, бассейн, только на этот раз мы намазали лицо кофейной гущей. «Чтобы избавиться от морщинок», – поясняет Луиза. Ее внучка тоже, будто бы опасаясь появления морщинок, обмазала свою милую мордашку кофейной гущей и в одно мгновение превратилась в шахтера. «Хорошо потрудились сегодня на шахте?» – спросила я у Ули. «Конечно!» – засмеялась она. Посмотрев на «шахтеров», удобно устроившихся возле своих бабушек, я вдруг подумала: они родились тогда же, когда Путин пришел к власти. А когда им будет столько же, сколько сегодня их бабушке, в 2060 г., они будут водить своих внуков в баню? И как вообще будет выглядеть Россия в 2060 г.?

Луиза не устает прижимать девочек к себе, нашептывая им «мои красавицы». Свою внучку она впервые привела в баню в возрасте 4 лет, и здесь ей сразу же понравилось. После смены одежды мы затянули русскую народную песню «Виновата ли я, виновата ли я, виновата ли я, что люблю?». Танцевали, веселились... Каждую пятницу – в баню!

Вечный двигатель

За окном блестят и переливаются православные кресты на позолоченных куполах церкви Александра Невского, что находится на пересечении улицы Советской и улицы Герцена.

Меж двумя крестами виднеется колесо обозрения, которое медленно и плавно, постоянно движется по кругу. Сверху – вниз, снизу – вверх, колесо работает в одном и том же темпе. Большинство кабинок пусты – ведь уже осень. Кажется, будто парк аттракционов в городском саду готовится к приходу зимы. И все же несколько человек пришли в это воскресенье полюбоваться на свой город с высоты птичьего полета.

Смотришь на это колесо и в памяти всплывает анекдот советских времен. Террорист захватил поезд метро на Кольцевой линии в Москве и требует у машиниста отвезти его в Копенгаген. Все, кто ездят на метро, знают эту истертую фразу о закрывании дверей и отправлении метро. Громкоговоритель предупреждает пассажиров «Внимание! Двери закрываются. Следующая станция: «Октябрьская», «Парк им. Горького», «Киевская», «Комсомольская» и т.д. Но террорист не сдается: «Отвезите меня в Копенгаген, мне туда нужно!» Тогда машинист объясняет, что это невозможно, так как метро идет по рельсам, по маршруту, по кругу, следовательно, это никогда не закончится, а некоторым нужно выходить на станции «Комсомольской», «проспекте Мира» и т.д. Несмотря на это, террорист продолжает угрожать и запугивать машиниста. Уставший от всего происходящего, машинист объявляет: «Внимание! Двери закрываются. Следующая станция: «Копенгаген»¹.

«Открытый Томск»

В одном из университетских холлов мое внимание привлекли афиши. Повернув голову, я увидела на них Анну Политковскую и Наталью Эстемирову, убитых в 2006 и 2009 годах соответственно. Это афиша об открытии кинофестиваля «Горький вкус свободы», организованного группой студентов. Будут показаны несколько фильмов, среди которых значатся «Анна, 7 лет на линии фронта» и «Кто убил Наташу?»

Где же место показа? На входе – «Улыбнись прохожему» Единой России. Пройдя холл, я вхожу в переполненный зал. Показ начинается. Некоторым не хватило места, и они стоят. Тишина, не слышно ни единого слова, ни одного телефонного звонка. Все в напряжении.

После показа состоятся дебаты.

Томск – открытый город

Поступила 10 июня 2014 г.

Merlin Aude, Free University of Brussels (Brussels, Belgium)

SIBERIAN CHRONICLES.

Key words: Russia, Siberia, Siberians, Tomsk.

Aude Merlin, a professor at the Department of Social and Political Sciences at Free University of Brussels, shares her encounters with different people in Tomsk in October 2011. Her short stories draw

¹ Комментарий от главного редактора СИИ Д.А. Функа: «Забавная версия. Философская. В версиях, известных в Москве, чаще можно услышать такое: «Следующая станция Стокгольм. Граждане, не держите двери! Все равно все не влезет!»

the past and present experiences of the people and the city together, and contemplates their possible futures. Aude listened to the people's opinions regarding the forthcoming elections, their evaluation of the Soviet past and today life, as well as their inspiration, hopes and concerns. These findings were complemented by her observations of local people going about their everyday business, in cafes, universities, saunas, and on the street. Her understanding of the past and present were enhanced by additional experiences, such as an interview with the Director of the Museum of Political Repression, Vasiliiy Khanevich, and attendance at TSU documentaries on human rights activists Anna Politkovskaya and Nataliya Estemirova.

Aude begins her work contemplating Tomsk as a 'closed city' but ends asserting that it is in fact an 'open city'. Her subtle observations and philosophical reasoning offer the insight of the experienced traveler and European specialist on Russia.

УДК 572.9+ 94(4/9)

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ТРАНСФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГЕРМАНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX–XXI В. (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ)¹

Г.В. Грошева

Анализируется эволюция концепции немецкой нации и трансформация национальной идентичности немцев с учетом исторических факторов. Исследования российских ученых посвящены вопросам современного состояния немецкой нации, изучению факторов формирования немецкой национальной идентичности, однако проблема ее эволюции остается за рамками их внимания. Исключение составляет работа Е. Кауза-нова (2013), в которой представлена периодизация формирования послевоенной немецкой идентичности, в основание которой положена проблема отношения немцев к нацистскому прошлому.

Трансформация национальной идентичности представлена в работе как процесс движения от этнокультурной нации к нации гражданской и делится на два этапа: 1945–1990 и 1990–2000-е гг. В первый период, от окончания Второй мировой войны до объединения ФРГ и ГДР, изменения происходили под влиянием проблем денацификации, «коллективной вины» за преступления национал-социализма и разделения немецкой нации политическими границами. Период объединенной Германии характеризуется кризисом немецкой национальной идентичности, обусловленным проблемами консолидации этнической нации (западные и восточные немцы, этнические немцы-переселенцы), интеграции иммигрантов в немецкое общество и формирования общей гражданской идентичности. Общими для обоих периодов являются проблемы исторической памяти и соотношения разных уровней идентичности немцев (региональной, национальной и европейской). В целом, процесс формирования национальной идентичности немцев имеет выраженную историческую обусловленность, носит незавершенный и противоречивый характер.

Ключевые слова: немецкая национальная идентичность, европейская идентичность, Германия.

Введение

Стремительные изменения в современном мире, обусловленные нарастающими и весьма противоречивыми процессами глобализации, актуализировали вопросы современного состояния европейских наций и национальной идентичности европейцев. Происходящие процессы транснационализации позволяют говорить о кризисе наций и «размывании» национальной идентичности. В то же время, вопреки логике глобализации, национальная идентичность продолжает воспроизводиться, оказывая влияние на развитие внутри- и внешнеполитической сферы деятельности современных государств, что обуславливает интерес к этому феномену.

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.В25.31.0009).

Германия является не только географическим, но и экономическим и политическим центром современной Европы, будущее которой во многом зависит от благополучия этой страны. Изучение тенденций формирования немецкой нации и национальной идентичности немцев необходимо для более четкого понимания проблем сохранения единства немецкой нации в условиях современного мира, поиска путей консолидации немецкого поликультурного общества и его устойчивого развития в будущем.

Цель статьи – представление процесса трансформации национальной идентичности немцев в послевоенный период и выделение этапов этого процесса в контексте эволюции понятия немецкой нации, обусловленной влиянием как исторических, так и современных факторов развития немецкого общества. Автор предлагает новую периодизацию, исходя из предложенной методологии.

В основу исследования было положено понимание идентичности как сложного явления, имеющего множественные и многоуровневые формы [1. С. 258; 2. С. 78; 3. С. 6–7]. Существующие в рамках немецкого поликультурного общества коллективные идентичности (региональная, национальная, европейская и др.) рассматриваются автором не как альтернативные, а как взаимодополняющие, хотя зачастую и конкурирующие. Существенным является понимание релятивистского характера процесса идентификации [4. С. 72], подвижности границ идентичности, их зависимости от конкретных исторических условий. Собственно, под национальной идентичностью понимается одна из составляющих идентичности человека, связанная с ощущаемой им принадлежностью к определённой нации; нация рассматривается в двух ее проявлениях: этнокультурной и гражданской. Важным представляется и тезис о роли культуры как мощного интегрирующего символического (духовного) ресурса в процессе идентификации индивида или общности и недостаточности для социальной солидарности лишь гражданских и политических оснований [1. С. 256; 5. С. 47]. Особое значение как объяснительной модели при изучении проблемы трансформации национальной идентичности немцев в контексте глобализации имеет понятие «кризис идентичности», характеризующее обострение проблем адаптации и поиска новых форм сосуществования людей в социокультурном пространстве в условиях современного модернизирующегося мира и появления новых образцов, моделей и образов жизни взамен устаревающих [1. С. 259]. Методологической основой исследования является совмещение эссенциалистского подхода, акцентирующего историко-культурную природу национальной идентичности, и конструктивистского, в рамках которого идентичность рассматривается как феномен, искусственно создаваемый политическими и идеологическими механизмами феномен.

В современной российской историографии существует ряд специальных работ, посвященных изучению вопросов современного состояния немецкой нации, факторов формирования немецкой национальной идентичности [6, 7, 8, 9, 10, 11 и др.], однако проблема ее эволюции, как правило, остается за рамками внимания ученых.

Исключение составляют работы О.М. Тюкаркиной [29] и Е.Л. Кауганова [8], в которых представлена периодизация формирования послевоенной не-

мецкой идентичности, основанная на понимании немецкой нации как этнокультурной общности и обращении к проблемам нацистского прошлого и «разделенной нации». В работе О.М. Тюкаркиной обозначены четыре периода становления национальной идентичности в послевоенной Германии: 1) с 1945 по 1961 г. (немецкий вопрос определялся чувством «коллективной вины» за нацистское прошлое); 2) с 1961 по 1989 г. (немецкий вопрос – вопрос существования двух Германий); 3) с 1989 г. до начала XXI в. (новая волна поиска национальной идентичности немцев после объединения Германии); 4) начало XXI в. – до настоящего времени характеризуется активным культивированием правительством чувства национальной идентичности, с одной стороны, и усилением регионализма, с другой [11]. Е.Л. Кауганов выделяет три периода: 1) с 1945 по 1963 г. (проходил под знаком стратегии замалчивания, вытеснения и «защиты» от «коллективной вины»); 2) с 1963 по 1985 г. (характеризовался ужесточением мер по отношению к нацистским преступникам в виде публичных судебных процессов; 3) с 1985 г. и продолжающийся до сих пор (характеризуется тем, что находится под знаком радикального повышения значения дискурса «прошлого» по отношению ко всем предшествующим) [7. С. 60–62].

Выбранная методология позволяет характеризовать эволюцию представлений о немецкой общности как движение от этнокультурной нации к нации гражданской и выделить два этапа в этом процессе: 1945–1990 гг. и 1990–2000-е гг. Начало каждого из этих этапов характеризуется кризисом национальной идентичности. Первый кризис определен поражением Третьего рейха во Второй мировой войне (1945 г.), второй – объединением Германии (1990 г.) и сопутствующим ему усилением влияния на немецкое общество глобализационных факторов. Предложенная в статье периодизация отличается от существующих в отечественной науке тем, что учитывает не только проблемы отношения немцев к нацистскому прошлому и трансформации немецкой нации после объединения ГДР и ФРГ или «воссоединения» немецкой нации. Она акцентирует влияние на национальную идентичность немцев современных факторов, таких как активизация миграционных процессов и, соответственно, усиление культурно-религиозной разнородности немецкого общества, углубление европейской интеграции.

Определение понятия «немецкая нация»

В отечественной науке считается устоявшимся подход в понимании немецкой нации как этнокультурного сообщества, в котором понятия нации и национальной идентичности определяются такими базовыми качествами, как этническая принадлежность, общий язык, культура, родство по крови [12. С. 21; 13. С. 154; 14. С. 180–181 и др.]. Основываясь на немецкоязычной литературе, Е. Кауганов пишет: «В Германии народно-этническое мышление имело давнюю традицию со времен Гердера и Арндта. Ввиду отсутствия политических границ немецкая нация стала определяться как культурная нация (Kultur-nation)» [7. С.19]. Со времени объединения в 1871 г. германских княжеств в Германскую империю у немецкой нации появились политические границы; формируется немецкая государственная нация (Staatsnation). Но и в дальнейшем не общая государственность, а принадлежность к этнокультурной и ис-

торической общности продолжала рассматриваться в качестве основы немецкой нации. Однако необходимо отметить, что, несмотря на усилия государства по дальнейшей культурной гомогенизации населения бывших княжеств в рамках единого немецкого общества, регионализм был и остается одним из важнейших факторов, влияющих на становление национальной идентичности немцев.

Принципы федерализма и децентрализации глубоко укоренены в политической культуре Германии. За исключением короткого правления нацистов в 1930-е гг. Германия всегда была федеративным государством. Вошедшие в Германскую империю княжества имели собственные флаги, конституции, правительства, парламенты, почтовые службы, полицию, армии и т.п. [15. С. 180]. И сегодня федеральные земли являются важнейшими акторами немецкой внутренней политики, а их жителям присуща особая ментальность. Региональная идентичность современных немцев зачастую противопоставляется национальной. Многие немцы на вопрос о том, кем они являются по национальности, могут ответить «я – баварец» или «я – саксонец», только затем «я – немец» [11].

Развитию процессов регионализма и формированию региональной идентичности в противовес общенациональной способствует и наличие в стране четырех этнокультурных меньшинств: лужицких сербов (потомки древних славян), датчан, фризлов, цыган. Эти группы подпадают под действие «Рамочной конвенции Совета Европы о защите национальных меньшинств» 1995 г. В последние десятилетия в ФРГ, как и других регионах Западной Европы, отчетливо фиксируются признаки этнополитического ренессанса этнокультурных меньшинств, отстаивающих свои права на эксклюзивный групповой статус. В 1990-е гг. в Германии началась систематическая работа по защите прав сербов, появились первые историко-этнографические музеи лужицкой культуры. Согласно конституциям Саксонии и Бранденбурга, лужичане имеют права на сохранение культурной идентичности, развитие национальной культуры, названия населенных пунктов на двух языках, обучение на собственном языке, возможность общения с властью на родном языке и др. [16. С.170–174].

Однако статус федеральных земель и выраженное историко-культурное своеобразие их жителей не становятся основой для сепаратизма в ФРГ. По мнению Б.С. Орлова, федерализм позволяет сохранять традиции этнокультурного многообразия в условиях последовательно демократического образа жизни и способов правления, и в этом залог прочности, а не слабости германского государства [10. С. 272–273].

Этнокультурная концепция нации успешно применялась в Германии на протяжении десятилетий, и национал-социализм, по Л. Гринфельду, мало что добавил к сформулированной в XIX в. романтиками идее нации и немецкого национального пути, к уже существующей системе мышления; он лишь «заострил, озвучил, высветил, радикализировал ее главные тенденции» [Цит. по: 7. С. 22].

Кризис немецкой национальной идентичности после Второй мировой войны и проблема его преодоления (1945–1990)

Поражение немцев во Второй мировой войне привело к краху Третьего рейха. В 1945 г. был положен конец немецкому национальному государству и

идее немецкой идентичности, основанной на концепции «особого пути». Не случайно этот рубеж выбран в качестве отправного в вопросе о трансформации немецкой идентичности в XX в. Как справедливо отмечает Е. Кауганов, «конец нацистского режима оставил в побежденной стране политический и духовно-моральный вакуум» [7. С. 31].

В послевоенной Германии тема национального попадает в разряд «табу». Центром послевоенной парадигмы мышления немцев становится «Вопрос о вине» (*Schuldfrage*); культивируется чувство коллективной вины, чувство стыда по отношению к отдельным эпизодам своей истории [17. С. 10]. Осуществляется полная денационализация образования: во многих школах не изучается текст немецкого гимна, не культивируется чувство любви к Родине. В этой связи интересно замечание Х. Гроссера: «Выражением потери национальной идентичности является потеря исторического сознания, чувства принадлежности к единой нации, коллективного чувства национальной гордости и готовности защищать немецкие интересы. Немцы уже не смотрят своими глазами на происходящее, они смотрят на все глазами своих противников времен Второй мировой войны [Цит. по: 11].

С 1949 г., после образования ФРГ и ГДР, немецкая нация оказывается разделенной политическими границами. Немцы переживают сильнейший кризис, связанный с утратой идентичности. Как пишет П. Шульце, «после 1949 г. возникло нежелание быть немцем: понятия *немецкости* не существовало. Место национальной идентичности было вакантным в системе символов и норм» [15. С. 182]. «Денацифицированные» в послевоенные годы западные немцы стали чаще всего говорить о себе как о европейцах, как о космополитах и только затем как о немцах. По мнению П. Шульце, в европеизме немцы прятали свою идентичность, «скомпрометированную фашизмом» [15. С. 181]. Под знаком вытеснения вины и забвения прошлого находились и восточные немцы, приступившие под жестким идеологическим контролем к строительству «немецкой социалистической нации».

Расчленение страны делит нацию на две непримиримые с идеологической точки зрения части. С течением времени раскол нации усугублялся; в 1972 г. на вопрос: «Что Вы считаете важнейшей проблемой, которой необходимо заниматься в ФРГ?» лишь 1 % западных немцев ответил «воссоединение» [18. С. 28].

Вопрос о становлении послевоенной национальной идентичности западных немцев в отечественной историографии рассматривается в рамках дискурса восприятия и преодоления «прошлого». «Быть немцем в основном означало на протяжении всей послевоенной истории – по крайней мере, на Западе страны – дискутировать с нацистским прошлым и преодолевать его» [18. С. 26].

Как отмечает Е. Кауганов, становление послевоенной немецкой идентичности до 1963 г. проходило под знаком стратегии замалчивания, вытеснения и «защиты» от «коллективной вины»; акцентировался собственный статус «жертвы», внимание сосредоточивалось на собственных лишениях, страданиях и нужде. Последующий период, продолжавшийся до 1985 г., характеризовался возрастанием самокритики, ужесточением мер по отношению к нацистским преступникам в виде публичных судебных процессов. Третий пе-

риод, продолжающийся, по мнению ученого, до настоящего времени, характеризуется радикальным повышением значения дискурса «прошлого» [7. С. 60–62].

Поиск национальной идентичности начался с новой силой во второй половине 1980-х годов. В ФРГ разгорелся «Спор историков» («Historikerstreit», 1986–1987) о переосмыслении прошлого, «вопроса о вине», о немецкой ответственности. Часть представителей интеллектуальной элиты Германии подняла вопрос о ренационализации немецкой истории. Этот дискурс появился и в 1990-е гг., он отражал взгляд на немцев как на нормальное общество, которое может обсуждать не только вопросы вины, но и вспоминать немецкие страдания без отказа от достигнутого широкого консенсуса по вопросу о немецкой ответственности. Но и сегодня тень нацистского прошлого с его идеологемой расового превосходства вынуждает немецких политиков и ученых крайне осторожно обращаться к национальной проблематике. Ю. Хабермас, один из самых известных и наиболее ожесточенных противников любого стремления к забвению «прошлого», разработал концепцию «конституционного патриотизма». Эта концепция подразумевает формирование постнациональной модели идентичности, основанной не на этнокультурных и исторических факторах, а на универсалистских принципах правового государства и демократии. «Для нас в ФРГ, – отмечает Ю. Хабермас, – конституционный патриотизм среди прочего означает еще и гордость за то, что нам удалось на длительный срок преодолеть фашизм, установить строй правового государства и укоренить его в полулиберальной политической культуре [19. С. 87–88].

Примечательно то, что протесты против нового немецкого дискурса о прошлом звучали и звучат не только со стороны сторонников самоцензуры в самой Германии, но и за ее пределами. Например, план организации в Берлине Центра документации изгнания немцев из других стран Европы после войны вызвал крайне резкие протесты в Польше. Главный мотив – «нельзя позволить немцам отказаться от однозначной роли кающегося преступника» [20. С. 72].

Дискурс о нацистском прошлом сыграл огромную роль в трансформации национальной идентичности немцев в послевоенный период. Однако и в капиталистической ориентирующейся на западные политические ценности ФРГ, и в социалистической ГДР продолжали сохраняться представления о нации как этнокультурной общности. «Нация была разделена, но все же символически связывала Восток и Запад» [18. С. 27].

Объединение Германии и начало нового этапа трансформации немецкой национальной идентичности (1990–2000-е гг.)

Объединение ГДР и ФРГ стало эпохальным событием в современной истории германского народа, началом нового этапа в трансформации немецкой национальной идентичности.

Первое испытание, с которым столкнулось объединенное немецкое общество, – это необходимость преодоления проблемы «разделенной нации». Более чем сорокалетний период раздельного существования немцев в ГДР и ФРГ привел к формированию двух разных типов поведения, двух разных ми-

ровосприятий и двух разных идентичностей. Даже спустя два десятилетия процесса трансформации и интеграции между Западной и Восточной Германией в стране сохраняется понимание того, что немцы еще не являются по-настоящему объединенным народом (единой нацией), что «внутреннее единство Германии – это долгосрочный, психосоциальный процесс, в котором речь идет, прежде всего, о вскрытии и изменении глубоких ментальных и эмоциональных характеристик» [21. С. 285]. Процесс интенсивного «сращения» «осси» (восточные немцы) и «весси» (западные), на который надеялись представители политического истеблишмента страны, затянулся. У части восточных немцев появилась ностальгия по ГДР («остальгия») [10. С. 24]. Однако, несмотря на трудности, ни восточные, ни западные немцы не хотят «возвращения Стены»: в старых федеральных землях испытывающих такое желание 6 %, в новых – 5% [21. С. 287], что позволяет констатировать стремление восточных и западных немцев к национальному единению.

Еще одним фактором, актуализировавшим проблему национальной идентичности немцев, стало *переселение в Германию, на историческую родину, этнических немцев* из бывшего СССР и стран Восточной Европы, начавших прибывать в страну после «падения» Берлинской стены в 1989 г.

Численность немецких переселенцев из бывшего СССР и республик СНГ на сегодняшний день составляет свыше 4 млн человек [22. С. 66–67]. Их статус является самым высоким среди иммигрантов, этнические немцы сравнительно легко получают гражданство (единственное условие: они должны подтвердить свою национальность и пройти тест на знание немецкого языка). Но став гражданами, немцы-переселенцы сталкиваются с проблемами интеграции в германское общество и национальной идентификации. Возвращаясь на свою историческую Родину, попадая в новые для них социокультурные условия, вступая во взаимодействие с этнически родственными им немцами, они осознают себя «другими немцами» и испытывают чувство некоторой изолированности, психологического самоощущения «чужих» [23. С. 73–75]. Но и для коренных немцев они являются «чужими». Приехавшие в Германию русскоязычные немцы именуется обычно «русскими», хотя зачастую приехали не только из России, но и из Украины, и из Казахстана и т.д. [6. С. 34]. В качестве ключевых проблем интеграции в немецкое общество называются их языковая и культурная (недостаточное знание немецких традиций) неподготовленность и самоизоляция. Оценивая перспективу интеграции «русских» немцев в немецкое общество, А. Угера пишет, что достижение идентичности с членами другого общества невозможно лишь на основе самоидентификации с коренным населением. Это предполагает овладение языком и культурой другого общества; желание стать полноправным членом нового общества; демонстрацию модели социального поведения, отвечающего требованиям и стремлениям общества. Автор приходит к выводу о невозможности полной успешной интеграции нынешнего старшего и молодого поколения русскоязычных немцев и выражает надежду, что их грядущие поколения смогут более безболезненно пережить этот процесс [24].

В период 1990–2000-х гг. немецкое общество столкнулось и с новой проблемой – *растущей иммиграцией*. Иностранные рабочие стали прибывать в Германию с середины 1950-х гг., но поток иммигрантов на рубеже XX–

XXI вв. значительно отличается от предыдущих по интенсивности, количественным и качественным (этнокультурным) характеристикам. Население современной Германии, пополняясь за счет иммигрантов, становится более разнородным в этническом, культурном и конфессиональном планах. По данным Национального Бюро статистики ФРГ (2012 г.), в стране проживает более 7,2 млн иностранцев, что составляет 8,2 % населения Германии [25]. Самой большой является турецкая община (2,4 млн человек) [12. С. 19].

Когда немцы столкнулись с фактом пребывания на своей территории огромного числа неассимилированных иностранцев, концепция этнокультурной нации стала давать сбои. В среде немецких политиков и интеллектуальной элиты стало формироваться понимание необходимости формирования процессов, которые способствовали бы сохранению этнокультурных традиций, складывавшихся в немецком обществе веками, с возможностью более тесного, малоконфликтного взаимодействия с представителями других культур. Одной из форм такого взаимодействия стала реализуемая в Германии с 1990-х гг. модель мультикультурного общества, основывающаяся на признании наличия в обществе различных этнокультурных групп и необходимости защиты их прав на сохранение своей культурной отличительности. В основу идеологии и политики мультикультурализма была положена идея нации как гражданско-политической общности. Концепция Ю. Хабермаса обретает новое звучание.

Со вступлением в силу поправок о праве получения гражданства Германии (2000 г.) и закона о миграции (2005 г.) Германия фактически признала себя «иммиграционной страной»; власти приступили к разработке политики по интеграции иностранцев.

Отличительной особенностью интеграционной политики Германии является ее селективный характер; разные категории иммигрантов обладают здесь разными правами. Процедура получения гражданства мигрантами, предки которых никогда не жили в Германии, остается весьма сложной. Характеризуя германскую модель выстраивания политики в отношении иммигрантов, Т.С. Кондратьева и И.С. Новоженова отмечают, что ее скорее можно назвать не моделью интеграции, а моделью противодействия включению иностранцев в германскую нацию [12. С. 21]. Несмотря на усилия правительства, решить проблемы адаптации и культурно-политической интеграции иммигрантов в германское общество не удалось, более того, в среде немецкого населения усилились ксенофобия и праворадикальные настроения [26, 27, 28].

Угроза для немецкой культурной идентичности в Германии в первую очередь связывается с так называемым исламским фактором, ростом мусульманской диаспоры и усилением ее культурно-политической активности. Ощущение интегрированности в окружающее их общество в современной Германии испытывают только 35 % иммигрантов-мусульман. Обычные граждане мусульманского вероисповедания, и в особенности люди интеллектуальных профессий, чувствуют себя ущемленными растущей «исламофобией» населения. Исследование Фонда Фридриха Эберта констатировало: за два кризисных года (2008–2010) доля немцев, заявляющих о «враждебном отношении к иностранцам», возросла с 21 до 25% (в западной части Германии – с 32 до 35%) [29. С. 9].

Изначально приглашая турков как временных рабочих (*Gastarbeiter*), принимающая сторона не требовала от них интеграции в немецкое общество. Итогом такой политики стала самоизоляция этой части немецкого общества и отрицание общеевропейских ценностей. Каждый четвертый турок в Германии не знает немецкого языка. А каждый второй практически не общается с немцами [30. С. 98]. В качестве причины слабой интегрированности иммигрантских меньшинств в Германии С.С. Ежеменцев называет и «гомогенность и устойчивые традиции самой немецкой культуры, не ориентированной на включение инокультурных анклавов и, в принципе, не имеющей такого опыта» [30. С. 98].

Сегодня, как и в других странах, в Германии разрабатываются законы (в дополнение к существующим), по которым в страну будут принимать людей, более осведомленных о немецкой истории, культуре с возможностью общения на немецком языке. Но именно Германия столкнулась с проблемой, когда процессу «врастания иммигрантов в немецкий образ жизни» препятствуют политики тех стран, из которых приехали иммигранты. К примеру, в 2008 г. премьер-министр Турции Р. Эрдоган, выступая в Кёльне перед огромной аудиторией своих соотечественников, предостерег обосновавшихся в ФРГ турок от ассимиляции, которую он назвал «преступлением перед человечеством», и утраты родного языка, национальных традиций и менталитета, призвал к сохранению собственной индивидуальности и культуры. Для этого Эрдоган предложил создать в Германии турецкий университет, сеть школ и гимназий, где бы велось преподавание на турецком языке, и выразил готовность отправить в ФРГ турецких учителей [31].

После «провала» политики мультикультурализма, о котором заговорили в 2010 г. лидеры европейских стран, в том числе и канцлер ФРГ А. Меркель, в Германии актуализировалась идея «*Leitkultur*» (ведущей культуры) или «*Kulturation*» (нации культурных традиций). Сторонники этой идеи считают, что «приобщение к немецкой культуре послужит эффективным средством интеграции приезжих в общественный организм страны, а успехи этой «аккультурации» – мерой стабильности германской общественной жизни» [32. С. 169].

В этой связи интересно замечание С. Жижека о том, что конфликт «на почве мультикультурализма уже является конфликтом вокруг *Leitkultur*: это не конфликт культур, а конфликт разных видений того, как различные культуры могут или должны сосуществовать, о том, какие правила и практики эти культуры могут разделять, если им приходится сосуществовать вместе» [Цит. по: 33. С. 205]. Иммигрантские этнокультурные меньшинства в либеральных странах сегодня все меньше ощущают потребность в ассимиляции; при этом они начинают осознавать свою политическую функцию – возможность влиять на принимающее сообщество и изменять его «в свою пользу».

Как отмечает О. Величко, несмотря на продолжающиеся дискуссии о «мультикультурной модели» или о признании верховенства «ведущей немецкой культуры», новое поколение германских ученых и политиков видят выход в концепции «третьего пути» – «идеи гражданского общества» [32. С. 170]. Сторонники концепции «гражданской нации» видят решение проблемы переосмысления понятий «нация» и «национальная идентичность» в опоре на

опыт других европейских стран, в частности на французскую модель формирования нации с ее подчеркнутым принципом гражданства.

Еще одним фактором, оказывающим влияние на трансформацию немецкой идентичности, стала *актуализация европейской идентичности немцев*. У политиков Западной Европы появились опасения, что объединение Германии подорвет стабильность международной обстановки и будет чревато угрозой для их безопасности; объединенная Германия может стать плодородной почвой для возрождения германского национализма.

Германии вновь пришлось демонстрировать приверженность общеевропейским ценностям и готовность к активному участию в процессах европейской интеграции. Будучи «локомотивом» европейской интеграции, подтверждая неизменность своего послевоенного политического курса и решительно отрицая любой особый «немецкий путь», ФРГ подчеркивает свою готовность к дальнейшей интеграции в ЕС, вплоть до делегирования ему ряда полномочий суверенного государства [34. С. 91]. Однако это имеет и обратную сторону. Особая миссия Германии в Евросоюзе способствует росту национального самосознания немцев. Несмотря на впечатляющие итоги экономического и политического сближения в рамках европейской интеграции, понятие «нация» сегодня остается для немцев насыщенным эмоциональным содержанием. Как подчеркивает П. Шульце, «петь прощальные песни национальному государству преждевременно»; «до тех пор, пока на европейском уровне не появятся демократически легитимные институты, национальному государству нет альтернативы. Национальное государство стало чуть менее важным по значению, но оно вовсе не изжило себя» [Цит. по: 9. С. 270].

В современной Германии начинает осуществляться достаточно осторожная политика консолидации нации. Так, с 1 сентября 2005 г. по всей Германии была проведена крупная государственная PR-кампания «Ты – Германия» («Du bist Deutschland»), приуроченная к чемпионату мира по футболу. Ведущие телевизионные каналы и крупнейшие печатные издания ФРГ до 1 февраля 2006 г. транслировали лозунги патриотического содержания. Вторая, не менее масштабная, PR-кампания «Германия – страна идей» («Deutschland – Land der Ideen»), проводилась под патронажем президента ФРГ Х. Келера и, по задумке авторов, должна была продемонстрировать сильные стороны Германии и отличительные особенности немцев: богатство идей, страсть к творчеству, пророческое мышление [35. С. 102].

Отношение к Европейскому союзу меняется и под воздействием кризисных явлений в экономике. Согласно результатам опроса, проведенного по заказу научно-исследовательского института Европейский Совет по внешней политике (European Council on Foreign Relations – ECFR), в Германии доверие к институтам единой Европы с 2009 по 2013 г. снизилось на 14 процентных пунктов и составило 30 %. Депутат Европейского парламента от Социал-демократической партии Германии Ютта Штайнрук (Jutta Steinruck) объясняет это тем, что «люди испытывают страх перед завтрашним днем, они боятся за свои рабочие места, за свой жизненный уровень и вину за кризис возлагают на объединяющуюся Европу» [Цит. по: 36].

Выводы

Процессы формирования и трансформации национальной идентичности немцев во второй половине XX – начале XXI в. являются ярким примером, отражающим как специфику исторического пути развития немецкой нации и немецкого государства, так и общие тенденции в развитии современной Европы.

Первый этап представляет собой период с 1945 по 1990 г., от окончания Второй мировой войны до объединения ФРГ и ГДР, когда изменения в понимании нации и национальной идентичности происходили под влиянием проблемы денацификации и «коллективной вины» немецкого народа за преступления Третьего рейха и разделения немецкой нации на «западных» и «восточных» немцев политическими границами.

Второй этап – с 1990 г. по 2010-е гг., – охватывающий период существования объединенной Германии, характеризуется кризисом немецкой национальной идентичности, обусловленным проблемами консолидации этнической нации (западные и восточные немцы, этнические немцы-переселенцы), проблемами интеграции иммигрантов в немецкое общество и формирования общей гражданской идентичности.

Особую роль в формировании национальной идентичности играет исламский фактор. Он способствуют становлению идентичности немцев, ориентированной на отторжение не свойственных «западному» менталитету ценностей и установок, а значит, и форм идентичности, основанных на представлениях о принадлежности к немецким и в целом европейским традициям, политическим и культурным ценностям. С другой стороны, он препятствует интеграции иммигрантов в немецкое сообщество, а значит, формированию национальной идентичности населения Германии на уровне гражданского сообщества.

Общими для обоих периодов являются проблемы исторической памяти и соотношения разных уровней идентичности немцев (региональной, национальной и европейской).

Продолжающиеся в среде научной и политической элиты дискуссии о сохранении понятия «немецкая нация», базирующиеся на различных подходах, позволяют сделать вывод об отсутствии единой стратегии в решении поставленных вопросов. Сущность противоречий состоит в наличии трех точек зрения. Согласно первой точке зрения, национальная идентичность должна строиться на основе политических ценностей и культурных традиций германского общества; согласно второй – на гражданско-политической основе; согласно третьей – первая и вторая позиции не являются взаимоисключающими: национальная идентичность граждан Германии может строиться с учетом культурных традиций всех компонентов ее населения. По сути, мы наблюдаем столкновение различных подходов к пониманию и трактовке нации, эволюцию представлений о немецкой общности как процесс движения от этнокультурной нации к нации гражданской.

Неоднозначную роль в формировании национальной идентичности играет государство. С одной стороны, оно предпринимает усилия по консолидации населения страны и формированию чувства принадлежности к единой германской общности. С другой – активно идет на углубление процессов европейской интеграции и, стремясь «надстроить» европейскую идентичность, допускает известное ослабление чувства национальной идентичности. Меж-

дународный фактор оказывает влияние на становление национальной идентичности немцев в контексте проблем преодоления «прошлого» и включения иммигрантов в немецкую гражданскую общность.

В целом, по результатам обзора работ, имеющих по теме исследований, можно отметить ярко выраженную историческую обусловленность процесса формирования национальной идентичности немцев в Германии, его незавершенный и противоречивый характер. Недостаточно изученными в отечественной науке остаются вопросы формирования национальной идентичности восточных и западных немцев в период существования ФРГ и ГДР, вопрос о соотношении идентичности «весси» и «осси». Заслуживает большего внимания и проблема соотношения национальной и европейской форм идентичности населения Германии. Обращение к этим сюжетам в перспективе позволит создать более глубокое представление о феномене национальной идентичности современных немцев и его эволюции.

Литература

1. Астафьева О.Н. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности // Вопросы социальной теории. – 2010. – Т. 4. – С. 258–281 (<http://www.iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2010/13.pdf>).
2. Попов А.В. Мультикультурализм и национальная идентичность в контексте современности // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – Т. 199. – С. 73–84 (<http://cyberleninka.ru/article/n/multikulturalizm-i-natsionalnaya-identichnost-v-kontekste-sovremennosti>).
3. Хунагов Р.Д. Множество идентичностей в глобализирующемся мире // Власть. – 2013. – № 2. – С. 4–8 (http://www.isras.ru/index.php?page_id=1954&id=172&at=a&pid).
4. Квасова И.И. Глобализация и идентичность в современном обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2002. – № 1. – С. 66–73.
5. Семененко И.С. Конфликт идентичностей и проблемы формирования гражданских наций // Дневник АШПИ. – 2013. – № 29. – С. 44–47.
6. Иванова С.В. К вопросу о национальной идентичности в России и Германии (российская идентичность в сравнении со значимым Другим) // Пространство и время. – 2010. – № 2. – С. 32–35 (<http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-natsionalnoy-identichnosti-v-rossii-i-germanii-rossiyskaya-identichnost-v-sravnenii-so-znachimym-drugim>).
7. Каузанов Е.Л. Дискурс национальной идентичности в послевоенной Германии // Очерки о европейской идентичности и многокультурности: Сборник / под ред. М.Ю. Мартыновой. – М.: ИЭА РАН, 2013. – С. 11–73.
8. Кириллина А.С. Европейская идентичность немцев // Дневник АШПИ. – 2013. – № 29. – С. 210–216 (<http://ashpi.asu.ru/ic/?p=2267>).
9. Орлов Б.С. Немцы в поисках идентичности. (Перелистывая страницы книги Хагена Шульце «Краткая германская история») // Актуальные проблемы Европы. – 2001. – № 1. – С. 230–275 (<http://elibrary.ru/item.asp?id=1355470>).
10. Орлов Б.С. Проблемы идентичности в современной Германии // Аналит. обзор / Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. проблем. Отд. Зап. Европы и Америки; Отв. ред. В.П. Любин. – М., 2012. – 76 с.
11. Тюкаркина О.М. Немецкий вопрос и проблема формирования немецкой национальной идентичности // Мир и политика. – 2012. – № 12 (75) (<http://mir-politika.ru/2594-nemeckiy-vopros-i-problema-formirovaniya-nemeckoy-natsionalnoy-identichnosti.html>).
12. Кондратьева Т.С., Новоженцова И.С. Иммигранты в Европе: модели интеграции // Актуальные проблемы Европы. – 2006. – № 1. – С. 9–59 (<http://elibrary.ru/item.asp?id=9127149>).
13. Кузнецова Е.И. Проблемы формирования гражданской нации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2012. – № 150. – С. 152–158 (<http://elibrary.ru/item.asp?id=17804871>).
14. Пинюгина Е.В. Великобритания и ФРГ: правительственные стратегии интеграции мусульман // Политическая наука. – 2008. – № 1. – С. 178–194 (<http://elibrary.ru/item.asp?id=9924608>).

15. Шульце П. Немецкий поиск национальной идентичности // Свободная мысль. 2007. № 11. – С. 177–184 (<http://dlib.eastview.com/browse/doc/13349004>).
16. Фонсека Н. Проблемы сепаратизма в современной Европе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2013. – № 1. – С. 170–174 (<http://elibrary.ru/item.asp?id=20154981>).
17. Бонвеч Б. Вторая мировая война в национальной памяти Германии и России // Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы: Материалы конференции российских и немецких историков (Москва, 28–30 октября 2005 г.): Сборник статей / под ред. Б. Бонвеча и А.Ю. Ватлина. – М.: ДиректМедиаПабблишинг, 2007. – С. 8–24.
18. Кроненберг Ф. Немецкая перспектива после катастрофы 1945 г.: нация, Основной закон, отечество // Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы: Материалы конференции российских и немецких историков (Москва, 28–30 октября 2005 г.): Сборник статей / под ред. Б. Бонвеча и А.Ю. Ватлина. – М.: ДиректМедиаПабблишинг, 2007. – С. 25–34.
19. Хабермас Ю. Границы неоисторизма. Беседа с Жаном-Марком Ферри // Хабермас Ю. Политические работы. – М.: ООО «Издательская и консалтинговая группа „ПРАКСИС“», 2003. – С. 85–91 (<http://m.litfile.net/read/380770/370000-371000?page=85>).
20. Миллер А.И. Дебаты об истории и немецкая идентичность // Политическая наука. 2005. – № 3. – С. 66–75 (<http://elibrary.ru/item.asp?id=9082666>).
21. Хайдeman Г. Экономические, социальные и психологические аспекты объединения Германии спустя 20 лет: успехи и ошибки развития // Разрушение и возрождение в истории Германии и России: Сборник статей международной научной конференции (г. Томск, 23–25 сентября 2009 г.) (Серия «Германские исследования в Сибири». Вып. 7). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – С. 273–291.
22. Беляева Н.Г. Поздние переселенцы и российские немцы в Германии // Язык, культура и общество в современном мире: Материалы международной научной конференции «Язык, культура и общество в современном мире» (Нижний Новгород, 28–30 мая 2012 г.). – Нижний Новгород, 2012. – С. 66–67 (elibrary.ru/download/73580300.htm).
23. Супрун Н.И., Кулигина Т.И. Следы советского прошлого в сознании и поведении российских немцев в Германии // Язык, культура и общество в современном мире: Материалы международной научной конференции «Язык, культура и общество в современном мире» (Нижний Новгород, 28–30 мая 2012 г.). – Нижний Новгород, 2012. – С. 73–75 (elibrary.ru/download/73580300.htm).
24. Угера А. Русские немцы: как остаться немцем в России? Как стать немцем в Германии? Проблема поиска идентичности на пути интеграции в общество Германии // Информационно-коммерческий портал Русскоязычный Кёльн (http://germany-koeln.net/search/index.php?id_mess=1594).
25. Migration, Integration // Statistisches Bundesamt. Bevölkerung, 2012 (<http://www.destatis.de/DE/ZahlenFakten/GesellschaftStaat/Bevoelkerung/MigrationIntegration/MigrationIntegration.html?jsessionid=9D66938BE96D32FA42696136B6EA960D.cae1>).
26. Погорельская С.В. Германия и мультикультурализм // Актуальные проблемы Европы. 2011. №4. С. 79–116 (<http://elibrary.ru/item.asp?id=16925243>).
27. Скорняков И.А. Интеграционная политика ФРГ: выбор стратегии на современном этапе // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2011. – № 1. – С. 114–119 (elibrary.ru/item.asp?id=16388740).
28. Щербаков В.Ю. Презентация лекций «Формирование и проблемы мультикультурного общества Германии» // Проект Южного федерального университета «Использование современных информационных технологий для развития межкультурной коммуникации с целью повышения квалификации преподавателей и студентов в русско-немецком языковом пространстве (межпредметные связи)» (http://sfedu.ru/kaf/interkultur-2008/page01/page01_6.htm).
29. Вайнштейн Г. Идентичность инокультурных меньшинств и будущее Европы // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 4. – С. 3–15 (<http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0587/analit05.php>).
30. Ежменцев С.С. Внешние миграции и перспективы сохранения этносоциальной идентичности современных государств (на примере Израиля и Германии) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2011. – Т. 10, вып. 4: Востоковедение. – С. 97–101.
31. Турецкий премьер заявил, что его родственники боятся жить в Германии // Институт религии и политики. 14.03.2008 (<http://i-r-p.ru/page/stream-event/index-18732.html>).

32. Величко О. Дискуссия о религиозно-культурном многообразии: немецкие католики о возможности диалога с исламом // Россия и мусульманский мир. – 2008. – № 3. – С. 159–171 (<http://www.isras.ru/files/File/ezhegodnik/2007/Diskussiya%20o%20religiozno-kulturnom%20mno%20goobrazii.pdf>).

33. Наумов Д.И., Ломов С.А. Мультикультурализм в контексте формирования общеевропейской идентичности // Экономика образования. – 2011. – № 4. – С. 203–206 (<http://elibrary.ru/item.asp?id=19049114>).

34. Погорельская С.В. Германия на рубеже веков. Некоторые аспекты европейской политики объединенной Германии // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – № 1. – С. 89–95 (<http://dlib.eastview.com/browse/doc/61428>).

35. Рогожин А.А. Проблема генезиса немецкого национального самосознания в контексте международных отношений: история и современность // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. – 2011. – №1(19) – С. 98–103 (http://new.volsu.ru/upload/medialibrary/9d0/2_ulxsfniabnrnlmy.pdf).

36. Науман Н., Гурков А. Европейцы теряют доверие к Евросоюзу // Deutsche Welle. 01.05.2013 (www.dw.de/европейцы-теряют-доверие-к-евросоюзу/a-16781391).

Поступила 30 марта 2014 г.

Grosheva Galina V., Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia).

PERIODIZATION OF NATIONAL IDENTITY FORMATION IN GERMANY IN THE SECOND PART OF THE 20TH – 21ST CENTURY, RUSSIAN HISTORIOGRAPHY.

Key words: German national identity, European identity, Germany.

Grosheva studies the evolution of the German nation concept and transformation of the German national identity from an historical perspective. In Russian research, the study of the formation of the German nation often includes the processes that influenced its development and the concept of identity, but its further evolution is typically beyond its scope. A major exception to this is a paper by Kauganova E. (2013), who combines essentialist and constructivist approaches to present post-war German identity as periodically divided based on changing attitudes to Nazism.

In contrast, Grosheva's paper presents a process of transition in German national identity from an ethnocultural to a civic nation, the former between 1945-1990, and the latter from 1990 onwards. In the former period, which ended with German reunification, changes were influenced by the problems of denazification, "collective guilt" for the crimes of National Socialism and the division of the German nation by political boundaries. In the latter period, national identity in united Germany is marked by a crisis caused by the questions of the consolidation of an ethnic German nation (East and West Germans as well as displaced ethnic Germans elsewhere), the integration of immigrants into German society and the formation of a common civic identity. In both periods, however, issues of historical memory and balancing all levels of German identity (regional, national, European) were present. Overall, Grosheva argues that the formation of post-war German national identity has been marked by historical dependence and has an incomplete and controversial nature.

References

1. Astaf'eva O.N. Restrukturizatsiya i demarkatsiya kollektivnykh identichnostey v usloviyakh globalizatsii: budushchee natsional'no-kul'turnoy identichnosti [Restructuring and demarcation of collective identities in the context of globalization: the future of national and cultural identity]. *Voprosy sotsial'noi teorii*, 2010, vol. 4, pp. 258-281. Available at: <http://www.iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2010/13.pdf>. (In Russian).

2. Popov A.V. [Multiculturalism and national identity in the context of modernity]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Proceedings of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts], 2013, vol. 199, pp. 73-84. Available at: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/multikulturalizm-i-natsionalnaya-identichnost-v-kontekste-sovremennosti>. (In Russian).

3. Khunagov R.D. Many identities in the globalized world. *Vlast'*, 2013, no. 2, pp. 4-8. Available at: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1954&id=172&at=a&pid.

4. Kvasova I.I. Globalizatsiya i identichnost' v sovremennom obshchestve [Globalization and identity in contemporary society]. *Vest. Rossiiskogo universiteta družby narodov. Sotsiologiya – The Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Sociology*, 2002, no. 1, pp. 66-73.

5. Semenenko I.S. Konflikt identichnostey i problemy formirovaniya grazhdanskikh natsiy [Identity conflicts and problems of formation of civil nations]. *Dnevnik ASHPi*, 2013, no. 29, pp. 44-47.
6. Ivanova S.V. On the matter of national identity in Russia and in Germany (Russian identity compared to the significant Other). *Prostranstvo i vermya – Space and Time*, 2010, no. 2, pp. 32-35. Available at: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-natsionalnoy-identichnosti-v-rossii-i-germanii-rossiyskaya-identichnost-v-sravnanii-so-znachimym-drugim>. (In Russian).
7. Kauganov E.L. *Diskurs natsional'noy identichnosti v poslevoennoy Germanii* [Discourse of national identity in postwar Germany]. In: Martynova M.Yu. *Ocherki o evropeiskoi identichnosti i mnogokul'turnosti* [Essays on European identity and multiculturalism]. Moscow: IEA RAS Publ., 2013, pp. 11-73.
8. Kirillina A.S. Evropeyskaya identichnost' nemtsev [Germans' European identity]. *Dnevnik ASHPi*, 2013, no. 29, pp. 210-216. Available at: <http://www.ashpi.asu.ru/ic/?p=2267>.
9. Orlov B.C. Germans in search of identity. (A look through the pages of Hagen Schulze's "A Short German History"). *Aktual'nye problemy Evropy*, 2001, no. 1, pp. 230-275. Available at: <http://www.elibrary.ru/item.asp?id=1355470>. (In Russian).
10. Orlov B.S. *Problemy identichnosti v sovremennoy Germanii* [Problems of identity in modern Germany]. In: Lyubin V.P. (ed.) *Tsentr nauch.-inform. issled. global. i regional. problem. Otd. Zap. Evropy i Ameriki* [The centre of scientific and research of global and regional problems. Western Europe and America]. Moscow, 2012. 76 p.
11. Tyukarkina O.M. Nemetskiy vopros i problema formirovaniya nemetskoj natsional'noy identichnosti [German question and the problem of the formation of German national identity]. *Mir i politika*, 2012, no. 12(75). Available at: <http://www.mir-politika.ru/2594-nemeckiy-vopros-i-problema-formirovaniya-nemeckoy-natsionalnoy-identichnosti.html>.
12. Kondrat'eva T.S., Novozhenova I.S. Immigranty v Evrope: modeli integratsii [Immigrants in Europe: models of integration]. *Aktual'nye problemy Evropy*, 2006, no. 1, pp. 9-59. Available at: <http://www.elibrary.ru/item.asp?id=9127149>.
13. Kuznetsova E.I. The problems of the development of a civil nation. *Izvestia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Bulletin of The Herzen State Pedagogical University of Russia*, 2012, no. 150, pp. 152-158. Available at: <http://www.elibrary.ru/item.asp?id=17804871>. (In Russian).
14. Pinyugina E.V. Velikobritaniya i FRG: pravitel'stvennye strategii integratsii musul'man [Great Britain and Germany: government strategies for the integration of Muslims]. *Politicheskaya nauka*, 2008, no. 1, pp. 178-194. Available at: <http://www.elibrary.ru/item.asp?id=9924608>.
15. Shul'tse P. Nemetskiy poisk natsional'noy identichnosti [German search for national identity]. *Svobodnaya mysl'*, 2007, no. 11, pp. 177-184. Available at: <http://www.dlib.eastview.com/browse/doc/13349004>.
16. Fonseka N. The problems of separatism in the modern Europe. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya – Bulletin of Voronezh State University. History. Political Science. Sociology*, 2013 no. 1, pp. 170-174. Available at: <http://www.elibrary.ru/item.asp?id=20154981>. (In Russian).
17. Bonvech B. [The Second World War in the German national memory]. *Poslevoennaya istoriya Germanii: rossiysko-nemetskiy opyt i perspektivy: Materialy konferentsii rossiyskikh i nemetskikh istorikov* [The post-war German history: the Russian-German experience and outcomes. Proc. of the conference of Russian and German historians]. Moscow: DirectMediaPublishing, 2007, pp. 8-24. (In Russian).
18. Kronenberg F. [German perspective after the disaster of 1945: the nation, the Basic Law, the fatherland]. *Poslevoennaya istoriya Germanii: rossiysko-nemetskiy opyt i perspektivy: Materialy konferentsii rossiyskikh i nemetskikh istorikov* [The post-war German history: the Russian-German experience and outcomes. Proc. of the conference of Russian and German historians]. Moscow: DirectMediaPublishing, 2007, pp. 25-34. (In Russian).
19. Habermas J. *Politicheskie raboty* [Political works]. Translated from German. Moscow: Izdatel'skaya i konsaltingovaya gruppa „PRAKSIS“ Publ., 2003, pp. 85-91. Available at: <http://www.m.litfile.net/read/380770/370000-371000?page=85>.
20. Miller A.I. Debaty ob istorii i nemetskaya identichnost' [Debates about history and German identity]. *Politicheskaya nauka*, 2005, no. 3, pp. 66-75. Available at: <http://www.elibrary.ru/item.asp?id=9082666>.
21. Heidemann G. [Economic, social and psychological aspects of the reunification of Germany after 20 years: successes and failures of development]. *Razrushenie i vozrozhdenie v istorii Germanii i*

Rossii: *Sbornik statei mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Destruction and revival in the history of Germany and Russia: Collected papers of international scientific conference]. Tomsk, 2010, vol. 7, pp. 273-291. (In Russian).

22. Belyaeva N.G. [Late emigrants and Russian Germans in Germany]. *Yazyk, kul'tura i obshchestvo v sovremennom mire: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Language, culture and society in the modern world. Proc. of the International Scientific Conference]. Nizhny Novgorod, 2012, pp. 66-67. Available at: <http://www.elibrary.ru/download/73580300.htm>. (In Russian).

23. Suprun N.I. [Traces of the Soviet past in the minds and behavior of Russian Germans in Germany]. *Yazyk, kul'tura i obshchestvo v sovremennom mire: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Language, culture and society in the modern world. Proc. of the International Scientific Conference]. Nizhny Novgorod, 2012, pp. 73-75. Available at: <http://www.elibrary.ru/download/73580300.htm>. (In Russian).

24. Ugera A. *Russkie nemtsy: kak ostat'sya nemtsem v Rossii? Kak stat' nemtsem v Germanii? Problema poiska identichnosti na puti integratsii v obshchestvo Germanii* [Russian Germans: how to remain German in Russia? How to become a German in Germany? The problem of search for identity in the way of integration into the society of Germany]. Available at: http://www.germany-koeln.net/search/index.php?id_mess=1594.

25. *Migration, Integration*. Statistisches Bundesamt. Bevölkerung, 2012. Available at: <https://www.destatis.de/DE/ZahlenFakten/GesellschaftStaat/Bevoelkerung/MigrationIntegration/MigrationIntegration.html;jsessionid=9D66938BE96D32FA42696136B6EA960D.cae1>.

26. Pogorel'skaya S.B. Germany and the multiculturalism. *Aktual'nye problemy Evropy*, 2011, no. 4, pp. 79-116. Available at: <http://www.elibrary.ru/item.asp?id=16925243>. (In Russian).

27. Skorniyakov I.A. Integration policy of the Federal Republic of Germany: choosing a strategy at the contemporary period. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, 2011, no. 1, pp. 114-119, available at: <http://www.elibrary.ru/item.asp?id=16388740>. (In Russian).

28. Shcherbakov V.Yu. *Presentation of lectures on "Formation and challenges of a multicultural society in Germany"*. Available at: http://www.sfedu.ru/kaf/interkultur-2008/page01/page01_6.htm/.

29. Vainshtein G. Identity of other culture minorities and future of European politics. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2011, no. 4, pp. 3-15. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0587/analit05.php>. (In Russian).

30. Ezhementsev S.S. External migration and the prospects for preserving ethno-social identity of modern states (Israel and Germany cases). *Vestnik NGU. Istoriya. Filologiya – Bulletin of Novosibirsk State University. History, philology*, 2011, vol. 10, no. 4, pp. 97-101. (In Russian).

31. The Turkish prime minister said that his relatives are afraid to live in Germany. *Institut religii i politiki*, March 14, 2008. Available at: <http://www.i-r-p.ru/page/stream-event/index-18732.html>. (In Russian).

32. Velichko O. Diskussiia o religiozno-kul'turnom mnogoobrazii: nemetskie katoliki o vozmozhnosti dialoga s islamom [Discussion of religious and cultural diversity: German Catholics about the possibility of dialogue with Islam]. *Rossiiia i musul'manskii mir – Russia and the moslem world*, 2008, no. 3, pp. 159-171. Available at: <http://www.isras.ru/files/File/ezhegodnik/2007/Diskussiia%20o%20religiozno-kulturnom%20mnogoobrazii.pdf>. (In Russian).

33. Naumov D.I., Lomov S.A. Multiculturalism in the context of the formation of European identity. *Ekonomika obrazovaniia*, 2011, no. 4, pp. 203-206. Available at: <http://www.elibrary.ru/item.asp?id=19049114>. (In Russian).

34. Pogorel'skaya S.V. Germaniya na rubezhe vekov. Nekotorye aspekty evropeyskoy politiki ob"edinennoy Germanii [Germany at the turn of the century. Some aspects of European policy of a united Germany]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2000, no. 1, pp. 89-95. Available at: <http://www.dlib.eastview.com/browse/doc/61428>.

35. Rogozhin A.A. On the issue of German national self-consciousness genesis in the context of international relations: the history and the present. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Science Journal of Volgograd State University. History*, 2011, no. 1(19), pp. 98-103. Available at: http://new.volsu.ru/upload/medialibrary/9d0/2_ulxfnbnrnlmy.pdf. (In Russian).

36. Nauman N., Gurkov A. Evropeytsy teryayut doverie k Evrosoyuzu [Europeans are losing confidence in the European Union]. *Deutsche Welle*, 1st May 2013. Available at <http://www.dw.de/европейцы-теряют-доверие-к-евросоюзу/a-16781391>.

УДК 94 (410)

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Е.В. Хахалкина

Статья посвящена поиску ответа на вопрос, существует ли общеевропейское самосознание и следует ли использовать это понятие в качестве синонима понятию идентичности Европейского союза. Для ответа на поставленный вопрос автор обращается к опыту Великобритании, до сих пор известной своей «особой позицией» в Европейском союзе. Соединенное Королевство с самого начала развития наднациональной интеграции в западноевропейском регионе занимало «особую позицию», что в полной мере проявилось после вступления страны в Европейские сообщества в 1973 г. Теоретическому обоснованию концепций идентичности на коллективном уровне: национальном или уровне ЕС, посвящено множество исследований. В последние годы в публикациях зарубежных авторов наметилась тенденция к разделению терминов «общеевропейское самосознание» и «идентичность ЕС». Отказ от использования первого понятия продиктован его широтой и сложностью определения. Второй термин отсылает непосредственно к усилиям ЕС по формированию и укреплению коллективного самосознания на уровне Евросоюза и представляется наиболее предпочтительным.

На основании данных «Евробарометра», документов Евросоюза, включая Декларацию идентичности 1973 г., делается вывод, во-первых, о «подвижном» характере идентичности ЕС, во-вторых, об отсутствии общеевропейского самосознания как реально существующего явления на сегодняшний день.

Ключевые слова: Великобритания, европейская идентичность, идентичность Европейского союза, опросы общественного мнения, Декларация о Европейской идентичности 1973 г.

Постановка проблемы. По мере развития европейской интеграции после Второй мировой войны происходило усложнение структуры и деятельности созданных в 1950-е гг. наднациональных организаций, с 1992 г. существующих под единым названием – Европейский союз. Такое усложнение неизбежно приводило и приводит к кризисам и неустойчивости уникального и не имеющего аналогов в мире союза 28 государств. С целью укрепления такого объединения неоднократно на протяжении существования Сообществ/Союза выдвигались идеи о необходимости формирования общеевропейской идентичности. Однако насыщение ее конкретными компонентами в связи с подготовкой проекта Евроконституции в начале 2000-х гг. показало, что в ряде случаев попытки «сплотить» оборачивались упрочнением национальной в противовес общеевропейской идентичности.

Великобритания с самого начала создания наднациональной интеграции в западноевропейском регионе занимала «особую позицию», что в полной мере проявилось после вступления страны в европейские сообщества в 1973 г.

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.В25.31.0009).

Исторически «особость» Соединенного Королевства как европейского государства обусловлена островным положением страны, традициями внешней политики, имперским прошлым в его экономическом, ментальном, культурном и миграционном проявлениях. Осознание и восприятие себя как центра глобальной Pax-Britannica, не замкнутой на европейском континенте, продолжилось и в период деколонизации. После Второй мировой войны империя трансформировалась в Содружество. Попытка Великобритании вступить в Европейские сообщества в 1960-е гг. демонстрирует, что страна не была готова пожертвовать ради вступления ни частью своего суверенитета, ни экономическими преференциями с бывшими колониями. По сути, девизом было «не уступая, заставить уступить других». Вплоть до сегодняшнего дня британское государство остается «неудобным» партнером с особым взглядом по ряду ключевых направлений деятельности ЕС.

Источники и методы. Сущность явления идентичности при всех различиях в трактовках и значениях термина зарубежные исследователи призывают рассматривать как «никогда не завершающийся» или «мимолетный» процесс [1. С. 39, 42]. Идентичность, формируемая на уровне ЕС, безусловно, является «подвижным» конструктом и носит множественный характер, включая национальную, этническую, региональную и другие компоненты. Однако попытки укрепления коллективного самосознания на уровне ЕС в условиях глобализации в ряде европейских стран вызывают обратную реакцию, а именно усиление центробежных тенденций на фоне экономического спада в Евросоюзе.

Наиболее сильны центробежные тенденции в Великобритании, в которой время от времени поднимаются вопросы дальнейшего членства страны в Евросоюзе. Неслучайно европейская идентичность в Великобритании до сих пор концептуализируется и измеряется в противовес национальному самосознанию.

Такая ситуация объясняется тем, что сама наднациональная модель интеграции несла в себе потенциальные угрозы национальному государству. В 1950 г. Великобритания отказалась вступить в переговоры по реализации наднационального плана Ж. Монне, предусматривавшего создание Европейской организации угля и стали. Ее отказ во многом был обусловлен категорическим неприятием идеи передачи национального суверенитета над соответствующими отраслями промышленности на уровень создаваемого Сообщества. С развитием европейской интеграции распространение юрисдикции Европейского сообщества/Европейского союза на другие сферы полномочий национальных государств неоднократно сопровождалось жаркими дебатами между государствами-участниками.

Есть и факторы объективного порядка, «сталкивающие» разные уровни коллективной идентичности. Британский этнограф и социолог Э.Д. Смит относит к таким факторам систему образования [2. С. 72]. Он исходит из того, что один из базовых элементов национальной идентичности – образовательная система – создан государством и для нужд государства. Интерпретация национальной истории страны в системе образования любой страны по определению направлена на укрепление патриотических чувств через противопоставление «свой – чужой». Это в полной мере относится к Соединенному

Королевству, национальный и колониальный опыт которого сформировали особое отношение к европейскому континенту.

Состояние исследований в отечественной и зарубежной историографии. Теоретическому обоснованию концепций идентичности на коллективном уровне – национальном или уровне ЕС – посвящено множество исследований. Всплеск публикационной активности авторов напрямую зависит от состояния дел в ряде сфер деятельности Евросоюза – экономической, социальной, культурной и др. Так, обострение в последние годы миграционных проблем привело к новой волне дискуссий о сущности мультикультурной концепции, ее истоках и результатах в ряде стран ЕС.

В последние годы в публикациях зарубежных авторов наметилась тенденция к разделению терминов « общеевропейское самосознание » и « идентичность ЕС » [3]. Отказ от использования первого понятия продиктован его широтой и сложностью определения. Второй термин отсылает непосредственно к усилиям Еврокомиссии по формированию и укреплению коллективного самосознания на уровне Евросоюза и представляется наиболее предпочтительным.

Множество работ посвящено вопросу, как « измерить » идентичность. Речь, по сути, идет о том, как измерить « чувство ». Неслучайно, коллективную идентичность характеризуют как культурный феномен, в центре которого **« чувство (выделено мною. – Е.Х.) непрерывности,** разделяемое последующими поколениями отдельно взятой группы населения, и ее совместных воспоминаний более ранних периодов... формирующих коллективную веру в судьбу народа и его культуру (курсив в тексте. – Е.Х.)» [2. С. 58].

Одним из инструментов « замера » разных уровней идентичности – национальной, региональной и общеевропейской – являются опросы социологической службы « Евробарометер ». Эта служба действует с 1973 г. и дважды в год составляет отчеты для Еврокомиссии, основанные на изучении общественного мнения по широкому кругу вопросов. В докладах « Евробарометра » анализируются 4 вида коллективной идентичности: региональная, национальная, на уровне ЕС и космополитические взгляды. В этой связи корректным и оправданным с научной точки зрения представляется использование термина « идентичность ЕС », включающего усилия Еврокомиссии по укреплению коллективного самосознания населения на уровне организации.

В отчете « Евробарометра » за 2012 г. составляющими идентичности ЕС были названы единая валюта – евро, демократические ценности, общая история, культура, достижения европейской экономики, географический фактор, флаг, девиз Евросоюза « Единство в многообразии » и гимн [4. С. 27].

Симптоматично, что эти компоненты не носят постоянного характера. Так, например, в отчете « Евробарометра » за 2009 г. фигурировали такие показатели, как высокий уровень социальной защиты и предпринимательской активности, общее религиозное наследие [5. С. 39–40], но отсутствовали единая валюта и символы ЕС.

На современное конструирование и концептуализацию идентичности ЕС оказывают влияние разные факторы. Среди них отсутствие общепринятого определения, многообразие национальных концепций коллективной идентичности и решающая роль политических элит [6. С. 255–256]. В этот про-

цесс вовлечены как законодательные, исполнительные и судебные институты Евросоюза, так и структуры национального уровня. Документы ЕС, согласно проведенному М. Пантел исследованию, содержат классические отсылки к идее Европы и таким ее составляющим, как просвещение, свобода, демократия с упором на общую историю, культуру и традиции Европы [7. С. 49–59].

Также в качестве одного из инструментов формирования идентичности на уровне Евросоюза Еврокомиссия использует тезис об отличиях европейской политики от США и Азии. Наконец, немаловажную роль играют символы ЕС (включая уже упомянутые девиз «Единство в многообразии», флаг, единую валюту и пр.), обменные образовательные программы и региональные фонды развития [6. С. 256].

Национальные стратегии формирования европейской идентичности в ряде стран близки к стратегии Еврокомиссии. Анализ выступлений политических лидеров подтверждает этот тезис. Так, французские политики разного политического спектра, например Ж. Ширак (голлист), Л. Жоспен (социалист), конструировали единую Европу как политический процесс или проект и как взгляд в будущее. Немецкие политики Й. Фишер («партия зеленых») и Г. Шредер (социал-демократ) в своих выступлениях делали упор не столько на процедурные моменты, сколько на концепцию интеграции и вопросы восточного расширения. В большей части их речей использовалась концепция так называемого конституционного патриотизма, предложенная Д. Стернбергером и Ю. Хабермасом в отношении национальной идентичности ФРГ [6. С. 256].

В то же время исследователи обращают внимание на то, что значительная роль политических элит в конструировании идентичности ЕС ведет к снижению роли граждан ЕС в этом процессе, о чем свидетельствуют опросы граждан ФРГ, Великобритании и Испании. Как следствие, формируемая идентичность ЕС приходит в противоречие с национальными стратегиями. Надо заметить, что конструирование идентичности ЕС не было одномоментным процессом. Сама идея наднациональности и тот политический идеал, к которому стремились «отец» европейской интеграции Ж. Монне и другие политики, предполагала построение своего рода сверхгосударства. Внутри него должно было произойти объединение европейских стран во всех наиболее важных сферах и осознание себя как единого целого.

К началу 1970-х гг. в политический лексикон Европы начинает входить термин «европейская идентичность», отношение к которому среди лидеров европейских сообществ не было однозначным. Так, в 1972 г. президент Франции Ж. Помпиду предостерегал от использования термина при обсуждении американско- и советско-европейских отношений как излишне модного и тенденциозного. В 1973 г. в ходе поездки в Италию он заявил, что, хотя «трансатлантические отношения требуют определения «европейской идентичности», оно может стать серьезным вызовом для западноевропейских союзников по НАТО». В действительности же, по мнению историков, «термин "европейская идентичность" оказался очень удобным дискурсивным оружием против Соединенных Штатов, заключая в себе определение европейского актора мирового уровня» [8. С. 74].

На разработку и содержание будущей декларации непосредственное влияние оказала непростая экономическая обстановка, сложившаяся в связи с событиями на Ближнем Востоке. Арабо-израильская война 1973 г. обернулась для европейских стран не только перебоями с поставками нефти, но и скачком цен на товары широкого потребления. Особенно тяжело кризис ударил по «новичкам» Европейского сообщества (с 1967 г. все три наднациональные структуры – ЕОУС, ЕЭС и Евратом – стали именоваться Европейским сообществом) – прежде всего Великобритании.

«Нефтяной шок» не помешал на саммите стран ЕЭС в Копенгагене в декабре 1973 г. лидерам девяти государств поставить свои подписи под «Декларацией европейской идентичности» (далее – Декларация), ставшей знаковым документом и приведшим впоследствии к массовой популяризации термина «европейская идентичность» [8. С. 74–75]. Ни в одном из прежних текстов Сообществ не говорилось об общеевропейском самосознании.

В тексте Декларации создание наднациональных Сообществ было заявлено как «базовая потребность Европы» для гарантии выживания европейской цивилизации. Девять государств-участников обязывались уважать и защищать принципы представительной демократии, верховенство закона, социальную справедливость как конечную цель экономического прогресса и гражданские права – т.е. все то, что является составными элементами европейской идентичности.

Государства-участники подтвердили наличие политической воли для дальнейшего строительства объединенной Европы. «Разнообразие культур внутри общей Европейской цивилизации, принадлежность к общим ценностям и принципам, увеличивающаяся конвергенция отношений к жизни, осознание наличия собственных специфических интересов и решимость участвовать в строительстве единой Европы придают европейской идентичности самобытность и свой собственный динамизм» [9. С. 23].

Декларация должна была послужить связующим все направления внешне- и внутривнутриполитической деятельности Европейского сообщества документом, четко позиционирующим место «Девятки» в мире. Авторы Декларации выражали надежду, что «европейская идентичность будет развиваться в зависимости от динамического строительства единой Европы. «В своих внешних связях, – говорилось в тексте, – Девятка приложит усилия для прогрессивного определения своей идентичности по отношению к другим странам или группам стран», что будет содействовать «оформлению подлинно европейской внешней политики» [9. С. 4].

К 1974 г. категория «европейская идентичность» становится ключевой во французском политическом дискурсе [8. С. 75]. К этому времени относится начало продолжающихся до сих пор дебатов о сущности понятия «Европа», факторах формирования и укрепления европейского самосознания.

В дальнейшем оказалось, что воплотить в реальности прописанную на бумаге общеевропейскую идентичность непросто, и в течение длительного времени документов, подобных Декларации 1973 г., выработано не было [10]. Это было связано как с отголосками мирового кризиса 1973–1974 гг., так и с трудностями расширения и углубления интеграции. Достаточно сказать, что для Великобритании роковым образом совпали вступление в Европейское

сообщество и нефтяной кризис. Страна очень долго оправлялась от тяжелых экономических последствий и далеко не сразу получила от вступления в Общий рынок те дивиденды, на которые рассчитывала. Болезненный процесс вступления до сих пор отзывается на восприятии населением страны своего места внутри ЕС. Достаточно сказать, что вскоре после вступления в Сообщества британские лейбористы выступили с призывом покинуть Общий рынок, списав все последствия Арабо-израильской войны 1973 г. на «враждебный» для экономики Великобритании адаптационный период вхождения в ЕЭС.

В сентябре 1988 г. премьер-министр М. Тэтчер выступила в бельгийском Колледже Европы с речью (ставшей известной как «речь в Брюгге»), в которой она изложила свое видение взаимоотношений Британии и Европы, уделив значительное внимание вопросам общеевропейского самосознания. «Европейское сообщество, – заявляла М. Тэтчер, – представляет собой одно из проявлений европейской идентичности, но не единственное» и призвала не забывать о тех европейских народах, которые остались к востоку от «железного занавеса» [11]. Из выступления следовало, что идентичность на уровне Сообщества, как категория динамичная, подлежит постоянному изменению в процессе развития европейской интеграции.

Этапным событием на пути возвращения к концепции европейской идентичности стали масштабные трансформации на карте Европы в начале 1990-х гг. Дезинтеграция СССР, появление новых государств на карте континента, воссоединение Германии и окончание холодной войны стали серьезным вызовом для Европейского сообщества.

В 1992 г. тогда еще 12 государств-участников Сообщества заключают в Маастрихте (Нидерланды) договор о Европейском союзе. В этом договоре вновь, спустя почти два десятилетия, появляется термин «европейская идентичность». В разделе, посвященном общей внешней политике и политике безопасности, говорилось о необходимости «усиления европейской идентичности». Во времена холодной войны укрепление европейского самосознания шло через противопоставление европейских сообществ как некой третьей силы двум сверхдержавам. В последующий период понимание и самоидентификация в рамках такой схемы были затруднены, что привело к размытым формулировкам Маастрихтского договора. В Амстердамский договор 1997 г. в ст. 8 был добавлен параграф об уважении Союзом «национальной самобытности своих государств-членов» [12. С. 16], что отражало непростую ситуацию с выработкой идентичности ЕС, задачами расширения Евросоюза на Восток и процессами глобализации.

Следующим этапом на нелегком пути складывания идентичности ЕС стала выработка Конституции Европейского союза, формулировки которой должны были отразить уже достигнутое странами-участниками. В проект Договора Конституции ЕС 2004 г. из Декларации 1973 г. были введены выраженные в принятом накануне девизе «Единство в многообразии» понятия о цивилизационном единстве и культурном разнообразии европейских государств. Эти положения до сих пор остаются центральной темой политического дискурса Евросоюза.

Весной 2005 г. судьба проекта Основного закона оказалась в руках населения стран, входивших в Евросоюз. В мае того же года на референдумах во Франции и Нидерландах проект Евроконституции был отклонен. Предшествовавшая этим результатам рекордно низкая явка избирателей на выборах в Европарламент в 2004 г. свидетельствовала о резком спаде интереса населения ЕС к институтам и деятельности организации [13. С. 238]. Итоги референдумов показали, что не следует недооценивать роль национальной идентичности и национальных государств в осуществлении «проекта европейской интеграции».

В Лиссабонском договоре 2007 г., заменившем провалившийся на референдумах во Франции и Нидерландах в 2004 г. проект Евроконституции, было подтверждено и расширено положение об уважении национальных идентичностей. Статья 4, пункт 2 предусматривала соблюдение Союзом принципа равенства стран-участников, уважение национального своеобразия государств-членов, исходящего из их политических и конституционных традиций, в том числе в области местного и регионального самоуправления [14].

Результаты исследования. Компромиссные формулировки Лиссабонского договора не меняют нынешнего положения дел в Евросоюзе. Тезис о «единстве в многообразии» остается не более чем идеалом, и Европа, оставаясь «многообразной», далека от единства. Это подтверждают и отчеты «Евробарометра».

По данным «Евробарометра» за 2012 г., только 42 % жителей Великобритании ощущают себя гражданами Евросоюза [4. С. 21, 24]. Это самый низкий показатель среди стран Евросоюза.

В ходе опросов в 2012 г. респонденты указали в качестве ключевых элементов, формирующих европейскую идентичность, следующие: единая валюта – евро (41 %), демократические ценности (40 %), общая история (26 %), культура (26 %), успехи европейской экономики (21 %), географический фактор (18 %), европейский флаг (16 %), девиз Евросоюза «Единство в многообразии» (12 %), гимн (7 %). В Соединенном Королевстве наиболее важными составляющими идентичности ЕС были названы: демократические ценности, общая история и культура [4. С. 27].

В летнем отчете «Евробарометра» за 2013 г. зафиксировано, что 60 % населения Соединенного Королевства идентифицируют себя только по национальному (а не европейскому) признаку [15. С. 6]. Это самый высокий показатель среди стран Евросоюза. Возможно, отчасти такие цифры объясняются тем, что ключевым элементом идентичности ЕС большинством респондентов была названа единая валюта – евро. Великобритания по-прежнему остается вне зоны евро и не планирует в ближайшем будущем отказываться от фунта стерлингов, уже давно ставшего символом страны и частью национального самосознания граждан.

Полученные результаты подтверждают мнение экспертов: концепцию наднациональной идентичности Великобритании следует определять как **конструкцию негативных отношений** между «ЕС-Европой» и национальным уровнем, в отличие, например, от концепций Франции или ФРГ [6. С. 258].

Любопытно, что два десятилетия назад, в 1993 г., результаты опросов были аналогичными: 59 % жителей Великобритании идентифицировали себя только по национальному признаку. Тогда это был самый высокий показатель в Европе наряду с датчанами и ирландцами [16. С. 83]. Десятилетие спустя, в 2003 г., показатель составлял 62 %, и вновь был самым высоким в Европе [17. С. 27]. На протяжении, по крайней мере, трех десятилетий Великобритании остается последовательно «глухой» к усилиям Еврокомиссии. Возникает вполне закономерный вопрос об эффективности и направленности политики Еврокомиссии по формированию идентичности ЕС.

В отчете 2013 г. при ответе на вопрос «за прошедшее десятилетие Вы стали менее европейцами, чем прежде?» Великобританию предсказуемо «обогнала» Греция, на протяжении последних лет имевшая высокий показатель «евроскептических» настроений, что является прямым следствием тяжелого экономического кризиса, начавшегося в 2008 г. 50 % греков считают, что за последние 10 лет их чувство сопричастности к Евросоюзу было ослаблено, что объясняется настроениями внутри страны, еще недавно намеревавшейся покинуть ряды организации. Второе место (47 %) прочно удерживает Великобритания [15. С. 28]. Среди других «евроскептически» настроенных стран в отчете фигурируют Республика Ирландия, Республика Кипр, Эстония, Болгария, Чешская Республика [15. С. 25]. Такие результаты опросов, очевидно, нуждаются в дальнейшем осмыслении. Напрашивается вывод о том, что историческая и национальная специфика входящих в Европейский союз государств настолько «перекрывает» центростремительную тягу к общеевропейскому самосознанию, что говорить о его существовании как сложившемся феномене невозможно не только на примере Великобритании.

В Соединенном Королевстве такие результаты, помимо «традиционных» евроскептических настроений, как и в случае с Грецией, связаны с серьезными экономическими трудностями. Исследователи говорят о наличии в Великобритании «самого глубокого спада со времени Великой депрессии начала 30-х гг. прошлого столетия» [18. С. 215]. Неслучайно среди мер, направленных на укрепление идентичности ЕС респондентами в опросе называются гармонизация системы социального благосостояния, пенсионная, образовательная реформа, налоговые меры [15. С. 32]. Рост центробежных настроений в Великобритании усиливает ситуация внутри страны. В сентябре 2014 г. в Шотландии должен состояться референдум, вероятным итогом которого может стать выход государства из состава Соединенного Королевства.

Между тем в целом отчеты Евробарометра рисуют оптимистичную картину: более двух третей населения ощущают сопричастность к европейскому и национальному самосознанию [15. С. 4]. Оставшиеся менее одной трети населения, однако, уже не позволяют говорить о наличии *обще*европейского самосознания.

Таким образом, на примере Соединенного Королевства можно говорить о слабо представленной идентичности ЕС. Опыт имперского прошлого, сохраняющиеся связи с Содружеством, в том числе через постоянное обновление взаимных миграционных программ, прежде всего с бывшими доминионами, по-прежнему являются важными составляющими национального самосозна-

ния. История пребывания Великобритании в Евросоюзе до сих пор тянет за собой шлейф крайне неоднозначных и противоречивых чувств со стороны политиков и населения страны. Жители «Туманного Альбиона» продолжают ощущать себя «особой» частью Европы, не вполне интегрированной в ЕС и не идентифицирующей себя с ней как с единым целым.

Литература

1. *Diarmait Mac G.Ch.* Language, Identity and Conflict. A Comparative Study of Language in Ethnic Conflict in Europe and Eurasia. L. and N.Y., 2003.
2. *Smith A.D.* National Identity and the Idea of European Unity. // *International Affairs*, Vol. 68, No. 1. (Jan., 1992).
3. *Methods, Theories, and Empirical Applications in the Social Sciences.* Heidelberg, 2012.
4. *Standard Eurobarometer 77.* Spring 2012. European Citizenship. Report. // http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb77/eb77_citizen_en.pdf
5. *Eurobarometer 71.* Future of Europe. European Commission. 2009 // http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb71/eb713_future_europe.pdf
6. *Weisner C.* Constructions of EU Europe and National EU concepts – A Research Agenda. // *Methods, Theories, and Empirical Applications...* P. 255–262.
7. *Pantel M.* Unity-in-Diversity: Cultural Policy and EU Legitimacy. // *Legitimacy and the European Union: The Contested Polity.* Ed. by T. Banchoff and M.P. Smith. L., 1999.
8. *Gfeller A.E.* Building a European Identity. France, the United States and Oil Shock. 1973–1974. N.Y., L., 2012.
9. *Declaration on European Identity* (Copenhagen, 14 December 1973). // http://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32/publishable_en.pdf
10. *Cebulac P.* European Constitutional Identity “Inside Out”: Bringing European Jurisdiction Under One Roof. // http://www.pravo.unizg.hr/_download/repository/Pola_Cebulak.pdf
11. *Thatcher M.* Speech to the College of Europe. (“The Bruges Speech”) // <http://www.margaretthatcher.org/document/107332>
12. *Амстердамский договор*, изменяющий договор о Европейском союзе, договоры, учреджающие Европейские сообщества, и некоторые относящиеся к ним акты. М., 1999.
13. *Latcheva R., Datler G. & Rossbacher E.* The Concept of European Identity: Overused or Underspecified? // *Methods, Theories, and Empirical Applications in the Social Sciences.* Heidelberg, 2012.
14. *Договор о Европейском союзе* (в редакции Лиссабонского договора). // <http://eu-law.ru/treaties/teu>
15. *Eurobarometer (EB79.5).* 2013. *European Parliament* “One Year to go until the 2014 European Elections”. Analytical Overview. Brussels, 21 August 2013.
16. *Eurobarometer.* 1993. *European Commission.* Public Opinion in the European Union. December 1993. // http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb40/eb40_en.pdf
17. *Eurobarometer 60.* 2003. Public Opinion in the European Union. Autumn 2003. // http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb60/eb60_rapport_standard_en.pdf
18. *Хесин Е.* Великобритания: «чрезвычайный бюджет». // *Год планеты: ежегодник.* / Институт мировой экономики и международных отношений РАН. Вып. 2010: Экономика, политика, безопасность. – М., 2011. С. 215–224.

Поступила 30 марта 2014 г.

Khakhalkina Elena V., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

THE EUROPEAN UNION, UNITED KINGDOM AND COMMON EUROPEAN IDENTITY.

Key words: Great Britain, European identity, EU identity, public opinion polls, Declaration on European identity 1973.

Khakhalkina's article addresses the issue of a common European identity and whether the term can be used as a synonym for a European Union identity. To answer this question the author refers to

the experience of Great Britain, which is known for its “special position” in the European Union since joining the European Community in 1973.

Khakhalkina draws upon a great deal of theoretical literature on the concept of identity and its collective manifestation at the EU level. She finds that in recent years the terms “common European identity” and “EU identity” have often been separated. The former is too broad and complex to be used meaningfully, whereas the latter refers directly to the efforts of the European Commission to build and strengthen the collective consciousness at the level of the EU and is therefore preferred.

With specific reference to British identity within the EU, the author stresses that the British are the least integrated of all European countries, which she believes may be a consequence of their imperial past and migration flows between their former dependencies.

Drawing on the theoretical material and the British case study, Khakhalkina concludes that the nature of EU identity is in fact “mobile” and there is an absence of wider European identity.

References

1. Diarmait Mac G.Ch. *Language, identity and conflict*. A comparative study of language in ethnic conflict in Europe and Eurasia. L. and N.Y., 2003.
2. Smith A.D. National identity and the idea of European Unity. *International Affairs*, 1992, vol. 68, no. 1.
3. Salzborn S., Davidov E., Reinecke J. (eds.) *Methods, theories, and empirical applications in the social sciences*. Heidelberg, 2012.
4. *Standard Eurobarometer 77*. Spring 2012. European Citizenship. Report. Available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb77/eb77_citizen_en.pdf.
5. *Eurobarometer 71*. Future of Europe. European Commission. 2009. Available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb71/eb713_future_europe.pdf.
6. Weisner C. *Constructions of EU Europe and National EU concepts – A Research Agenda*. In: Salzborn S., Davidov E., Reinecke J. (eds.) *Methods, theories, and empirical applications in the social sciences*. Heidelberg, 2012, pp. 255-262.
7. Pantel M. *Unity-in-Diversity: Cultural policy and EU legitimacy*. In: Banchoff T., Smith M.P. *Legitimacy and the European Union: The Contested Polity*. L., 1999.
8. Gfeller A.E. *Building a European identity. France, the United States and Oil Shock. 1973-1974*. N.Y., L., 2012.
9. Declaration on European Identity (Copenhagen, 14 December 1973). Available at: http://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32/publishable_en.pdf
10. Cebulac P. *European Constitutional Identity “Inside Out”: Bringing European Jurisdiction Under One Roof*. Available at: http://www.pravo.unizg.hr/_download/repository/Pola_Cebulak.pdf.
11. Thatcher M. *Speech to the College of Europe. (“The Bruges Speech”)*. Available at: <http://www.margareththatcher.org/document/107332>.
12. The Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the treaties establishing the European Communities and certain related acts. Moscow, 1999. (In Russian).
13. Latcheva R., Datler G., Rossbacher E. *The Concept of European Identity: Overused or Underspecified?* In: Salzborn S., Davidov E., Reinecke J. (eds.) *Methods, theories, and empirical applications in the social sciences*. Heidelberg, 2012.
14. *Treaty on European Union* (as amended by the Lisbon Treaty). Available at: <http://eulaw.ru/treaties/teu>.
15. *Eurobarometer (EB79.5). European Parliament*. “One Year to go until the 2014 European Elections”. Analytical overview. Brussels, 21 August 2013.
16. Eurobarometer. *European Commission*. Public Opinion in the European Union. December 1993. Available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb40/eb40_en.pdf.
17. *Eurobarometer 60*. Public Opinion in the European Union. Autumn 2003. Available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb60/eb60_rapport_standard_en.pdf.
18. Khesin E. Velikobritaniya: “chrezvychaynyy byudzhety” [United Kingdom “emergency budget”]. *God planety: ezhegodnik*, Moscow, 2011, pp. 215-224.

УДК 327 + 93 (571.17)

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КЕМЕРОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ, 1963–2014 ГГ.

С.А. Васютин, Ю.Л. Говоров, К.В. Юматов

Анализируется развитие европейских исследований на факультете истории и международных отношений КемГУ. По мнению авторов, этому направлению исследований на факультете способствовали несколько факторов. Подвижническая деятельность профессора Ю.В. Галактионова, превратившего историографию германского фашизма и тоталитаризма в одно из профильных направлений научной работы и кадрового роста факультета. После 1991 г. открылись возможности налаживания связей с зарубежными исследователями, командировок на научные конференции в Европу. В 1999 г. была открыта новая специальность «международные отношения», что стало мощным стимулом к активизации международных связей и исследований. В сентябре 1999 г. в КемГУ был создан Западносибирский центр германских исследований (ЗСЦГИ). Интеллектуальную и финансовую поддержку ЗСЦГИ оказали общеевропейские и немецкие организации (Германская служба академических обменов ДААД), фонды (А. Герцен, Фольксваген), программа Темпус. Благодаря заключению договора о сотрудничестве в учебно-научной деятельности между ФИиМО КемГУ и кафедрой восточноевропейских исследований Рур-Университета (ФРГ, г. Бохум). Крупнейшим итогом российско-германского сотрудничества в рамках ЗСЦГИ стала 3-томная «История Германии».

С 2003 г. кемеровские историки участвовали в проекте программы Темпус по созданию сети научных центров европейских исследований в пяти университетах Сибири. Продолжением этого сотрудничества стало участие кемеровских исследователей в проекте, который возглавил ТГУ, и в работе Центра Европейского Союза в Сибири. В заключительной части авторы подводят итоги развития международных и европейских исследований на ФИиМО КемГУ (защиты докторских и кандидатских диссертаций, международные конференции, монографии и другие публикации).

Ключевые слова: европейские исследования, международные отношения, факультет истории международных отношений Кемеровского государственного университета, Западносибирский центр германских исследований (ЗСЦГИ), Центр ЕС в Сибири (ЦЕСС).

Изучение Европы началось в Кемеровском государственном университете в 1963 г. с созданием кафедры всеобщей истории. В основном это было связано с изучением международных аспектов истории Кузбасса. Юрий Григорьевич Варнаков исследовал международные экономические связи Кузбасса в советский период [8]. Евгения Антоновна Кривошеева изучала историю Автономной индустриальной колонии «Кузбасс» [23].

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. на кафедру пришли выпускники Томского университета: Л.Н. Корнева, Ю.Л. Говоров, Л.С. Решетникова. Лидия Николаевна Корнева посвятила свою научную жизнь изучению истории и историографии национал-социализма [25, 26]. В целом в этот период европейские исследования находились на периферии научных интересов исторического факультета КемГУ.

Ситуация изменилась в конце 1980-х гг. под влиянием ряда факторов. В 1987 г. кафедру всеобщей истории возглавил Юрий Владимирович Галактионов, который сделал европейские исследования приоритетным направлением работы факультета. В 1991 г. кафедра всеобщей истории была разделена на кафедру новой и новейшей истории зарубежных стран (НИНИЗС) и кафедру истории средних веков (ИСВ). С 1994 г. была начата подготовка аспирантов по историографии и всеобщей истории. В 1997 г. Юрий Владимирович первым из кемеровских германистов защитил докторскую диссертацию. Ю.В. Галактионов добился расширения научной проблематики кафедры, определив ее как «Проблемы демократии, тоталитаризма и международных отношений в XX–XXI вв.». В рамках заданной темы могли работать почти все преподаватели и аспиранты кафедры.

В 1990-е гг. открылись возможности налаживания связей с зарубежными исследователями, участия в научных конференциях в европейских странах. С участия Ю.В. Галактионова в конференциях в Берлине (1992 г.) и Бохуме (1996 г.) началось постепенное наращивание сотрудничества с кафедрой восточноевропейской истории Бохумского Рур-университета (заведующий доктор Берндт Бонвеч).

В 1999 г. на историческом факультете была открыта новая специальность «международные отношения» и, соответственно, кафедра новой, новейшей истории и международных отношений (ННИиМО), что стало мощным стимулом к развитию международных связей и европейских исследований. В сентябре 1999 г. был создан Западносибирский центр германских исследований (ЗСЦГИ). Миссией нового межуниверситетского центра стала поддержка научных связей между Западной Сибирью и Германией, германских исследований в западносибирском регионе, повышение научного уровня преподавателей-германистов – историков и филологов. Первым председателем ЗСЦГИ стал зав. кафедрой ННИиМО профессор Ю.В. Галактионов. Идея регионального научного объединения была поддержана Центром германских исследований Института всеобщей истории РАН. Интеллектуальную и финансовую поддержку работе ЗСЦГИ оказали немецкие организации и фонды: Германская служба академических обменов ДААД, фонд Фольксваген, кафедра восточноевропейской истории Бохумского Рур-университета и др.

Более 30 аспирантов и преподавателей исторического факультета КемГУ прошли стажировки в ФРГ благодаря договору о сотрудничестве в учебно-научной деятельности с кафедрой восточноевропейских исследований Рур-университета и при финансовой поддержке ДААД.

Важным итогом международного сотрудничества в рамках ЗСЦГИ стало написание и издание 3-томной «Истории Германии» с древнейших времен до наших дней. В авторский коллектив вошли преподаватели университетов из Кемерова, Томска, Барнаула, Новосибирска. Экспертами выступали ведущие российские и германские специалисты. Это издание, до сих пор не имеющее аналогов в российской германистике, рекомендовано Министерством образования и науки РФ в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «история».

В 2003 г. кемеровские историки присоединились к реализации проекта по созданию сети научных центров изучения стран ЕС в пяти университетах

Сибири (Томском, Иркутском, Тюменском, Кемеровском, НГТУ) в рамках программы Темпус/Тасис. При кафедре ННИМО был создан Центр европейских исследований, который возглавил зав. кафедрой доцент Ю.Л. Говоров. Участие в проекте позволило факультету: включиться в региональную сеть по изучению стран Европейского союза; активизировать международную деятельность и связи преподавателей и студентов; пройти стажировки в сибирских вузах и в университетах Зальцбурга, Кента и Брюсселя; ускорить подготовку диссертационных работ по международной проблематике; ввести новые курсы по изучению ЕС для студентов-международников и историков.

В настоящее время исследования по европейской проблематике ведут две кафедры факультета – кафедра истории цивилизации и социокультурных коммуникаций (в 1991–2012 гг. – кафедра истории средних веков) и кафедра ННИМО. Преподаватели кафедры истории цивилизации ведут исследования по следующим направлениям: образы власти в европейской средневековой истории, социальные процессы в средневековую эпоху, духовная и материальная культура западноевропейского Средневековья. В рамках темы «Социум и власть в традиционных обществах» (руководитель С.А. Васютин) ведутся исследования политических и социальных трансформаций периода Средневековья, истории власти, формирования образов правителей, исследования королевской сакральности. Исследования этой темы были поддержаны грантами РГНФ, РФФИ, фонда М. Прохорова. А. П. Батурин подготовил монографию «Первые короли средневековой Европы: кто они, какие они?», в которой рассмотрел образы варварских королей на материале западноевропейских хроник. С.А. Васютин исследует пути политической интеграции в Северной и Центральной Европе в период раннего Средневековья, процессы формирования государственности, многолинейность социальной эволюции. Выпускница кафедры Е.Н. Шайхутдинова свое внимание сосредоточила на изучении проблемы сакрализации власти в трудах европейских и американских историков и антропологов. Е.Н. Шайхутдинова защитила кандидатскую диссертацию по теме «Королевские ритуалы и сакральность эпохи Средневековья и раннего Нового времени в англо-американской историографии XIX – начала XXI вв.».

А. П. Батурин и Р. С. Селезнев изучают духовную культуру западноевропейского Средневековья и средневековую ментальность. А.П. Батурин подготовил учебные пособия «Человек Средневековья. Проблемы менталитета», 2001 г., и «Духовная культура западноевропейского средневековья (образование, наука, общественно-политическая мысль)», 2005 г. В 2006 г. Р. С. Селезнев защитил кандидатскую диссертацию на тему «Ментальная история классического Средневековья (XI–XV вв.) в отечественной историографии (вторая половина XIX – начало 90-х гг. XX в.)». А.П. Батурина интересуется гуманистическая эпоха, особенно фигура малоизученного в отечественной науке испанского гуманиста Бальтасара Грасиана. В 2012 г. была опубликована монография А.П. Батурина «Западноевропейская история XVII века в оценке современников: исторические экскурсы Бальтасара Грасиана». Тема средневекового быта и бытовых представлений населения Западной Европы в XI–XVI вв. представлена в работах В.Н. Бургановой и О.Н. Тереховой. Тема раннего Нового времени, теории и концепции перехода

от Средневековья к Новому времени в Европе, концепции модернизации представлены в работах к.и.н., доцента О. В. Кима.

Кафедра истории цивилизации подготовила 5 выпусков серии «Медиевистика»: «Материалы научно-практического семинара по проблемам средневековой истории», 2004 г., «Материалы научно-практического семинара “Факторы и содержание модернизационных процессов в период раннего Нового времени”», 2005 г., «Запад и Восток: власть, социум, ментальность, особенности исторического развития», 2007 г., «Власть, социальные связи, насилие в период перехода от Средневековья к Новому времени», 2009 г. и «Сакральный образ правителя», 2011 г.

В 2008 г. издано учебное пособие А.П. Батурина, В.Н. Бургановой, С.А. Васютина, О.Н. Тереховой (Устьянцевой) по истории Средневековья в трех томах, победившее во Всероссийском конкурсе 2005 г., который проводился совместно Национально-образовательным центром по истории, Институтом всеобщей истории РАН и Государственным университетом гуманитарных наук при поддержке Министерства образования и науки РФ.

Ведущим направлением кафедры ННИиМО является изучение Германии. Западносибирский центр германских исследований продолжил свою деятельность после безвременного ухода из жизни Ю.Г. Галактионова в 2005 г. В настоящее время его возглавляет Л.Н. Корнева. Вопросы истории и историографии национал-социализма, социальной политики германского государства, внешней политики Германии разрабатывают Л.Н. Корнева, Е.В. Жаронкина, О.Э. Терехов, С.В. Арапина, Е.В. Ипатенко. Важным результатом работы кемеровских и сибирских германистов является продолжающийся выпуск серии монографий и статей под общим названием «Германские исследования в Сибири». Тему историографии тоталитаризма и внешней политики Германии и Франции разрабатывает Н.Г. Костромина.

Ю.Л. Говоров, зав. кафедрой ННИиМО, руководит изучением социокультурных и этнополитических процессов в Европе и роли в них России. Проблемы внутренней и внешней политики ЕС изучают Е.В. Бадаев, К.В. Юматов, В.Г. Дорохов, Р.С. Селезнев. Проблемы иммиграции, диаспор, национальной идентичности и национальной политики в странах Европы являются объектом научных интересов Е.Г. Колпинской, К.В. Юматова, Р.С. Селезнев. Еще одним направлением исследований является тема этноконфессиональных конфликтов в Евразии и их влияние на международные отношения, в рамках которого работают Е.Г. Колпинская, Ю.Л. Говоров, К.В. Юматов.

Преподаватели-европеисты и международники КемГУ сотрудничают с российскими и зарубежными партнерами в рамках проектов Центра Европейского Союза в Сибири (руководитель Л.В. Дериглазова, Томский госуниверситет). В частности, кемеровские германисты вместе со своими коллегами из Барнаула, Томска и Новосибирска заканчивают подготовку к изданию учебно-методического пособия по социальной политике Германии в XX – начале XXI в.

Проект «Трансформация социальных связей в Западной Европе XVII – начало XXI в.» координирует С.А. Васютин. В рамках последнего проекта подготовлены две коллективные монографии по проблемам социальных связей в Западной Европе XVII в. и в странах Евросоюза.

Преподаватели ФИиМО КемГУ интегрированы в такие общероссийские профессиональные объединения, как Ассоциация европейских исследований (АЕВИС), Российская ассоциация международных исследований (РАМИ) при МГИМО.

Развитие европейских исследований позволило открыть в 2011 г. магистратуру «Политическая и социокультурная история Европы в новое и новейшее время» и в 2013 г. бакалавриат «Зарубежное регионоведение». На очереди лицензирование магистратуры по направлению «Международные отношения».

В рамках указанных направлений за последние 20 лет преподаватели ФИиМО достигли следующих результатов:

1. Защиты докторских диссертаций

1. Галактионов Ю.В. Отечественная историография германского фашизма, 20-е годы – первая половина 90-х гг. – 07.00.09. – Томск, 1997.

2. Мороз Е.В. Феномен тоталитаризма в американской историографии: 1930 – 1980-е годы. – 07.00.09. – Кемерово, 2006.

3. Корнева Л.Н. Германская историография национал-социализма: проблемы исследования и тенденции современного развития: 1985–2005 гг. – 07.00.09. – Кемерово, 2007.

4. Терехов О.Э. Феномен «консервативной революции» в Веймарской республике в историографии ФРГ: основные концепции и проблемы интерпретации. – 07.00.09. – Томск, 2013.

2. Защиты кандидатских диссертаций

1 Терехов О.Э. Веймарская республика в Германии (1919–1933 гг.) в отечественной историографии 20—90-х гг. — 07.00.09 — Кемерово, 2002.

2. Арапина С.В. Германский трудовой фронт: создание и деятельность (1933–1939 гг.). – 07.00.03. – Екатеринбург, 2006.

3. Селезнев Р.С. Ментальная история классического Средневековья (XI–XV вв.) в отечественной историографии (вторая половина XIX – начало 90-х гг. XX в.) – 07.00.09. – Кемерово, 2006.

3. Костромина Н.Г. Теория и практика тоталитаризма в оценке французской исторической и политической мысли в XX в. – 07.00.09. – Екатеринбург, 2006.

6. Колпинская Е. Г. Государственная политика Великобритании и Франции в отношении мусульманских общин во второй половине XX–XXI в. – 07.00.03. – Томск, 2009.

7. Жаронкина Е.А. Политика американских оккупационных властей по денацификации и демократизации Западной Германии – 07.00.09. – Томск, 2009.

8. Шайхутдинова Е.Н. Особенности изучения королевской сакральности и ритуалов эпохи Средневековья и раннего Нового времени в англо-американской историографии конца XIX – начала XXI века. – 07.00.09. – Томск, 2013.

3. Международные научные конференции (с изданием сборников тезисов и статей) и школы

1. «Германия и Россия в XX веке: две тоталитарные диктатуры, два пути к демократии», сентябрь 2000 г.

2. «Тоталитарный менталитет в XX веке: проблемы изучения, пути преодоления», сентябрь 2001 г.

3. «Вторая мировая война: уроки истории для Германии и России», сентябрь 2005 г.
4. «Политическое насилие в исторической памяти России и Германии», сентябрь 2006 г. (совместно с Германским историческим институтом в Москве).
5. «Германская историческая школа», сентябрь 2006 г. (совместно с ГИИМ).
6. «Политическая культура России и Германии: зарождение партий и формирование партийно-политической системы» (памяти проф. Ю.В. Галактионова, сентябрь 2008 г. (совместно с ГИИМ).
7. «Конфликты в международных отношениях: историческая ретроспектива и перспектива», сентябрь 2008 г.
8. «Переломные эпохи в истории Германии и России в антропологическом измерении, сентябрь 2009 г. (совместно с Томским госуниверситетом при содействии ГИИМ).
9. «Социокультурные и политические трансформации на европейском и евразийском пространстве в Новое и Новейшее время» (под эгидой Центра Европейского союза в Сибири), сентябрь 2012 г.

Литература

1. Арапина С.В., Ипатенко Е.В. Социальная практика национал-социалистического режима в Германии (довоенный период) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 2–3 (54). С. 7–11.
2. Бадаев Е.В. К вопросу о безопасности ЕС в начале XXI в. // ЕС и Россия: пути модернизации: тезисы международной научной конференции / под ред. Л. В. Дериглазовой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – С. 126–131.
3. Батуринов А.П. Первые короли средневековой Европы: кто они, какие они? (по страницам западноевропейских хроник). – Кемерово, 2010. – 131 с.
4. Батуринов А.П. «Свой» и «чужой», образ друзей и врагов в испанской литературе XVII в. (к вопросу о формировании национального самосознания в испанском обществе в раннее новое время) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 1 (53). – С. 48–55.
5. Батуринов А.П. Западноевропейская история XVII века в оценке современников: исторические экскурсии Бальтасара Грасиана. – Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. – 68 с.
6. Васютин С.А. Основные этапы трансформации политических структур «дофеодальных варварских обществ» в эпоху великого переселения народов и раннее средневековье // Средние века. – 2007. – Вып. 68, № 4. – С. 34–65.
7. Васютин С.А. Очень многоликое средневековье // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. – 2009. – Вып. 70, № 1–2. – С. 84–88.
8. Варнаков Ю. Г. Международные связи Кузбасса. – Кемерово: Кем. кн. изд-во, 1964. – 112 с.
9. Галактионов Ю.В. Германский фашизм в зеркале историографии 20–40-х годов: Новое прочтение. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996. – 172 с.
10. Галактионов Ю.В. Отечественная историография германского фашизма. – Кемерово, 2007. – 278 с.
11. Говоров Ю.Л. Россия между Востоком и Западом // Германия и Россия в XX в. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. – С. 460–481.
12. Говоров Ю.Л. Западный и восточный векторы внешней политики в истории России // Россия и Европейский Союз: стратегия взаимодействия: материалы Международной научной конференции. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. – С. 76–85.
13. Говоров Ю.Л. Внутренние и внешние факторы этносепагатизма в постбиополярном мире (дискуссионные вопросы) // Конфликты в международных отношениях: историческая ретроспектива и перспектива: Сб. научных статей / ред. А.М. Адаменко, Ю.Л. Говоров, К.В. Юматов и др. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. – С. 20–48.
14. Дорохов В.Г. Эволюция экологической политики стран ЕС во второй половине XX в. // Сибирский международный ежегодник: сборник статей кафедры мировой политики ТГУ / под ред. А.Г. Тимошенко, Л.В. Дериглазовой. – Томск: Том. гос. ун-т, 2012. – Вып. 6. – С. 96–103.

15. *Дорохов В.Г.* Влияние СМИ на экономическое и политическое развитие ЕС в период кризиса 2008 г. // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 2 (54), Т. 3. – С. 52–56.
16. *Дорохов В.Г.* Информационный повод как средство влияния на фондовые рынки Европы (2008–2012 гг.) // Большая Европа в глобальном мире: новые вызовы – новые решения (Wider Europe in the Global World: New Challenges – New Solution) / под ред. А.А. Громыко. – М.: Ин-т Европы РАН; Нестор-история, 2013. – С. 77–82.
17. *Жаронкина Е.А.* Денацификация в американской зоне оккупации Германии: этапы, проблемы и итоги // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – № 4-4. – С. 63–67.
18. *История Германии: учеб. пособие: в 3 т. / под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова.* – М.: КДУ, 2008.
19. *История, политика, экономика и культура Германии в исследованиях российских ученых. 1990–2000 гг.: Библиографический указатель. Серия «Германские исследования в Сибири».* – Кемерово, 2001.
20. *Ким О.В.* К вопросу о ранней модернизации в Европе и России (мир-системная парадигма) // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. – 2009. – Вып. 70 (1–2). – С. 139–155.
21. *Ким О.В.* Теория модернизации и переходные общества раннего Нового времени // Новая и новейшая история. – 2011. – № 2. – С. 121–128.
22. *Ким О.В.* Проблема европоцентризма и переходные эпохи в моделях глобальной истории // История: электронный научно-образовательный журнал. – 2012. – Вып. 3 (11): Знания о прошлом в политико-правовых практиках переходных периодов всемирной истории (<http://mes.igh.ru/magazine/content/problema-evropozentrizma.html>).
23. *Козько Н., Кривошеева Е.* Загадка Эрниты. – Кемерово: Кем. кн. изд-во, 1979. – 132 с.
24. *Колтинская Е. Г.* Позиция Великобритании и Франции в отношении мусульман 1948–2000-е гг.: сравнительный анализ государственной политики. – Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2010.
25. *Корнева Л.Н.* Германский фашизм: немецкие историки в поисках объяснения феномена национал-социализма (1945–90-е годы): учеб. пособие. – Кемерово: КемГУ, 1998.
26. *Корнева Л.Н.* Германская историография национал-социализма: проблемы исследования и тенденции современного развития (1985–2005). – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007.
27. *Корнева Л.Н.* Социальная политика и социальное государство в Германии XX века: этапы политической трансформации // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 2 (54), т. 3. – С. 80–85.
28. *Костромина Н.Г.* Французская историография тоталитаризма в XX веке: Сравнительный анализ теории и практики тоталитаризма. – Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2013.
29. *Костромина Н.Г.* Франко-германские отношения в 1933–1939 гг.: этапы политической трансформации // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 2 (54), Т. 3. – С. 85–90.
30. *Самутина О.С., Юматов К.В.* Южный Кавказ в XXI веке: между Востоком, Западом и Россией (на примере нагорно-карабахского конфликта) // Европа и страны Азиатско-Тихоокеанского региона: проблемы взаимодействия: тез. междунар. науч. конф. / отв. ред. Л.О. Игумнова, Е.А. Матвеева. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. – С. 79–84.
31. *Селезнев Р.С.* «Нет, ты сербин, ты этого сам не знаешь...» – сербская национальная идентичность накануне и после освобождения (вторая половина XIX века) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. – Т. 11, вып. 8: История. – 2012. – С. 55–59.
32. *Селезнев Р.С.* Европейский профсоюз как игрок на рынке труда и специфики социальных связей с его участием // Экономическая наука в различных культурных контекстах / под ред. В. Стрелковского. Карлов Университет в Праге, факультет общественных наук. – Прага, 2013. – С. 139–152.
33. *Терехов О.Э.* Веймарская республика в отечественной историографии XX в.: проблемы исследования и тенденции развития. – Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2011.
34. *Терехов О.Э.* Феномен «консервативной революции» в Веймарской республике в историографии ФРГ: основные концепции и проблемы интерпретации. – Кемерово: ООО ПК «Офсет», 2011.

35. Учебно-методический комплекс по истории средних веков: в 3 кн. / под ред. С.А. Васютина. – М.: КДУ, 2008.
36. Шайхутдинова Е.Н. Процессы сакрализации власти средневековых правителей в трактовке англо-американских историков XX века // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. – 2012. Т. 11, вып. 8: История. – С. 16–20.
37. Юматов К.В. Европейский Союз и этнокультурная политика // Навстречу Европе: сб. статей / под ред. А.А. Касьяновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – С. 138–145.
38. Юматов К.В. Эволюция политики Европейского союза на Южном Кавказе // Вестник Томского государственного университета. История. – 2012. – № 1 (17). – С. 126–132.
39. Kolpinskaya E., Yumatov K. The «Chechen question» in European-Russian relations // European Union and Russia: Face to face. Materials of the international conference in Salzburg, 2006. Tomsk. 2007. P. 127–142.

Поступила 30 марта 2014 г.

Vasyutin Sergey Aleksandrovich, Govorov Yuri Lyudvigovich, Yumatov Konstantin Vladimirovich, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia)

EUROPEAN STUDIES AT KEMEROVO STATE UNIVERSITY, 1963–2014

Keywords: European studies, international relations, Faculty of History and International relations at Kemerovo State University, West Siberian Centre for German Studies, European Union Centre in Siberia

In this paper the authors evaluate the factors facilitating the development of European Studies in the Faculty of History and International Relations at Kemerovo State University.

Initially, Professor Yuri V. Galaktionov initiated this line of research after 1991, when new opportunities appeared for establishing international contacts with foreign researchers. Later, in 1999, an “International Relations” major was introduced by the faculty, which contributed to activation of International Studies. That year, the West Siberian Centre for German Studies was also established at Kemerovo State University, with intellectual and financial support from the German organization DAAD, the Volkswagen Foundation and the Department of East-European Research at Ruhr-University (Bochum). The major result of this collaboration was the 3-volume *History of Germany*. Since 2003, Kemerovo historians have also participated in the Tempus project for establishing a network of European research centres in 5 Siberian universities and in the European Union Centre in Siberia Project, headed by Tomsk State University.

In this paper the authors also offer a summary of the research output of the European Studies at Kemerovo State University in terms of doctoral and PhD theses defended, international conferences held, monographs and other papers published.

References

1. Arapina S.V., Ipatenko E.V. Social practice of national-socialist regime in Germany (pre-war period). *Vestnik of Kemerovo State University – Bulletin of Kemerovo State University*, 2013, no. 2–3 (54), pp. 7–11. (In Russian).
2. Badaev E.V. [Discussing security of the EU at the beginning of XXI century]. *ES i Rossiya: puti modernizatsii: tezisy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [EU and Russia: paths of modernization. Abstracts of international scientific conference]*. Tomsk: Tomsk state University Publ., 2011, pp. 126–131.
3. Baturin A.P. *Pervye koroli srednevekovoy Evropy: kto oni, kakie oni? (po stranitsam zapadnoevropeyskikh khronik)* [First kings of Medieval Europe: Who are they? What are they? (based on Western European Chronicles)]. Kemerovo: Kemerovo State University Publ., 2010. 131 p.
4. Baturin A.P. “Their” and “others”, images of friends and enemies in Hispanic literature XVII century (discussing the formation of national self-consciousness in Hispanic society in Early Modern period). *Vestnik of Kemerovo State University – Bulletin of Kemerovo State University*, 2013, no. 1 (53), pp. 48–55.
5. Baturin A.P. *Zapadnoevropeyskaya istoriya XVII veka v otsenke sovremennikov: istoricheskie ekskursy Bal'tasara Gratsiana* [History of Western Europe in XVII century in opinion of contemporaries: historical excursus by Baltasar Gracián]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 68 p.

6. Vasyutin S.A. Osnovnye etapy transformatsii politicheskikh struktur "dofeodal'nykh varvar-skikh obshchestv" v epokhu velikogo pereseleniya narodov i rannee srednevekov'e [Main periods of transformation of political structures of "pre-Feudal barbarian societies" in a time of great Migration Period and Early Middle Ages]. *Srednie veka*, 2007, vol. 68, no. 4, pp. 34-65.
7. Vasyutin S.A. Ochen' mnogolikoe srednevekov'e [Very many faces of Middle Ages]. *Srednie veka*, 2009, vol. 70, no. 1-2, pp. 84-88.
8. Varnakov Yu.G. *Mezhdunarodnye svyazi Kuzbassa* [International interactions of Kuzbass]. Kemerovo: Kemerovo Publ., 1964. 112 p.
9. Galaktionov Yu.V. *Germanitskiy fashizm v zerkale istoriografii 20-40-kh godov: Novoe prochenie* [German fascism in historiography of 1920-1940s: New look]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 1996. 172 p.
10. Galaktionov Yu.V. *Otechestvennaya istoriografiya germanskogo fashizma* [Russian historiography of German fascism]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 2007. 278 p.
11. Govorov Yu.L. *Rossiya mezdu Vostokom i Zapadom* [Russia between the East and the West]. In: *Germaniya i Rossiya v XX v.* [Germany and Russia in the 20th century]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 2001, pp. 460-481.
12. Govorov Yu.L. [Western and eastern directions of Russian foreign policy through history]. *Rossiya i Evropeyskiy Soyuz: strategiya vzaimodeystviya: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Russia and European Union: strategies of interaction. Proc. of international scientific conference]. Ekaterinburg: Ural State University Publ., 2002, pp. 76-85. (In Russian).
13. Govorov Yu.L. *Vnutrennie i vneshnie faktory etnoseparatizma v postbipolyarnom mire (diskussionnye voprosy)* [Inner and external factors of ethno-separatism in post-bipolar world (issues for discussion)]. In: Adamenko A.M., Govorov Yu.L., Yumatov K.V. (eds.) *Konflikty v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: istoricheskaya retrospektiva i perspektiva* [Conflicts in international relations: historical retrospect and outcomes]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 2009, pp. 20-48.
14. Dorokhov V.G. *Evolutsiya ekologicheskoy politiki stran ES vo vtoroy polovine XX v.* [Evolution of ecological policy of the EU countries during the second part of XX century]. In: Timoshenko A.G., Deriglazova L.V. (eds.) *Sibirskiy mezhdunarodnyy ezhegodnik* [Siberian international yearbook]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2012. Vol. 6, pp. 96-103.
15. Dorokhov V.G. The impact of media on the economic and political development of the EU during the 2008. *Vestnik of Kemerovo State University – Bulletin of Kemerovo State University*, 2013, no. 2 (54), vol. 3, pp. 52-56. (In Russian).
16. Dorokhov V.G. *Informatsionnyy povod kak sredstvo vliyaniya na fondovye rynki Evropy (2008–2012 gg.)* [An information cause as an influence tool on stock markets of Europe (2008–2012)]. In: Gromyko A.A. (ed.) *Wider Europe in the Global World: New challenges – New solution*. Moscow: Institute of Europe RAN Publ.; Nestor-istoriya Publ., 2013, pp. 77-82.
17. Zharonkina E.A. Denazification in the American occupation zone in Germany: stages, problems and results. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – The News of Altai State University*, 2008, no. 4-4, pp. 63-67. (In Russian).
18. Bonvech B., Galaktionov Yu.V. (eds.) *Istoriya Germanii* [History of Germany]. Moscow: KDU Publ., 2008.
19. *Istoriya, politika, ekonomika i kul'tura Germanii v issledovaniyakh rossiyskikh uchenykh. 1990–2000 gg.: Bibliograficheskiy ukazatel'* [History, politics, economics and culture of Germany in research of Russian scientists. 1990–2000s: Bibliography]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 2001. 114 p.
20. Kim O.V. *K voprosu o ranney modernizatsii v Evrope i Rossii (mir-sistemnaya paradigma)* [On the issue of early modernization in Europe and Russia (world-systems analysis)]. *Srednie veka*, 2009, vol. 70 (1-2), pp. 139-155.
21. Kim O.V. *Teoriya modernizatsii i perekhodnye obshchestva rannego Novogo vremeni* [Theory of modernization and transitional societies of early modern period. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2011, no. 2, pp. 121-128.
22. Kim O.V. *Problema evropotsentrizma i perekhodnye epokhi v modelyakh global'noy istorii* [The problem of Europe-centrism and transitional periods in global history models]. *Istoriya – History*, 2012, vol. 3 (11). Available at: <http://mes.igh.ru/magazine/content/problema-evropozentrizma.html>.
23. Koz'ko N., Krivosheeva E. *Zagadka Ernity* [Secret of Ermitage]. Kemerovo: Kemerovo knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1979. 132 p.
24. Kolpinskaya E.G. *Pozitsiya Velikobritanii i Frantsii v otnoshenii musul'man 1948–2000-e gg.: sravnitel'nyy analiz gosudarstvennoy politiki* [Position of the Great Britain and France regarding

Muslims in 1948–2000s: comparative analysis of state policy]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2010.

25. Korneva L.N. *Germanskiy fashizm: nemetskie istoriki v poiskakh ob"yasneniya fenomena natsional-sotsializma (1945–90-e gody)* [German Fascism: German historians in search for explaining the phenomenon of national-socialism (1945–90s)]. Kemerovo: Kemerovo State University Publ., 1998.

26. Korneva L.N. *Germanskaya istoriografiya natsional-sotsializma: problemy issledovaniya i tendentsii sovremennogo razvitiya (1985–2005)* [German historiography of national-socialism: problems for research and trends of recent development (1985–2005)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 2007.

27. Korneva L.N. Social policy and welfare state in Germany in the 20th century: periods of political transformation. *Vestnik of Kemerovo State University – Bulletin of Kemerovo State University*, 2013, no. 2 (54), vol. 3, pp. 80–85. (In Russian).

28. Kostromina N.G. *Frantsuzskaya istoriografiya totalitarizma v XX veke: Sravnitel'nyy analiz teorii i praktiki totalitarizma* [French historiography of totalitarianism in XX century: comparative analysis of theory and practice of totalitarianism]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013.

29. Kostromina N.G. Franco-German relations in 1933–1939: stages of political transformation. *Vestnik of Kemerovo State University – Bulletin of Kemerovo State University*, 2013, no. 2(54), vol. 3, pp. 85–90. (In Russian).

30. Samutina O.S., Yumatov K.V. [South Caucasus in the 21st century: between the East, the West and Russia (an example of Nagorno-Karabakh conflict)]. *Evropa i strany Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona: problemy vzaimodeystviya: tez. mezhdunar. nauch. konf.* [Europe and countries of Asia-Pacific region: problems of interactions: abstracts of international scientific conference]. Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 2013, pp. 79–84. (In Russian).

31. Selezenev P.S. “Net, ty serbin, ty etogo sam ne znaesh'...” – serbskaya natsional'naya identichnost' nakanune i posle osvobozhdeniya (vtoraya polovina XIX veka) [“No, you, Serbin, you don't know this yourself...” – Serbian national identity before and after liberation (second part of XIX century)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya*, 2012, vol. 11, no. 8, pp. 55–59.

32. Selezenev P.S. *Evropeyskiy profsoyuz kak igrok na rynke truda i spetsifiki sotsial'nykh svyazey s ego uchastiem* [European trade union as an actor on labour market and specificities of social nets with its participants]. In: Strelkovsky V. (ed.) *Ekonomicheskaya nauka v razlichnykh kul'turnykh kontekstakh* [Economics in various cultural aspects]. Prague: Karlov University Publ., 2013, pp. 139–152.

33. Terekhov O.E. *Veymarskaya respublika v otechestvennoy istoriografii XX v.: problemy issledovaniya i tendentsii razvitiya* [Weimar republic in Russian historiography in the 20th century: problems of research and trends of development]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.

34. Terekhov O.E. *Fenomen “konservativnoy revolyutsii” v Veymarskoy respublike v istoriografii FRG: osnovnye kontseptsii i problemy interpretatsii* [Phenomenon of “conservative revolution” in Weimar republic in German historiography: main concepts and problem of interpretation]. Kemerovo: OOO PK “Ofset” Publ., 2011.

35. Vasyutin S.A. (ed.) *Uchebno-metodicheskiy kompleks po istorii srednikh vekov* [Teaching manual on history of the Medieval Ages]. Moscow: KDU Publ., 2008.

36. Shaikhutdinova E.N. Protsestry sakralizatsii vlasti srednevekovykh praviteley v traktovke anglo-amerikanskikh istorikov XX veka [The sacralisation of power of the medieval rulers as interpreted by the twenty-century British and American historians]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya*, 2012, vol. 11, no. 8, pp. 16–20.

37. Yumatov K.V. *Evropeyskiy Soyuz i etnokul'turnaya politika* [European Union and ethno-cultural policy]. In: Kasyanova A.A. (ed.) *Navstrechu Evrope* [Towards Europe]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2005, pp. 138–145.

38. Yumatov K.V. Evolution of European Union politics in the South Caucasus. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Isyoriya – Tomsk State University Journal of History*, 2012, no. 1(17), pp. 126–132. (In Russian).

39. Kolpinskaya E., Yumatov K. The “Chechen question” in European-Russian relations. European Union and Russia: Face to face. Materials of the international conference in Salzburg, 2006. Tomsk, 2007, pp. 127–142.

УДК 327+94.4

«ДОБАВЛЕННАЯ СТОИМОСТЬ»: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕНТРА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В СИБИРИ, 2010–2014 ГГ.¹

Л.В. Дериглазова

Л.В. Дериглазова, директор Центра ЕС в Сибири, оценивает реализацию проекта с участием 6 сибирских университетов-партнеров: Томского, Тюменского, Кемеровского, Алтайского, Иркутского государственных университетов и Новосибирского технического государственного университета. Она представляет цели, методологию, достижения и возможное будущее ЦЕСС. По её мнению, проект принёс новые возможности, идеи и людей, что позволило развивать европейские исследования и изучение ЕС на уровне программ подготовки бакалавров, магистров, аспирантуры. В рамках проекта ежегодно проводились студенческие конференции, летние школы, дополнительные информационные мероприятия в университетах-партнерах. Все это было основано на высоком интересе жителей Сибири к Европе и Европейскому союзу. Ежегодные международные конференции также проводились с участием многочисленных сибирских и европейских ученых.

В ходе реализации проекта были инициированы коллективные исследовательские проекты, которые объединили ученых из разных университетов и завершились весомыми научными публикациями на тему ЕС и Европы. Многочисленные индивидуальные академические проекты по европейским исследованиям также являются доказательством успешности исследований.

Несмотря на ожидаемые трудности в реализации проекта, связанные с администрированием его на протяженной территории, ЦЕСС смог достичь поставленных целей благодаря налаженному многолетнему сотрудничеству и способствовал дальнейшему развитию изучения ЕС в Сибири. Л.В. Дериглазова полагает, что проект создал синергию между университетами-партнерами и его успех основан на реалистичных оценках сильных сторон и потребностей партнеров. Проект также позволил установить связи между университетами-партнерами и другими центрами ЕС в России.

Ключевые слова: Центр ЕС в Сибири (ЦЕСС), изучение ЕС, Европейский Союз.

В 2009 г. ЕС объявил конкурс на гранты для создания центров Европейского союза в России. С 1998 по 2009 г. ЕС поддержал создание 26 подобных центров. По данным на февраль 2013 г., всего существует 37 центров ЕС. Самая большая «концентрация» центров приходится на США. Заявленной целью центров является «распространение знаний о ЕС, его институтах, направлениях деятельности через создание сети центров ЕС в университетах, которые обеспечивали бы информационную и образовательную деятельность, касающуюся ЕС; распространение знаний о ЕС для заинтересованных сторон в соответствующих региональных сообществах и способствовали бы повышению осведомленности о важности политических, экономических и культурных связей между ЕС и соответствующей страной»².

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.B25.31.0009).

² 1. Информация о центрах ЕС на официальном сайте ЕС: http://www.eeas.europa.eu/eu-centres/index_en.htm

В России первые грантовые соглашения были подписаны осенью–зимой 2010 г. с тремя университетами-победителями конкурса: Балтийским федеральным университетом им. И. Канта (Калининград), Европейским университетом Санкт-Петербурга и Томским государственным университетом. В 2011 г. был объявлен новый конкурс на создание центров ЕС в России, по результатам которого были созданы еще три центра ЕС – в Петрозаводске, Казани и Ростове-на-Дону.

Каждый вновь создаваемый центр самостоятельно формулировал цели, содержание и методологию работы своего центра в грантовой заявке. Контракты на выполнение исследований, поддержанных грантами по созданию центров ЕС, заключаются на три года. По просьбе первых трех центров действие их контрактов было продлено до декабря 2014 г. для завершения проектов. Планируется, что ЕС объявит новые конкурсы на финансирование центров ЕС в России в 2015 г. В конкурсе смогут принять участие уже существующие центры ЕС, а также российские университеты, которые бы хотели создать такие центры.

Несмотря на общее видение ЕС того, для чего создаются и какую миссию должны выполнять такие центры, у каждого из существующих центров ЕС в России есть собственный опыт воплощения заданной миссии, что находит выражение в реализуемых стратегиях, привлечении имеющихся ресурсов и оценке достигнутых результатов. Оценивая итоги работы Центра ЕС в Сибири, мне бы хотелось сделать это в форме ответа на три вопроса, которые нередко мне задают как руководителю Центра: 1) в чем заключалась цель создания центра в вашем университете; 2) как вы воплощали поставленные цели; 3) каким вам представляется будущее вашего центра.

1. В чем заключалась цель создания центра в вашем университете?

Я процитирую нашу грантовую заявку, в которой были определены цели проекта, партнеры, целевые группы и конкретные результаты проекта. Целью проекта является «учреждение Центра Европейского союза в Сибири; формирование и продвижение адекватного знания о ЕС как о стратегическом партнере России через осуществление образовательной, научно-исследовательской, информационной и просветительской деятельности».

Партнеры: Тюменский государственный университет, Кемеровский государственный университет, Алтайский государственный университет, Иркутский государственный университет. Новосибирский государственный технический университет является ассоциированным партнёром. Целевые группы: Молодежь, образовательные организации, местные органы власти, исследователи, предприниматели, НПО (неправительственные организации). Конкретные результаты: разработка и реализация учебных программ в области европейских исследований на уровне бакалавриата, магистратуры и аспирантуры в 5 университетах Сибири; проведение краткосрочных курсов по ЕС для местных сообществ (административных органов, учителей школ, школьников, предпринимателей, НПО); научные публикации; учебные пособия; электронные курсы для дистанционного обучения; международные конференции и летние школы, посвященные вопросам ЕС.

Конкретной задачей проекта является создание постоянно действующего Центра Европейского союза в Сибири для осуществления образовательной,

информационно-просветительской и научно-исследовательской деятельности в регионе. Предполагалось, что Центр станет структурным подразделением ТГУ и будет осуществлять работы, предоставлять услуги и экспертную поддержку по теме «Европейский союз» с опорой на собственные ресурсы и финансирование, поступающее от различных заинтересованных сторон – регионального сообщества, российских и международных представителей.

В рамках деятельности ЦЕСС была запланирована работа по совершенствованию и государственной аккредитации программ подготовки специалистов по европейским исследованиям в университетах-партнёрах, по повышению учебно-методической и научной квалификации преподавателей, по дальнейшему развитию сотрудничества университетов с местными органами власти, бизнесом, образовательными учреждениями и гражданским обществом в целях распространения знаний о ЕС в регионе.

2. Как вы воплощали поставленные цели (методология, мероприятия)?

Главной идеей нашей заявки и ее реализации стало формирование Центра как консорциума сибирских университетов, с которыми был наработан большой опыт реализации европейских проектов в регионе. Все университеты-партнеры подтвердили свое желание присоединиться на стадии подготовки заявки и признали лидерство ТГУ в области европейских исследований и преподавания курсов по ЕС в регионе. Подготовку специалистов на уровне бакалавриата, специалитета, магистратуры и аспирантуры в области европейских исследований осуществляют все пять университетов-партнёров ЦЕСС. Однако именно в ТГУ была создана научная и образовательная школа по изучению Европейского союза, что отличается от достаточно широкого и несколько аморфного понятия «европейские исследования». В ТГУ существует «критическая масса» специалистов по ЕС, что позволяет нам претендовать на имя «школы».

Создание ЦЕСС – это итог многолетней работы ТГУ по реализации образовательных, структурных и научных европейских проектов: ТГУ принял участие почти в 20 проектах по программе ТЕМПУС и 17 проектах ИНТАС (Международная ассоциация содействия сотрудничеству с учёными из новых независимых государств бывшего Советского Союза), принимал участие в Шестой и Седьмой рамочных программах ЕС по научно-техническому развитию. ТГУ является ресурсным центром для университетов-партнеров и стремится передавать свой опыт по изучению ЕС, формированию соответствующих образовательных программ и в подготовке специалистов в данной области.

Томский госуниверситет ежегодно выпускает более 20 специалистов по направлению «европейские исследования» или «изучение ЕС». В ТГУ действует магистратура по изучению ЕС с возможностью обучения на бюджетной основе и магистерская программа двойного диплома по европейским исследованиям со Свободным университетом Брюсселя (СУБ), ведущим мировым центром подготовки специалистов такого профиля. В этом году планируется подписание нового соглашения с СУБ о продолжении сотрудничества в области двойной магистерской программы и расширения ее на уровень аспирантуры. Большинство выпускников этой программы вернулись и работают в России по специальности, тем самым способствуя развитию связей России и ЕС в разных областях. Нельзя сказать, что реализация этой программы явля-

ется беспроblemной, но важно, что у наших университетов существует заинтересованность в продолжении сотрудничества и желание решать проблемы. Мы надеемся, что программа сможет привлечь большее количество студентов из региона и что мы сможем принимать у себя студентов из Бельгии для обучения в течение семестра или целого учебного года. У нас был опыт длительной стажировки аспирантки СУБ Лу Брене, которая изучала российские политические партии.

ЦЕСС был создан как научно-образовательный центр (НОЦ) и является структурным подразделением ТГУ. Пока ЦЕСС реализует свою деятельность за счет средств гранта и пытается найти дополнительные источники финансирования для своих проектов. Основные направления деятельности ЦЕСС можно подразделить на три группы: образовательная (подготовка специалистов по ЕС и методическое обеспечение учебного процесса); поддержка исследований Европейского союза (организация стажировок, научных мероприятий, публикация научных работ) и информационно-просветительская деятельность в регионе.

Опираясь на консорциум сибирских университетов, мы стремимся поддерживать эти виды деятельности во всех университетах-партнерах, привлекаем студентов, аспирантов, «остепененных» преподавателей к активному участию в наших проектах, поддерживаем инициативы, обеспечиваем связь между университетами на разных уровнях. Примером запланированной деятельности является проведение ежегодных научных конференций для преподавателей и летних школ для студентов и аспирантов по различным аспектам европейской интеграции, которые проходят во всех университетах-партнерах. В 2011 г. в ТГУ прошла конференция по опыту модернизации в России и ЕС; в 2012 г. в Кемерове – по теме политических и социальных трансформаций в Европе и Евразии; в 2013 г. в Иркутске – она была посвящена проблеме взаимодействия стран Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона. Для студентов были организованы летние школы по темам: развитие ЕС после Лиссабонского договора (Томск, 2011 г.), опыт ЕС в преодолении кризисов (Тюмень, 2012 г.), европейская идентичность (Барнаул, Белокуриха, 2013 г.)

Примером инициатив, поддержанных ЦЕСС, являются коллективные исследовательские проекты и проекты по подготовке коллективных учебных пособий. За время реализации проекта было инициировано шесть таких проектов, которые должны завершиться публикациями. Авторские коллективы могут быть небольшими (2 человека) или совершенно «грандиозными» – более 30 человек. В каждом проекте есть лидер, который осуществляет координационную и редакторскую работу. Для реализации этих проектов использовались средства гранта для обеспечения региональной мобильности, зарубежных стажировок, поддержки работы координаторов проектов и собственно самих публикаций.

Мы также поддерживаем индивидуальные проекты, предоставляем гранты для прохождения стажировок в европейских университетах, для участия в научных мероприятиях, финансируем научные публикации. Интересно, что на стадии составления грантовой заявки был намечен список возможных монографий, который был значительно изменен в ходе реализации проекта без

потери для качества. Это обстоятельство подтверждает важность наличия «критической массы» специалистов по данной теме, что обеспечивает постоянное движение и появление новых специалистов, если другие не могут выполнить запланированное ранее в силу разных причин.

Мы также поддерживаем инициативы по проведению совместных мероприятий с другими фондами на условиях софинансирования. Примером являются конференции с Фондом Ф. Эберта, которые прошли в ТГУ в марте 2012 и марте 2013 гг. В апреле 2013 г. в ТГУ была проведена российско-немецкая молодежная конференция с элементами научной школы, при поддержке Института Гете. Инициаторами этого мероприятия стали аспиранты-германисты из ТГУ, которые подготовили грантовую заявку для финансирования мероприятия в рамках года Германии в России. В Томск приехали студенты из региональных университетов и из Германии, российские и немецкие эксперты. В апреле 2014 г. совместно с Фондом Эберта в ТГУ было проведено еще одно научное мероприятие «Политическая наука и вызовы современного мира», которое объединило несколько событий: презентацию книги «Политический лексикон: понятия, факты, взаимосвязи», выставку «150 лет социал-демократии» и семинар для сотрудников и волонтеров благотворительных организаций г. Томска «Фандрейзинг в детской медицине».

Мы оказываем поддержку нашим партнерам в проведении мероприятий, которые они проводят в течение многих лет. Например, проведение ежегодных конференций алтайской школой политических исследований под руководством Ю.Г. Чернышова, г. Барнаул. Мы выделяем средства на поддержку научной периодики, которую издают наши партнеры и на которую они всегда вынуждены изыскивать средства. Например, мы финансируем на паритетных началах издание Тюменским госуниверситетом международного альманаха «Европа» (главный редактор С.В. Кондратьев).

Для нас важным является формирование и сохранение активного коллектива ученых и преподавателей, которые способны инициировать новые проекты, формировать региональное сообщество, учиться зарабатывать средства для реализации своих идей в области европейских исследований. Для достижения этой цели мы уделяем особое внимание и оказываем помощь в подготовке заявок по программам Темпус, Эразмус, Мария Кюри и ряду иных. Зарплата преподавателей в региональных вузах небольшая, и мы пытаемся показать возможности профессионального роста через интернационализацию своей работы, включение в европейское научное и университетское сообщество. Этому способствуют налаженные многолетние контакты с европейскими университетами, которые мы поддерживаем и развиваем.

Мы не «закрываем» свои зарубежные связи, напротив, мы искренне уверены в том, что именно рабочие контакты, общее дело профессионально мотивированных людей создают истинное наднациональное сообщество ученых и преподавателей-европеистов. Примером такого сотрудничества являются наши связи со Свободным университетом Брюсселя, университетом Кента в Кентербери. Не секрет, что сейчас идет погоня за показателями интернационализации университетов, которая в том числе измеряется количеством соглашений о сотрудничестве. Однако нередко такие соглашения не являются жизнеспособными, так как не предполагают никакой совместной работы.

Если говорить об информационной и просветительской деятельности, то здесь мы следуем традиционной модели просветительской миссии университетов в регионе. Мы активно сотрудничаем со школами, непрофильными вузами, с местными органами власти, средствами массовой информации. К сожалению, пока нам не удалось действительно привлечь внимание бизнес-сообщества.

Реализация гранта является трудоемкой административной и финансовой задачей, так как мы действуем в условиях жесткого соответствия российским процедурам отчетности и исполнения бюджета и требованиям европейских спонсоров. В последние годы в России заметно усилились бюрократические процедуры в системе высшего образования, выросла подозрительность в отношении зарубежных грантов – все это отражается на нашей работе. Мы предполагали, что реализация гранта не будет простой задачей, но мы не думали, что это будет отнимать так много времени и сил от реальных дел. Дополнительную сложность создает то, что мы действуем на большом пространстве, в разных университетах.

Только сложившиеся отношения, доверие, поддержка и профессионализм наших партнеров из сибирских университетов позволяют нам преодолевать возникающие проблемы и достигать поставленных целей.

3. Каким вам представляется будущее вашего центра?

Завершение гранта заставляет нас активно искать источники финансирования. Мы надеемся на то, что, несмотря на последовательное сокращение гуманитарных исследований в стране, ТГУ найдет возможность сохранить хотя бы базовое финансирование Центра. Подготовка специалистов по ЕС на разных уровнях продолжится, а вот для проведения мероприятий, осуществления коллективных проектов, стажировок нужно будет изыскивать средства вне бюджета ТГУ. Мы будем подавать заявки на новые гранты и надеемся, что Европейская комиссия объявит конкурс на поддержание работы уже созданных Центров ЕС, как это было сделано, например, для центров в Северной Америке.

Мы полагаем, что благодаря нашему гранту произошла заметная стимуляция профессионального сообщества международников и европейцев разного возраста в регионе. Одной из проблем российского научного сообщества является ослабление горизонтальных связей между университетами из-за отсутствия средств на региональную мобильность, которая все чаще заменяется представительской мобильностью административных кадров. К сожалению, многие заинтересованные преподаватели и ученые, не наделенные постами и позициями, не имеют возможности регулярно встречаться со своими коллегами, участвовать в профессиональных мероприятиях, а это ведет к стагнации и нередко к деqualификации коллег.

Мы попытались выйти за пределы нашей специализации международников. Нам удалось войти с темой по изучению европейской идентичности в большие научные проекты в 2013 г. Тема европейской идентичности реализуется с соответствующими дополнительными ресурсами в рамках Мегагранта, который выиграли историки ТГУ по теме «Человек в меняющемся мире», 2013–2015 гг. С января 2014 г. европейцы и историки из ТГУ вошли в большой консорциум по программе Мария Кюри для реализации проекта по теме

«ЕС вглубь: Европейская идентичность, культурное разнообразие и политические перемены», 2014–2018 гг. В консорциум входят 7 российских и 8 европейских университетов, и это дополнительные возможности и стимулы углубления и расширения европейских исследований.

В 2012 г. впервые в ТГУ в рамках программы имени Жана Моне был получен индивидуальный грант по теме «Социальная Европа» (2012–2015 гг., Л.В. Дериглазова). В 2013 г. еще два преподавателя ТГУ получили гранты по этой программе: С.Н. Мирошников с темой «Большая Европа» и Е.В. Хахалкина с темой «Великобритания в ЕС: прошлое и настоящее». Наши европейские коллеги из Свободного университета Брюсселя и университета Кента также выиграли гранты по этой программе, что позволяет нам в будущем надеяться на реализацию коллективных проектов по этой программе.

Хотелось также отметить, что занятие европейскими исследованиями в Сибири за тысячи километров от ближайшей границы со странами ЕС может по-прежнему вызывать недоумение. Однако сухая статистика показывает, что страны ЕС остаются главным экономическим и научным партнером Сибири. В регионе заметен рост интереса к Европе, которая по-прежнему ближе, понятнее и привлекательнее для россиян, чем азиатские страны-соседи. На отделении международных отношений ТГУ, где идет подготовка европейцев, в последние два года существенно увеличилось число студентов, выбирающих европейские, а не азиатские языки, что также определяет страновую специализацию студентов.

В то же самое время мы осознаем, что наше географическое положение предопределяет двойственность ориентации нашего центра – на Запад, к Европе и на Восток – к Китаю, странам АТР. Эта «срединность» отражается в тематике научных работ и в специфике образовательных программ. Иркутский госуниверситет планирует лицензировать магистерскую программу, которая будет включать оба вектора подготовки специалистов. Мы в ТГУ думаем над созданием комплексной программы подготовки специалистов, которые были бы в равной степени осведомлены об особенностях Европы и стран АТР.

Будущее покажет, насколько обоснованными были наши надежды. Главное, мы намерены продолжать нашу работу с коллегами из университетов-партнеров в Сибири, в России и за ее пределами, развивать европейские исследования и способствовать улучшению понимания современной Европы, европейского общества в России, а также способствовать формированию положительного образа России в Европе. 19–21 мая 2014 г. прошла итоговая конференция ЦЕСС в Томске, которая собрала многочисленных участников коллективных и индивидуальных проектов, преподавателей из университетов-партнеров и европейских коллег. Конференция позволила обсудить результаты работы консорциума и возможности продолжения сотрудничества в будущем.

Поступила 30 марта (25 мая) 2014 г.

Deriglazova Larisa V., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

«ADDED VALUE@: IMPLEMENTATION OF EUROPEAN UNION CENTER IN SIBERIA PROJECT, 2010–2014.

Key words: European Union Center in Siberia, EU studies, European Union.

Larisa Deriglazova, Director of the European Union Center in Siberia, evaluates the implementation of this project, which has united six Siberian universities: Tomsk, Tyumen, Kemerovo, Barnaul, Irkutsk state universities and Novosibirsk technical state universities. She discusses the Center's goals, methodology, achievements and possible future. The project introduced new resources, ideas and people to the development of European and EU studies among the partner universities at both undergraduate and postgraduate level, and as a result they have been able to respond to the high interest in Europe among young people and the general public in Siberia through annual student conferences, summer schools, outreach activities and annual international conferences, which attracted participants from across the region.

Additionally, a number of individual and collective research projects on the topic of Europe and the EU were initiated under the auspices of the Centre, allowing regional experts to work in partnership. Research findings and outcomes resulting from this work have been delivered in a both specialist publications and peer-reviews journals. The administrative task of overcoming great distances between project partners did not prevent the successful delivery of the project. Indeed, the project created synergies between partner universities, resting on the accurate evaluation of the strengths and needs of each partner. Overall, the project enhanced established ties between Siberian experts, and created a strong base for the future development and consolidation of academic research on Europe and the EU.

РЕЦЕНЗИИ

Kasten, Erich (Hg.) *Reisen an den Rand des Russischen Reiches: Die wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert*. Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2013. 320 pp., 9 Farabbildungen. ISBN: 978-3-942883-16-0. (Функ Д.А.)¹

История этнографического сибиреведения, равно как и других региональных областей социально-культурной антропологии, начинавшаяся с географических путешествий, часто или даже как правило международных по составу, полна ярких имен. Новая книга под редакцией немецкого коллеги Эриха Кастена – еще одно тому свидетельство. Эта коллективная монография представляет читателю великолепно выполненные очерки жизни и творчества немецкоязычных исследователей XVIII–XIX столетий, внесших неоценимый вклад в освоение и изучение северо-восточных рубежей Российского государства.

Книгу открывает большой аналитический очерк Петера Швайцера, в котором представлен контекст этнологических исследований в Сибири рассматриваемого времени (S. 11–28). Автор очерка не ограничивается общими характеристиками и упоминанием ключевых имен и лишь начинавших тогда складываться национальных школ (русской и финско-венгерской, или по отдельности – финской и венгерской²), но предлагает и две провоцирующие на размышления периодизации истории этих исследований на основе как

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.B25.31.0009).

² П. Швайцер специально задается вопросом о том, насколько можно говорить о «национальных традициях» в изучении Сибири (S. 11); в заключительных ремарках к своему очерку он вполне обоснованно полагает, что о немецкой национальной традиции (национальной как государственной) в данном случае говорить нет оснований (S. 25–26).

подходов и результатов, так и места национальных/интернациональных/транснациональных аспектов в этих исследованиях.

За вводным очерком следуют десять глав, повествующие в деталях о жизни, творчестве и научных достижениях исследователей XVIII–XIX вв. По пять примерно равных по объему глав отведено редактором книги на имена, украсившие каждое из двух столетий.

Для представления картины исследований XVIII в. выбраны биографии и труды известных в сибиреведении Георга Штеллера (в России более известного как Стеллер) (автор главы – Э. Кастен, S. 29–46), Петера Палласа (Хан Фермойлен, S. 47–75), Карла Мерка (Хелена Пивовар, S. 77–90), Адама фон Крузенштерна¹ и Георга фон Лангсдорфа (Диана Ордубади, S. 91–110), Отто фон Коцебу и Адельберта фон Шамиссо (Мари-Терез Федерхофер, S. 111–145). При подготовке этих глав их авторы обращались в основном к опубликованным работам, однако в ряде случаев используются и архивные источники (например, архив Мерка в Дармштадте и фонд А. фон Шамиссо в государственной библиотеке Берлина).

Систематическое обращение к архивным источникам в гораздо большей степени характеризуют следующие пять глав, в которых анализируются биографии и исследования ученых XIX столетия. Кстати говоря, эта группа глав, в отличие от предыдущей, представляет имена, менее известные историкам и этнографам. Речь идет, например, о такой фигуре, как агроном Йохан Кегель (очерк Э. Кастена, S. 207–221), оставивший великолепные описания культуры аборигенного населения Камчатки, чьи дневники, однако, были изданы лишь пару лет назад [1]. Другие имена, как, например, имя Адольфа Эрмана, напротив, хорошо известны специалистам. Именно в уникальном издании Эрмана *Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland* впервые (в 1865 г.) увидели свет южносибирские дневники молодого Вильгельма Радлова, много позднее переработанные в известный всем сибироведам двухтомный труд *Aus Sibirien*. Есть в книге также очерки Лизы Штреккер об орнитологе и художнике Фридрихе фон Киттлице (S. 147–172) и Эрки Таммиксаара о геологе Карле фон Дитмаре (S. 223–241) и о чиновнике Герхарде фон Майделе (S. 243–267), в каждом из которых читатель найдет немало зачастую ранее не известных фактов из истории изучения Камчатки и Якутии. В каждом из очерков чувствуется человеческая теплота, результат невидимой связи современных авторов с теми, о ком они пишут.

Завершается книга итоговой коллективной главой «Вклад немецкоязычных ученых в ранние исследования северо-восточной Сибири» (авторы Д. Ордубади, Э. Таммиксаар, Э. Кастен, М. Дюрр и М.-Т. Федерхофер, S. 269–304), а также приложением, в которое включены карта региона, сведения об авторах и указатель.

Не будет преувеличением сказать, что наши знания об ученых и путешественниках, осваивавших и изучавших Сибирь в XVIII, а отчасти и в XIX веках, умножились за последние 10–15 лет во многом благодаря публикациям и

¹ В отечественной научной традиции известен исключительно как Иван Федорович Крузенштерн. В недавнем очередном сокращенном переиздании его знаменитого «Путешествия вокруг света ...» (Крузенштерн 2007) немецкое имя автора – Адам Иоганн (Adam Johann von Krusenstern) – не упоминается.

инициативе наших коллег из немецкоязычных стран. Помимо целого ряда прекрасных исследовательских монографий, часть из которых вышла недавно в серии *Bibliotheca Kamtschatica* под общей редакцией Э. Кастена и М. Дюппа¹, в серии *Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven* впервые увидели свет фундаментальные публикации архивных материалов XVIII в.², и этот список можно продолжить. Мне представляется, что особый интерес современных немецкоязычных коллег, особенно этнологов, к ранним этапам изучения Сибири имеет свое объяснение. Даже если мы признаем факты отсутствия немецкой национальной традиции сибиреведения практически до середины XIX в. и невозможности выявить какую бы то ни было роль сибирских исследований в профессиональном становлении немецкой этнологии/социальной антропологии, мы не сможем отрицать колоссальную роль ранних работ именно немецкоязычных ученых и путешественников в становлении сибиреведения как самостоятельной научной (суб)дисциплины, наравне, скажем, с востоковедением или африканистикой. Прочный фундамент сибиреведческих знаний, заложенный немецкоязычными предшественниками столетия назад, вполне может исполнить свою роль – пусть лишь как некая духовная предтеча, как некий «мандат», удостоверяющий правомочность продолжения этих занятий – и еще раз, при складывании, действительно, национальных сибиреведческих антропологических традиций в Германии, Австрии и Швейцарии. Впрочем, думается, что в данном случае более плодотворным был бы осознанный отказ от формирования каких бы то ни было национальных традиций. Если вернуться к вводному очерку Петера Швайцера, то можно будет выразить эту мысль и несколько иначе: хочется надеяться, что период, последовавший за временем «советской монополии» / «закрытости» и обозначенный в разных системах, предложенных Швайцером координат либо как «перемены и неуверенность», либо как «транснациональные моменты» (S. 12, 14), будет иметь шанс на развитие консолидированных усилий исследователей разных стран с выходом, наконец, за границы национальных научных школ.

Книга *Reisen an den Rand des Russischen Reiches: Die wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert* написана хорошим языком, читается легко и с интересом. Учитывая то, что в данном издании читатель впервые в одном томе получил достаточно полную картину результатов научных изысканий наших выдающихся предшественников в северо-восточных пределах России в XVIII–XIX вв., я бы рекомендовал книгу не только специалистам, но и студентам – эта публикация вполне может использоваться в качестве учебного пособия по истории этнографического сибиреведения.

Д.А. Функ

Московский государственный университет,
Томский государственный университет

¹ См.: <http://www.siberian-studies.org/publications/bika.html>. Дата посещения сайта: 3.04.2014 г.

² В настоящее время изданы восемь томов, часть из которых параллельно вышла также в переводе на русский язык.

Литература

1. *Gülden W.F.* (Hrsg.) *Forschungsreise nach Kamtschatka. Reisen und Erlebnisse des Johann Karl Ehrenfried Kegel von 1841 bis 1847.* – Fürstenberg: Kulturstiftung Sibirien, 2011 (Bibliotheca Kamtschatica).

2. *Крузенигер И.Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева». – М.: Дрофа, 2007. (Библиотека путешествий).

Поступила 14.05. 2014 г.

Funk Dmitriy A., Moscow State University (Moscow, Russia), Tomsk State University (Tomsk, Russia)

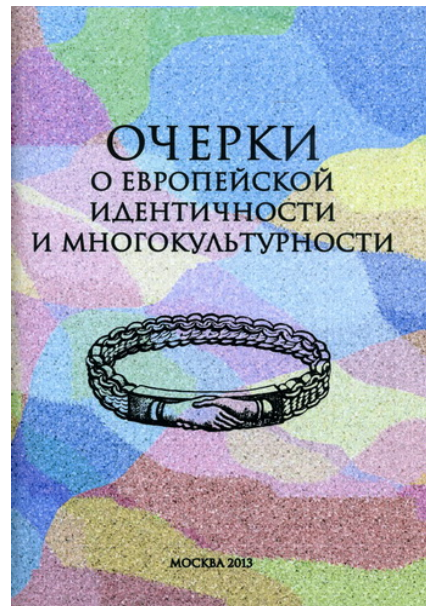
Review of Kasten, Erich (Hg.) *Reisen an den Rand des Russischen Reiches: Die wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert.* Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2013. 320 S., 9 Farbabbildungen. ISBN: 978-3-942883-16-0.

References

1. *Gülden W.F.* (Hrsg.) *Forschungsreise nach Kamtschatka. Reisen und Erlebnisse des Johann Karl Ehrenfried Kegel von 1841 bis 1847.* Fürstenberg: Kulturstiftung Sibirien, 2011. (Bibliotheca Kamtschatica).

2. *Kruzenshtern I.F.* *Travel around the world in 1803, 1804, 1805 and 1806 years on the ships "Nadezhda,, and "Neva".* Moscow: Drofa Publ., 2007.

Очерки о европейской идентичности и многокультурности: Сб. / под ред. М.Ю. Мартыновой. – М., ИЭА РАН, 2013. – 480 с. ISBN 978-5-4211-0084-3. (Хахалкина Е.В.)¹

Проблемы европейской идентичности в контексте мультикультурных проблем уже не одно десятилетие привлекают внимание исследователей в области социальных и гуманитарных наук. Опыт Европейского союза представляется интересным и полезным и для России, которая как многонациональное государство не только сталкивается с аналогичными ЕС проблемами, но и находится в поиске выработки адекватной реалиям дня стратегии национальной политики.

Сотрудниками Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН подготовлен солидный сборник статей, ставший итогом работы по теме НИР «Этнокультурные трансформации в зарубежном мире». В первой части сборника, названной «Идентичность», затрагиваются проблемы коллективного самосознания в ФРГ, Шотландии, Латвии, на Сицилии и в Финляндии. Вторая часть, озаглавленная как «Многокультурность», содержит статьи, преимущественно основанные на полевых исследованиях. Среди них изучение польского этнонационального феномена, особенности современной культуры бретонцев, исландский опыт реконструкции традиционных верований, положение русских на Кипре и мигрантов в Сицилии.

Сборник открывает статья главного редактора, М.Ю. Мартыновой, которая выдвигает важный тезис о том, что преждевременно говорить об унификации и устранении культурных различий в глобализованном мире (С. 6).

В представленных статьях прослеживается несколько магистральных направлений. К **первому** можно отнести сюжеты по проблемам национальной

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.В25.31.0009).

идентичности и государственности. Так, статья В.В. Руднева дает ответ на вопрос о том, какие факторы и когда оформили шотландскую идентичность и государственность, на каком этапе и под влиянием каких факторов эта часть Великобритании стала претендовать на самостоятельную роль. Как известно, в сентябре 2014 г. в Шотландии должен состояться референдум, в ходе которого населением будет решен вопрос, останется ли страна в Соединенном Королевстве или выйдет из его состава.

Дискурс национальной идентичности в послевоенной Германии достаточно подробно представлен в статье Е.Л. Кауганова. Автор, изучив немецкую историографию после Второй мировой войны (речь прежде всего идет о публикациях западногерманских ученых, в ГДР, как известно, национал-социализм как явление считали порождением капиталистической системы и изучали не в полном объеме), отмечает, что современная идентичность ФРГ неотделима от проблемы преодоления нацистского прошлого (С. 64), до сих пор остающейся в центре общественно-политического дискурса страны. Германия, по сути, дважды в XX в. пережила глубокие сломы национального самосознания – с установлением нацистского режима в 1930-е гг. и после Второй мировой войны, когда на массовом уровне стало возможно (как тогда казалось) считать 1945 г. «годом ноль» (С. 32), точкой отсчета новой истории государства и его национальной идентичности.

Второе направление представлено работами по истории повседневности и городской антропологии. В статье О.Д. Фаис, написанной на широком круге источников, включая полевые исследования, изучена роль «исторических рынков» Сицилии как фактора сохранения традиционной культуры. «Исторические рынки действуют в режиме “non-stop”, – подчеркивает автор, – являя собой постоянную составляющую повседневного существования населения» (С. 175). Феномен городской культуры рассматривается в статье М.К. Любарт на примере праздника «фес-ноз» в современной культуре бретонцев. Опираясь на полевые материалы, автор представила картину изменения роли и места этого праздника в культуре Бретани в длительной ретроспективе. Особое внимание было уделено феномену «городского фес-ноза», формирование которого началось с 1960-х гг. Исландский опыт реконструкции традиционных верований рассмотрен в статье И.А. Кучеровой на материалах изучения неоязыческой организации «Исландское общество верящих в асов».

Права и положение национальных меньшинств рассматриваются в **третьем блоке** статей. Этим сюжетам посвящены статьи М.Я. Устиновой, Н.В. Шлыгиной и И.Ю. Заринова. В первой статье идет речь о соблюдении прав национальных меньшинств в Латвии. Основной проблемой в заявленном контексте автор считает то, что «неграждане не могут в полной мере влиять на решения властных структур путем участия в выборах» (С. 121). Статья Н.В. Шлыгиной посвящена этническим меньшинствам Финляндии. Нельзя не согласиться с тем, что «научному изучению меньшинств в Финляндии долгое время уделялось относительно мало внимания...» (С. 261), в то время как в стране проживают шведы, русские, татары, евреи, цыгане. Особое внимание Н.В. Шлыгина уделяет актуальной для Финляндии проблеме – вопросам дискриминации и расизма в связи с тем, что в стране «немало

новых мигрантов разного статуса – это и политические беженцы, и репатрианты, а также лица, прибывшие на правах граждан, входящих в ЕС» (С. 259). И в том, и в другом случае авторы указывают на неоднозначность и сложность латвийского и финляндского опыта национальной политики.

Польский этнонациональный феномен XX в., начиная с оформления польского государства по итогам Первой мировой войны, обсуждается в статье И.Ю. Заринова. Автор исследует феномен на примере польской культуры и достижений поляков в спорте, живописи, литературе, кинематографе, музыке. Довольно значительное место в работе уделено социалистической Польше, во времена которой шла борьба двух противоположных векторов развития – «построение по официальной доктрине нового социалистического общества и неприятие этой доктрины на уровне массовой ментальности» (С. 308). Впрочем, отдельные положения статьи вызывают некоторые возражения. Так, автор указывает, что «на мирной конференции 1918 г. (речь, вероятно, идет о Парижской мирной конференции, но она состоялась в 1919–1920 гг. – Е.Х.) был провозглашен принцип “права наций на самоопределение”» (С. 300). Однако провозглашенный принцип не был введен в действие, и оформление европейских границ проходило, мало с ним согласуясь. Следовательно, сложно согласиться с тем, что «межвоенная Польша, как и другие европейские страны, неукоснительно следовали этому принципу...» (С. 300). Подобное утверждение представляется спорным и в связи с тем, что после Мюнхенской конференции 1938 г. территориальные приращения от оккупированной Чехословакии получила не только Германия, но и Польша и Венгрия. Поляки получили область, на которую претендовали еще после Первой мировой войны – Тешинскую Силезию (о чем автор не упоминает), что вряд ли можно считать «неукоснительным» следованием принципу «права наций на самоопределение». В Тешинской Силезии проживало смешанное, как и в некоторых других частях Европы, население – поляки, силезцы и чехи, что уже априори затрудняло реализацию этого принципа.

И, наконец, еще одно – **четвертое** – направление представлено статьями, в которых затрагиваются миграционные проблемы, в том числе вопросы интеграции мигрантов в принимающее сообщество с анализом соответствующих усилий властей на государственном уровне. В статье Е.А. Сорокиной через призму мультикультурных проблем рассматривается современное школьное образование в Швеции. Надо заметить, что Швеция переживает в последние годы обострение миграционных проблем и рост популярности праворадикальных партий. Несмотря на это, власти страны уделяют особое внимание сохранению культурной идентичности иммигрантов. Решение этой задачи осуществляется через деятельность различных национальных культурных обществ, в том числе работу воскресных школ. В общеобразовательных школах создавались так называемые «культурные классы», в которых дети этнических меньшинств Швеции (например, цыган) изучали родной язык и культуру, и специализированные классы для детей-иммигрантов (С. 472). Однако классы для детей из семей мигрантов оказались провалившимся экспериментом: «Такие дети практически изолированы от шведских сверстников и не имели достаточных возможностей для общения с ними, что

значительно затрудняло их успешную интеграцию в шведское общество» (С. 473).

Проблемы интеграции мигрантов, их положения и отношения к ним со стороны принимающего сообщества рассмотрены также в статьях И.Г. Остроух и О.Д. Фаис. В статье первого автора идет речь о русских на Кипре – начиная от мотивов их приезда на остров и отношений с местным населением и заканчивая их намерениями относительно дальнейшего пребывания в Республике Кипр. С привлечением статистических данных и на основании социологических опросов автор делает вывод о том, что «русские почти не включены в местную действительность, жизнь россиян и киприотов проходит параллельно» (С. 375). О.Д. Фаис, изучавшая положение мигрантов в Палермо – административном центре Сицилии, – приходит к выводам, которые смело можно назвать парадоксальными. Сицилия, одна из слабейших частей Италии, да еще и с репутацией криминальной области, не только является «лидером по абсолютной численности мигрантов и их доли на душу местного населения», но и наиболее толерантной из всех итальянских областей по отношению к иммигрантам (С. 391).

Выводы, к которым приходят авторы статей, подтверждают выдвинутый во вступительном слове тезис М.Ю. Мартыновой – процессы интеграции Европейского союза не только не привели к унификации культурной жизни, но и, наоборот, способствовали возрождению и/или трансформации почти забытых традиций и укреплению региональной идентичности. Такие процессы, как убедительно показано в ряде статей, в том числе являются защитной реакцией на попытки Евросоюза сформировать общеевропейскую идентичность.

Данный сборник, несомненно, может быть полезен не только антропологам, но и всем специализирующимся на мультикультурных и миграционных вопросах и проблемах коллективного самосознания в государствах Европейского союза исследователям.

Е.В. Хахалкина

Томский госуниверситет

Поступила 19.03.2014 г.

Khakhalkina Elena Vladimirovna, Tomsk State University (Tomsk, Russia)

Review of Martynova M. (ed.) *Ocherki o evropeiskoi identichnosti i mnogokul'turnosti*: Sb. [Essays on European identity and multiculturalism: Collection]. Moscow: IEA RAS Publ., 2013. 480 p. ISBN 978-5-4211-0084-3

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ВАСЮТИН Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, Кемеровский государственный университет. E-mail: vasutin@history.kemsu.ru

ГОВОРОВ Юрий Людвигович – кандидат исторических наук, доцент, Кемеровский государственный университет. E-mail: govorov@history.kemsu.ru

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, Институт Европы, РАН. E-mail: alexey@gromyko.ru

ГРОШЕВА Галина Васильевна – кандидат исторических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет. E-mail: groshevagv@mail.ru

ДЕРИГЛАЗОВА Лариса Валериевна – доктор исторических наук, профессор, Томский государственный университет. E-mail: dlarisa@inbox.ru

ДЯТЛОВ Виктор Иннокентьевич – доктор исторических наук, профессор, Иркутский государственный университет. E-mail: vikdyatlov@yandex.ru

МЕРЛЕН Од – профессор, Свободный университет Брюсселя. E-mail: Aude.Merlin@ulb.ac.be

ФУНК Дмитрий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет, Томский государственный университет. E-mail: d_funk@iea.ras.ru

ХАХАЛКИНА Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, Томский государственный университет. E-mail: kev394@rambler.ru

ЮМАТОВ Константин Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, Кемеровский государственный университет. E-mail: yumatov@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

VASYUTIN Sergey Aleksandrovich, candidat of science in History, docent, Kemerovo State University. E-mail: vasutin@history.kemsu.ru

GOVOROV Yuri Lyudvigovich, candidat of science in History, docent, Kemerovo State University. E-mail: govorov@history.kemsu.ru

GROMYKO Aleksey Anatolievich, doctor of science in History, professor, Institute of Europe, Russian Academy of Science. E-mail: alexey@gromyko.ru

GROSHEVA Galina Vasilievna, candidat of science in History, docent, Tomsk State Pedagogical University. E-mail: groshevagv@mail.ru

DERIGLAZOVA Larisa Valerievna, doctor of science in History, professor, Tomsk State University. E-mail: dlarisa@inbox.ru

DYATLOV Viktor Innokentievich, doctor of science in History, professor, Irkutsk State University. E-mail: vikdyatlov@yandex.ru

FUNK Dmitriy Anatolievich, doctor of science in History, professor, Moscow State University, Tomsk State University. E-mail: d_funk@iea.ras.ru

KHAKHALKINA Elena Vladimirovna, candidat of science in History, docent, Tomsk State University. E-mail: kev394@rambler.ru

YUMATOV Konstantin Vladimirovich, candidat of science in History, docent, Kemerovo State University. E-mail: yumatov@list.ru

С

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
ЛАБОРАТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

*Человек в меняющемся мире.
Проблемы идентичности и социальной адаптации
в истории и современности:
методология, методика и практики исследования*

14–15 октября 2014 г.
Томск

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в работе Международной научной конференции «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования», которая состоится 14–15 октября 2014 г. в Национальном исследовательском Томском государственном университете.

Особенностью современного состояния российского общества является **кризис идентичности**, вызванный разрушением оснований и ценностей советского периода и утратой исторических связей с традициями российской государственности. Связан он также с пониманием важности формирования и поддержания идентичностей в глобализирующемся мире.

Для преодоления последствий «кризиса идентичности» важно выработать научно обоснованную концепцию, способствующую созданию условий для восстановления преемственной связи между нынешним состоянием общества, предшествующими стадиями его существования и перспективами развития.

Цель конференции – обсуждение проблем формирования и трансформации идентичностей и социальной адаптации человека в России и в мире в условиях модернизации и глобальных социальных потрясений.

Организаторы конференции заинтересованы в широком междисциплинарном подходе к анализу предлагаемой проблематики.

Языки конференции: русский, английский.

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Функ Дмитрий	д-р ист. наук, проф., зав. каф. этнологии ИФ МГУ (Москва, Россия)
Бутовская Марина	д-р ист. наук, проф., г.н.с. ИЭА РАН, проф. Центра социальной антропологии РГГУ (Москва, Россия)
Соколовский Сергей	д-р ист. наук, г.н.с. ИЭА РАН (Москва, Россия)
Шнирельман Виктор	д-р ист. наук, г.н.с. ИЭА РАН (Москва, Россия)
Филиппова Елена	д-р ист. наук, в.н.с. ИЭА РАН (Москва, Россия)
Вахтин Николай	д-р филол. наук, проф., ЕУСПб (Санкт-Петербург, Россия)
Васильев Евгений	канд. ист. наук, зав. каф. археологии и краеведения ИФ НИ ТГУ (Томск, Россия)
Дериглазова Лариса	д-р ист. наук, проф., ИФ НИ ТГУ (Томск, Россия)
Дятлов Виктор	д-р ист. наук, проф., ИГУ (Иркутск, Россия)
Дутчак Елена	д-р ист. наук, проф., ИФ НИ ТГУ (Томск, Россия)
Нам Ираида	д-р ист. наук, проф., зав. ЛСАИ ИФ НИ ТГУ (Томск, Россия)
Трубина Елена	д-р филос. наук, проф., УрФУ (Екатеринбург, Россия)
Харусь Ольга	д-р ист. наук, проф., ИФ НИ ТГУ (Томск, Россия)
Шерстова Людмила	д-р ист. наук, проф. зав. каф. востоковедения ИФ НИ ТГУ (Томск, Россия)
Джозефсон Пол	д-р философии, проф., Колби Колледж (Вотервиль, США)
Саква Ричард	д-р философии, проф., Кентский ун-т (Кентербери, Великобритания)
Коккель Ульрих	д-р философии, почетный проф., Ун-т Ольстера (Ольстер, Великобритания)
Корнеев Олег	канд. ист. наук, с.н.с., Ун-т Шеффилда (Шеффилд, Великобритания)
Финке Питер	д-р философии, проф., руководитель департамента социальной антропологии Ун-та Цюриха (Швейцария)
Мерлен Од	д-р философии, проф., Свободный ун-т Брюсселя (Бельгия)
Форе Франсуа	д-р философии, проф., Свободный ун-т Брюсселя (Бельгия)
Ссорин-Чайков Николай	д-р философии, преп., науч. сотр., Ун-т Кембриджа (Великобритания)
Хабек Отто	д-р философии, проф., Ун-т Гамбурга (Германия)
Швайцер Петер	д-р философии, проф., Венский ун-т (Австрия)
Шлее Гюнтер	д-р философии, проф., директор Ин-та социальной антропологии Общества Макса Планка (Галле, Германия)
Бич Хьюберт	д-р философии, проф., директор Департамента культурной антропологии и этнологии Ун-та Упсала (Швеция)
Степанов Шарль	д-р философии, проф., Практическая школа высших исследований (Париж, Франция)
Ушакин Сергей	д-р философии, проф., Принстонский ун-т (США)
Суляк Сергей	канд. ист. наук, главный редактор журнала «Русин» (Молдова)

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

Галажинский Э.В. – д-р психол. наук, проф., ректор НИ ТГУ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ:

Зиновьев В.П. – д-р ист. наук, проф., декан ИФ НИ ТГУ

ЧЛЕНЫ ОРГКОМИТЕТА:

Нам И.В. – д-р ист. наук, проф., зав. ЛСАИ ИФ НИ ТГУ

Функ Д.А. – д-р ист. наук, проф., г.н.с. ЛСАИ ИФ НИ ТГУ

ОТВЕТСТВЕННЫЕ ИСПОЛНИТЕЛИ:

Годенов И.С. – канд. ист. наук, менеджер ЛСАИ ИФ НИ ТГУ

Поправко И.Г. – канд. ист. наук, в.н.с. ЛСАИ ИФ НИ ТГУ

Рассказчикова А.А. – лаборант ЛСАИ ИФ НИ ТГУ

Организационный взнос

(публикация тезисов, кофе-брейки, ужин-фуршет, бейджи):

2000 руб. (с фуршетом)

1500 руб. (без фуршета)

1000 руб. (для студентов

и аспирантов)

500 руб. (заочное участие)

(Оплату оргвзноса можно осуществить посредством банковского перевода средств на счет ТГУ с указанием наименования платежа «Оргвзносы за участие в конф. “Человек в меняющемся мире”»).

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Современные идентичности и образ жизни малочисленных народов Севера

Модератор: Д.А. Функ (Москва, Россия)

Дискутант: Хьюберт Бич (Уппсала, Швеция)

Предполагается обсудить основные характеристики образа жизни представителей коренных малочисленных народов Севера (КМНС) и их идентичностей. Недопонимание сложных трансформационных процессов последних десятилетий ведет к обращению с данной категорией населения на всех уровнях власти не только как с аутсайдерами и получателями дотаций, но и во многом как со сценическими фольклорными персонажами. Стремительное распространение городского образа жизни в большинстве регионов компактного проживания КМНС, новые паттерны потребления, смещение значительной доли молодежной активности в Интернет, новые культурные, этнические, региональные (групповые и персональные) идентичности, новые формы протестной культуры – все эти характеристики современного представителя КМНС станут предметом анализа в докладах на заявляемой секции.

Мультикультурализм: право на отличие или абсолютизация культуры?

Модератор: Е.И. Филиппова (Москва, Россия)

Дискутанты: В.С. Малахов (Москва, Россия)

Мультикультурализм давно и прочно занял место в центре общественно-политических дискуссий как в России, так и в так называемом западном мире. Однако нет согласия ни в том, что понимать под этим термином, ни в том, как относиться к стоящим за ним явлениям. В то время как одни государства возводят мультикультурализм в ранг официальной политики, другие исповедуют его лишь как либеральный принцип, третьи видят в нем угрозу ослабления национального единства и распада общества на замкнутые общины. Практически всегда и везде существует зазор между мультикультуралистским дискурсом и практиками, а также между заявленными благородными целями и негативными последствиями таких практик – реификацией культурных различий и подменой социальных проблем культурными.

На секции предлагается обсудить широкий круг вопросов, связанных с современной стадией развития мультикультурализма.

Принимающее общество и мигранты

Модератор: В.И. Дятлов (Иркутск, Россия)

Дискутант: С.Н. Абашин (Санкт-Петербург, Россия)

При изучении миграционных проблем основными объектами анализа являются обычно нерасчлененные, агрегированные единицы – «мигранты» и «принимающее общество». Имплицитно предполагается, что при очевидной внутренней неоднородности они все же едины перед лицом контрагента. В этом смысле можно говорить об их общей идентичности. В связи с этим стоит задаться вопросами: Насколько ситуация «мигранта» формирует общность установок поведения, экономических и социальных практик, предпочтений при выстраивании сетей связей и отношений? Какую роль играют различия в

гражданстве, этничности, образовании, городском или сельском происхождении, миграционных устремлениях? Когда и как заканчивается ситуация мигранта – и как это соотносится с «миграционной идентичностью»? Насколько едино принимающее общество во взаимоотношениях с мигрантами? В миграционной ситуации вообще? Каковы интересы и группы интересов? Возможно ли говорить об их если не однородности, то хотя бы односторонности? Если есть конфликт интересов, то каковы формы и механизмы его разрешения? Говорит ли господство мигрантофобии в массовом сознании о единстве общества перед лицом мигрантов и миграционной ситуации? Является ли единым актором государство на миграционном поле? Совпадают ли интересы федеральных, региональных и муниципальных властей? Различных ведомств? Бюрократических кланов и клик? Могут ли возможные противоречия приобретать антагонистический характер? Насколько велика роль миграционной проблемы на современном этапе процесса нациестроительства в России?

Город: практики, связи, эмоции

Модератор: Е.Г. Трубина (Екатеринбург, Россия)

Дискутант: И.В. Утехин (Санкт-Петербург, Россия)

В 2009 г. количество людей в мире, живущих в городах, превысило число обитателей деревень, что объясняет сложности отличия урбанистической антропологии от «просто» социокультурной антропологии. Урбанистическая антропология и выделилась в качестве отдельной дисциплины в 1960-е гг., чтобы пересмотреть как традиционный фокус социокультурной антропологии на «примитивных» и деревенских людях, так и ее каноническую методологию. К примеру, в городах не всегда возможно сосуществование исследователя с информантами – часть канонического включенного наблюдения. Как же тогда сочетать в анализе понимание масштабных процессов, определяющих сегодня жизнь городских жителей, и ее сочувственное насыщенное описание? Как привлекать литературные и масс-медийные источники, исторические сведения для осмысления пестрой городской жизни? Допустим ли анализ кратких эпизодов и случайных столкновений? Чему нас учит антропология городской бедности, социальных сетей, миграции? Правы ли авторы, убежденные, что в сегодняшних городах стоит изучать одиночек, а не связи солидарности, а тем более родства?

Сибирская региональная идентичность: история и современность

Модератор: М.А. Жигунова (Омск, Россия), О.А. Харусь (Томск, Россия)

*Дискутанты: Э.Л. Львова (Томск, Россия), Доминик Самсон
Норман де Шамбур (Париж, Франция)*

Комплексное исследование проблем, связанных с процессом формирования сибирской региональной идентичности, предполагает учет его двойственности, обусловленной стихийным, неотрефлексированным характером этого процесса на уровне массового сознания, с одной стороны, и целенаправленной деятельностью интеллектуальной элиты, общественных и политических акторов, сознательно конструировавших действительность – с дру-

гой. Такой подход ориентирован также на выявление соотношения базовых и ситуативных факторов, определявших динамику и направленность, способы и формы репрезентации региональной идентичности на различных этапах общественного развития. В ходе работы на секции будет обсуждаться феномен региональной идентичности как объекта междисциплинарных исследований, факторы формирования и технологии конструирования сибирской региональной идентичности, авто- и гетеро-стереотипы в представлениях о Сибири и сибиряках и иные актуальные в настоящее время вопросы.

Идентификационные практики в науке и образовании

Модератор: И.В. Черказьянова (Санкт-Петербург, Россия)

Дискутант: Пол Джозефсон (Вотервилль, США)

Ученые и преподаватели – это относительно немногочисленные, но обладающие ярко выраженными идентификационными признаками категории общества. Уже начиная с XVIII столетия эти социальные группы играли заметную роль в жизни европейского общества и часто выступали маркером протекавших в государстве политических и социальных процессов. Обращение к указанному предмету имеет фундаментальное и прикладное значение, позволяя восполнить один из пробелов в комплексном анализе социальной истории XVIII – начала XXI в. Применительно к России рассматриваемый период – время неоднократных попыток проведения модернизации страны как «сверху» (ускоренное развитие страны в условиях петровских преобразований, отмененного крепостного права; «сталинская модернизация»; обновление общественно-политической системы в конце XX в.), так и «снизу» (первая русская революция, приведшая к модернизации политической системы). Далеко не пассивную роль в названных модернизационных процессах играли представители вузовского профессорско-преподавательского корпуса, учительского и академического сообществ.

Поведение человека: эволюционные и кросс-культурные аспекты

Модератор: М.Л. Бутовская (Москва, Россия)

Дискутанты: А.А. Скоробогатая (Москва, Россия), Петр Сороковский (Вроцлав, Польша)

Накопление современных данных из области молекулярной генетики и теории эволюции заставляет специалистов в области поведения (социальной антропологии, психологии, социологии и пр.) пересматривать традиционные представления о природе социального поведения человека и факторов, лежащих в основе функционирования общества, и ставит ряд вопросов, которые и будут обсуждены в ходе работы секции.

Прикладные антропологические исследования

Модератор: Е.В. Миськова (Москва, Россия)

Дискутант: Н.И. Новикова (Москва, Россия)

«Прикладную антропологию» можно рассматривать в двух основных аспектах: во-первых, это исторический этап и особенность развития социально- и культурно-антропологической дисциплины и традиции, а, во-вторых, это большое многообразие антропологической экспертизы, в рамках которой ан-

тропологи по образованию практикуют свои знания и подходы к исследованию различных условий и форм существования человека и человечества. В рамках истории антропологии интерес представляет сама «практика» антропологии, понимаемая и как пресловутое антропологическое «поле» – одновременно и опыт в философско-бытовом значении этого слова и опыт как экспериментальная ситуация столкновения культур, самостей, образов жизни и мысли; и как практика решения самых разных социальных задач, в которую антропологи были вовлечены уже на начальном этапе институционализации науки. В рамках антропологической экспертизы интересно, как приживается и видоизменяется антропология в самых разных междисциплинарных контекстах, вооружаясь самым разным методологическим инструментарием. В России последние двадцать лет прикладные антропологические исследования развивались довольно бурно, что было обусловлено и динамичной социально-политической ситуацией в стране, и традицией понимания российскими учеными себя как экспертов, ответственных за сложные материи межэтнических коммуникаций и взаимодействий. Как развивалась антропологическая экспертиза за эти годы, в каких направлениях? В чем ее своеобразие, связанное с особенностями национальной антропологической традиции? Как она изменила или не изменила предметное и проблемное поле дисциплины в целом?

Европейская идентичность в условиях трансформации политического европейского пространства: институты, группы, люди

Модератор: Л.В. Дериглазова (Томск, Россия)

Дискутанты: Ричард Саква (Кентерберри, Великобритания),

Од Мерлен (Брюссель, Бельгия)

Предлагается обсудить способы и механизмы конструирования различных уровней идентичности в пространстве публичной политики и повседневности на уровне Европейского союза и на примере отдельных стран ЕС (Великобритания и Германия). Особое внимание будет направлено на рассмотрение локальных и индивидуальных форм идентичности и их сочетание с национальными и наднациональными формами. Европейская идентичность в России также будет одним из фокусов исследования. Изучение процесса формирования европейской идентичности с учетом политических, исторических, социальных и психологических факторов, а также степени устойчивости наднациональной идентичности в условиях мультикультурного общества позволит понять феномен европейской идентичности и его значения в современных обществах.

Идентичности России и Восточной Азии: евразийское наследие?

Модератор: Л.И. Шерстова (Томск, Россия)

Дискутант: М.Н. Шведов (Томск, Россия)

При сравнительном изучении российских идентичностей различного уровня часто обращаются к европейским материалам. Между тем проблема конструирования национальной (общегражданской) идентичности стоит остро не только в России, но и в государствах Восточной Азии. Китай, как и Россия, является полиэтническим государством, в котором также существует

проблема соотношения этнических, региональных и общегражданской идентичностей и конструирование последней. Для Южной Кореи и Японии не менее значима проблема соотношения национальной и региональных идентичностей. Представляется, что в вопросах формирования национальной (общегражданской) идентичности Россия имеет достаточно аналогий и общих проблем со странами Восточной Азии, которые, возможно, объясняются наличием общего «евразийского наследия».

Археологическое наследие в контексте региональной и этнической идентичности

Модератор: А.П. Бородовский (Новосибирск, Россия)

Дискутант: В.А. Шнирельман (Москва, Россия)

Предполагается обсудить проблемы использования, актуализации и реинтерпретации археологического наследия при конструировании и трансформации этнических и региональных идентичностей различными акторами (органами власти, СМИ, общественными организациями, системой образования, ученым сообществом). Особое внимание планируется уделить механизмам и причинам мифологизации и политизации древнейшей дописьюнной истории и самих реальных объектов археологического наследия в различных регионах Российской Федерации в условиях кризиса идентичностей.

Мигранты в переселенческом сибирском обществе: стратегии и практики интеграции

Модератор: Т.Б. Смирнова (Омск, Россия)

Дискутант: В.И. Дятлов (Иркутск, Россия)

Если исходить из представления, что переселенческое общество – это не конгломерат разнородных групп, а процесс постоянно развивающегося синтеза на основе гетерогенного аборигенного населения и еще более разнородного населения пришлого, старожилов и новопоселенцев, то это ставит следующие *вопросы*. Постоянный приток мигрантов – необходимое условие существования переселенческого общества? Постоянный приток представителей разнообразных культурных, религиозных, этнических групп – залог или угроза идентичности переселенческого общества? Каковы стратегии и практики взаимной адаптации новичков и принимающего переселенческого общества? Является ли переселенческое общество «плавильным котлом», или этнокультурное разнообразие – его ключевая характеристика?

Русский, советский, россиянин: исторические трансформации российской идентичности

Модератор: В.Н. Кудряшев (Томск, Россия)

Дискутант: О.Ю. Малинова (Москва, Россия)

Идентичность не является константой, она постоянно меняется в рамках процесса социальных трансформаций и взаимодействий. В течение XX века трижды менялась российская идентификационная парадигма: в советский период на смену прежней имперской приходит интернациональная советская идентичность, в свою очередь, утраченная с распадом СССР. Формирование современной российской идентичности происходит под воздействием пред-

ставления о правопреемстве исторического наследия СССР и Российской империи. Современная российская идентичность включает комплекс совмещающихся или конкурирующих измерений: национальную, территориальную, религиозную, идеологическую, политическую идентичность.

Круглый стол «Концепт идентичности в антропологических и социально-политических исследованиях: общие и специфические подходы» (ведущие Хью Бич, Е. Трубина, Дм. Функ)

Круглый стол посвящен центральной категории данной конференции — категории идентичности. Конференция в целом и ее секции посвящены различным типам идентичности (городской, региональной, этнической, классовой, гендерной и т. д.), различным способам ее формирования и выражения. На заключительном круглом столе нашей целью станет критическое рассмотрение того нового, что внес данный форум в понимание идентичности.

Мы рассчитываем более четко представить себе тот вклад, который вносит проект «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» и события научной жизни, организованные Лабораторией социально-антропологических исследований ТГУ, в понятие идентичности. Что нового мы узнаем о ее структуре и функционировании по отношению к уже существующим подходам и уже существующей литературе? Каковы новые теоретические вопросы, поставленные настоящей конференцией в этой области? Каким образом мы можем отреагировать, к примеру, на критику этого понятия, уже подвергшегося значительной смысловой инфляции? Каковы иные категории, в которых можно описать процессы, ставшие предметом анализа на данной конференции?

Мы рассчитываем также — в попытке оценить преимущества дисциплинарного (в данном случае, антропологического) подхода к этому понятию — затронуть такие важные для антропологов проблемы, как специфика антропологического подхода к идентичности и отличие его от того, как идентичность понимается в других социальных и гуманитарных науках.

Контактная информация

Адрес места проведения конференции:

Национальный исследовательский Томский государственный университет
Лаборатория социально-антропологических исследований (ЛСАИ)
Ауд. 30, пр. Ленина, 36, Томск, 634050 Россия
E-mail: lsar@mail.tsu.ru

Нам Ирина Владимировна — д-р ист. наук, проф., зав. ЛСАИ
(E-mail: namirina@bk.ru)

Поправко Ирина Геннадьевна — канд. ист. наук, в.н.с. ЛСАИ
(E-mail: popravkoirina@yandex.ru)

Рассказчикова Альбина — лаборант ЛСАИ (E-mail: dream91.07@gmail.com)

Научный журнал

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

2014. № 1

Редактор *В.С. Сумарокова*
Оригинал-макет *Г.П. Орловой*
Редактор-переводчик *Дж. Кеннеди*

Подписано в печать 03.04.2014 г. Формат 70х100 ¹/₁₆.

Печ. л. 6,25; усл. печ. л. 8,75; уч.-изд. л. 9,25.

Тираж 70 экз. Заказ №

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Учебно-производственная типография ТГУ, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 66